

ISSN 2073-6606

TERRA ECONOMICUS

9
ТОМ

2011

3
номер

TERRA ECONOMICUS

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций 16 января 2009 г. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-34982

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

**До 2009 г. — Экономический вестник
Ростовского государственного
университета**

Журнал включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ ведущих научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора экономических наук

Учредитель:

Южный федеральный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Вольчик В.В. (зам. главного редактора), доктор экономических наук, профессор,

Матвеева Л.Г., доктор экономических наук, профессор,

Овчинников В.Н., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Редакционный совет:

Овчинников В.Н. (председатель редакционного совета), Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Белокрылова О.С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Алешин В.А., доктор экономических наук, профессор,

Архипов А.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Белоусов В.М., доктор экономических наук, профессор,

Боровская М.А., доктор экономических наук, профессор,

Бортник Е.М., кандидат экономических наук, профессор,

Германова О.Е., доктор экономических наук, профессор,

Кетова Н.П., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Кольвах О.И., доктор экономических наук, профессор,

Крюков С.В., доктор экономических наук, профессор,

Мамедов О.Ю., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,

Наймушин В.Г., доктор экономических наук, профессор,

Солдатова И.Ю., доктор экономических наук, профессор,

Чернышев М.А., доктор экономических наук, профессор,

Юрков А.М., кандидат экономических наук, профессор.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 105.
тел.: (863) 2653-158, 2648-466
факс: 2645-255, 265-31-58, 264-84-66
e-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
тел.: (863) 240 96-27
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

*«СЛОВО РЕДАКТОРА»***Мамедов О.Ю.** Государство и экономика.....5*«СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»***Грачёв Г.А.** Оценка структурной эффективности расходной части государственных бюджетов10**Швецов Д.В.** Базар, Ярмарка, Лавка, Магазин: генезис форм розничной торговли.....21*«ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»***Шмоллер Г.** К методологии общественно-политических и социальных наук31*«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ»***Попов Г.Г., Суховский А.М.** Войны и упущенные шансы модернизации России в первой половине XIX века50**Мамедов О.Ю.** Почему немцы голосовали за Гитлера (из истории экономических преступлений государства).....66*«ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ»***Алфёров А.А.** Несколько слов о том, что есть «современность».....78**Кравцов Н.А.** Взаимодействие государства и искусства в Древнем Египте84*«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА»***Цыганенко С.С.** Между номинализмом и реализмом психологических основ методологии права.....88*«ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ»***Нуреев Р.М.** Феодалное общество как высшая и последняя стадия традиционной экономики. Христианский тип культуры....95*«ОН ТАКОЙ ОДИН»***Мэйнстринг Дж.** Приключения ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ141

 Федеральная служба
 по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций
СВИДЕТЕЛЬСТВО
 О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-34982 от 16 января 2009 г.

Название TERRA ECONOMICUS («ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ»)

Адрес редакции 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М.Горького, д. 88, к. 211

Примерная тематика и (или) специализация Научные и учебно-методические публикации по широкому спектру экономических дисциплин; реклама не более 40 %

Форма периодического распространения журнал

Язык(и) русский, английский

Территория распространения Российская Федерация

Учредитель (соучредители) Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42)

Заместитель Руководителя А.А. Романенков

Заместитель начальника
 Управления разрешительной
 работы в сфере СМИ А.Л. Колоницкий

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации». Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет уголовную, административную, дисциплинарную или иную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

007857

Журнал «Экономический вестник Ростовского государственного университета» зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций — свидетельство ПИ № ФС77-13577 от 20 сентября 2002 г.

СМИ перерегистрировано в связи с изменением названия и сменой учредителя 16 января 2009 г.

Заместитель Руководителя А.А. Романенков

Заместитель начальника
 Управления разрешительной
 работы в сфере СМИ А.Л. Колоницкий

ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА

О.Ю. МАМЕДОВ

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет
e-mail: oktaj-mamedov@yandex.ru

Историко-экономическое эссе посвящено необходимости придания приоритета рынку по сравнению с государством.

Ключевые слова: рынок; государство; государственное регулирование рынка.

Historical essays devoted to the economic necessity of giving priority market compared with the state.

Keywords: market, state, government regulation of the market.

Какую славную эволюцию совершили экономисты за последние 250 лет! Начав с отрицания государственного вмешательства в экономику (отведя ему устами Адама Смита роль «ночного сторожа»), они сегодня пламенеют гневом, слышав еще исполняемые (конечно, вполголоса и тихо-тихо, сугубо по экономико-теоретическим закоулкам) старинные гимны «свободному рынку». И всей праведной душой взыскуют жесткой государственной руки, которая только и способна, по их мнению, навести «железный орднунг» в вечно тяготеющей к опасному либерализму рыночной экономике.

На заре социальной истории не было ни экономики (одно натуральное хозяйство), ни государства (только задруга, сябры, да адат с джамаатом)¹.

Но вот открылась «государственная страница» цивилизации – очень, очень долго до появления экономики. И государство сделало все, чтобы «экономическая страница» долго еще не открывалась, так как возникновение экономики означало приход того состояния созидательной сферы, которое неизбежно ограничивает объем властных полномочий государственной машины.

И государство довольно эффективно противостояло развитию экономики². Свидетельство тому — вся тягучая история Древнего Востока, который пришел в движение только от катастрофического столкновения с Александром Македонским, политическим вождем рыночной экономики Древней Греции.

Увы, — недолго рынок танцевал, — победа варваров над Великим Римом означала всемирно-историческое поражение рыночной экономики. И на ее реанимацию потребовалось не менее 1200 лет!

¹ Но эти двухсторонние рамки также представляются узкими. — «Сегодня политико-экономические дебаты часто сводятся к дихотомии рынка и государства, однако существует еще третья неназванная сторона — человеческое общество» (см. «Markt, Staat, Gesellschaft: Ein Dreieck», источник - http://www.rpoth.at/econ_state.shtml).

² «Опыт показывает, что подавляющая часть /агрессивных/ мероприятий проводится государством, поскольку государство является единственной организацией в обществе, которая юридически адаптирована к использованию насилия» (Murray N. Rothbard's. Man, Economy, and State. 2009, p. 1440).

Только к XVII в. впервые системно оформилась национальная рыночная экономика (голландская). Веком позже — английская национальная рыночная система. Еще спустя век — французская национальная рыночная система. Затем — немецкая, североамериканская, российская... Позже к ним присоединились японская, корейская, сингапурская, латиноамериканская, — **тенденция превратилась в закономерность!**

Пять веков сплошных побед рынка над «до-рынком» (а, значит, и государством) — это уже **экономический закон**.

Но каждый раз, в каждой стране возникновение рынка требовало беспощадной схватки «экономики» с «государством», желавшим детально, дотошно и избыточно регламентировать стихийные рыночные процессы (все, знакомые с европейской историей, хорошо осведомлены об огромной политической цене, которую пришлось заплатить многим народам за становление рынка — нидерландская, английская, французская и три русские революции).

Мировая история выписала «двойную загогулину» — от неэкономического состояния сначала вышла на государство, и лишь затем — на рынок, который с тех пор только и отбивается от государства³.

А о том, что способно сделать неподконтрольное обществу государство с рыночно-беспечной экономикой, показывает трагическая история российской экономики, последовательно, системно и безжалостно убиваемой собственным государством на протяжении всего XX века.

А вот экономика не в состоянии так же «отомстить» государству — **ЭКОНОМИКА БЕЗ ГОСУДАРСТВА НЕВОЗМОЖНА!**

Да, но — какого государства?

А вот какого — либерального, экономного и сосредоточенного на выполнении нерыночных функций в общественном производстве, т.е. занимающегося тем, чем по разным причинам не может или не желает заниматься рынок. Вот это, ненужное или непосильное для рынка, и было названо антирыночниками «провалами рынка», — однако с таким же правом те рыночные функции, которые непосильны для государства, можно назвать «провалами государства»!

Взаимокомпенсирующее уравнивание этих двух групп «провалов» — такова суть цивилизованной смешанной экономики: государство восполняет «провалы рынка», а рынок — «провалы государства»!

Пора уже осознать, и не только экономистам, — **СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ ШИРЕ, ЧЕМ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОСУДАРСТВА!**

³ «Экономисты уже давно проявляют интерес к взаимоотношениям между политикой правительства и частным хозяйством. Правительственная политика (такая, как налогообложение и регулирование) может сильно повлиять на частную экономическую деятельность, а последняя влияет на то, какого рода политика правительства является экономически выгодной, в том числе и с политической точки зрения. Исторические исследования этих отношений весьма многочисленны, и позволили сделать важные выводы о происхождении государственных программ, о формах, которую они принимают, и их экономических последствиях» (The State, Regulation and the Economy: An Historical Perspective | Book Reviews. Published by EH.NET. July, 2002; см. также - Lars Magnusson and Jan Ottosson, editors, The State, Regulation and the Economy: An Historical Perspective. Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar, 2002. Reviewed for EH.NET by Mark Kanazawa, Department of Economics, Carleton College).

Государство не может охватить все сферы жизнедеятельности общества, а если оно это делает, то на этом заканчивается не только субъектность экономики, но и субъектность общества.

Навязчивый всесферно-проникающий этатизм превращается в господствующую идеологию, которая захватывает умы даже экономистов, озабоченных тем, чтобы государству было тепло, уютно и доходно. А то, что государство в каждый момент продолжает оставаться «комитетом по управлению делами господствующего класса», — уже не важно?

И забывается фундаментальная истина: между богатством общества и богатством государства — прямо-противоположная зависимость, поскольку схлестываются две логики обогащения: чем богаче государство — тем беднее общество, и наоборот, чем богаче общество — тем беднее государство.

И выбирать приходится между этими двумя полярными состояниями. А полярны они потому, что и у общества, и у государства один и тот же источник богатства — совокупный общественный продукт, который к тому же всегда ограничен по своим размерам. Поэтому — чем большую часть возьмет себе государство, тем меньше останется обществу, а чем больше достанется обществу, тем меньше останется государству.

Вот почему общество объективно заинтересовано в дешевом государстве. И специфический, возможный только со стороны государства, вклад в рост благосостояния общества государство может внести, прежде всего, удешевлением содержания своего бюрократического аппарата!

Поскольку же государство всегда преувеличивает свою значимость тем, что склонно отождествлять себя с обществом, а свои бюрократически-корпоративные экономические интересы — с экономическими интересами общества, то необходимость выделения обществу части совокупного продукта оно, государство, рассматривает как посягательство на сферу своих жизненных интересов, и потому стремится минимизировать отдаваемую обществу часть созданного же обществом продукта.

Важный момент механизма становления национальной рыночной системы — длительность этого процесса, требующая от общества и соответствующего *длительного* исторического терпения.

Продолжительность исторического периода становления рынка важна тем, что по мере его постепенного укрепления происходит и «рыночное» перевоспитание населения страны, но — что еще важнее — государства. Именно «рыночное перевоспитание государства» является условием, без которого рыночная экономика вынуждена влачить жалкое существование в виде неэффективного и безропотного производственного придатка к государственной машине⁴.

⁴ Валютный рынок, будучи одним из множества рынков в рыночной экономике, выполняющий функцию индикатора состояния национальной экономики, превратился в самый любимый и, как кажется чиновникам, доступный для их упражнений на ниве государственного регулирования объект, — такой детальной нормативной регламентации нет ни на одном другом рынке; но так и хочется спросить — «и что, сынку, помогли тебе регламенты?» Непредсказуемое буйство валютных курсов, всегда взрывающее систему их государственного регулирования, лучше всего показывает, чем завершаются гипертрофированные масштабы государственного вмешательства в рыночные процессы.

Впрочем, социальной истории абсолютно безразлично, есть ли у населения данной страны способность к длительному терпению, или оно ужасно нетерпеливо.

Проведите эксперимент — выделите на глобусе те регионы и страны, которые можно твердо отнести к «рыночно-развитым», и вы удивитесь неспешности историко-экономического процесса.

Ушло ли противостояние экономики и государства в прошлое?

Куда там, — судя по единодушным осуждениям рынка как единственного виновника последнего финансово-экономического кризиса, желающих свалить все на рынок становится гораздо больше, чем раньше.

И никто из экономистов не желает сказать: **КРИЗИС — ЭТО ЕДИНСТВЕННО ДОСТУПНЫЙ ДЛЯ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ СПОСОБ ОБЪЯСНИТЬ ГОСУДАРСТВУ, ЧТО РЫНОК НУЖДАЕТСЯ В НОВОЙ «ПОРЦИИ» СВОБОДЫ, ЧТО ГОСУДАРСТВО МЕШАЕТ РЫНКУ ПЕРЕЙТИ К ЭТОМУ НОВОМУ УРОВНЮ СВОБОДЫ.**

Именно в таком «мешательстве» рынку и кроется причина возникновения социально недопустимого отклонения в равновесном функционировании производства, получившего название «кризис»!

Великая экономическая наука не за тем буквально выстрадала идею *циклического характера развития* рыночной экономики, чтобы вот так, походя, в угоду коррупционным аппетитам чиновников, отказаться от нее. И пусть никто не заблуждается, — никакие армии ученых-экономистов, никакие институты стратегического развития, никакие массированные регулирования рынка не в состоянии отменить этот главный двигатель рыночной экономики.

Практически все экономисты согласны с тем, что государство должно регулировать рынок. А на каком, позвольте спросить, основании? Чем государство, так сказать, «умнее» экономики?

Дело обстоит противоположным образом — это рынок должен регулировать, воспитывать и перевоспитывать государство.

Государство в качестве регулятора рынка опаснее, чем стихийное саморазвитие рынка, так как государству свойственно упрямиться, упираться и артачиться, то есть настаивать на том, на чем настаивать не следовало бы. И то сказать, неизбежность временного лага между осознанием деструкции ситуации, разработкой корректирующей экономической политики, ее осуществлением и получением реальных результатов обесмысливает целесообразность всякой экономической политики со стороны государства.

Но когда ситуация в экономике становится кризисной, то у государства виноватыми становятся все — стяжательство банкиров, «финансовые пузыри», необеспеченность ипотеки, — но только не само государство, которое втихомолку активнее других участвует в раздувании «финансовых пузырей» (главный источник последних — вечно дефицитный бюджет), которое само опережает в стяжательстве всех предпринимателей и которое никогда не признается в своих провалах.

Государство — по многим причинам — сильнее экономики. Особенность его вмешательства в рынок состоит в том, что такое вмешательство является, по замечательному определению Макса Вебера, «легитимным насилием». Именно такая «легитимность» (устанавливаемая, между прочим, самим государством!) и позволяет ему играючи расправляться с рыночной экономикой.

Но стоит ли это делать⁵? И многое ли выиграет от этого общество?

⁵ Можно утверждать, что существует некий «закон обратной эффективности» — чем выше государственные расходы, тем ниже экономический рост, и наоборот; как сообщает «Ежеквартальный журнал экономики», соотношение реальных потребительских расходов правительства к реальному ВВП имеет отрицательную корреляцию с экономическим ростом и ростом инвестиций, а экономический рост обратно пропорционален доле государственного потребления в ВВП, и незначительно связан с долей государственных инвестиций; журнал «Макроэкономика» обнаружил, что “1% роста правительства оборачивается уменьшением темпа экономического роста на 0,143%”, а журнал «Выбор» сообщил — “однопроцентное увеличение государственных расходов в процентах от ВВП повышает уровень безработицы примерно на 0,36 процента” (см.: C. Read. Keynesian Economics Is A Failure // Article Directory, <http://www.articledashboard.com>).

К ОЦЕНКЕ СТРУКТУРНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДНОЙ ЧАСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ БЮДЖЕТОВ

Г.А. ГРАЧЁВ

кандидат физико-математических наук,
НИИ физики Южного федерального университета,
e-mail: GGA48@bk.ru

В работе для оценки структурной эффективности расходной части государственных бюджетов предлагается сравнивать ранговые распределения бюджетных ассигнований с ранговым распределением обобщенной модели «принципа Парето». По результатам исследования структур федеральных бюджетов США на 1962–2010 гг. и консолидированных бюджетов СССР на 1985–1990 гг. получены значения критерия структурной эффективности, позволяющие классифицировать структуру бюджетов как эффективную, устойчивого развития и кризисную.

Ключевые слова: бюджет; структурная эффективность; ранговое распределение; корректирующий множитель; оптимальность по Парето; экономический кризис.

This paper proposes to assess the structural efficiency of the state budget expenses by comparison of the rank distributions of the budget allocations with the rank distribution of the Pareto principle generalized model. Based on studies of the structures of the US Federal Budgets in 1962–2010, and the USSR Consolidated Budgets in 1985–1990, the structural efficiency criterion values were obtained for classification of a budget structure as efficient, providing for stable development, or crisis-related.

Keywords: budget; structural efficiency; rank distribution; adjustment factor; Pareto optimality; economic crisis.

Коды классификатора JEL: G18.

Ведущую роль в формировании и развитии экономической структуры любого общества играет государственное регулирование, осуществляемое в рамках избранной властью экономической политики. Макроэкономическим инструментом реализации социально-экономической политики государства является государственный бюджет (ГБ), действенность которого во многом зависит от структурной эффективности расходной части бюджета [1].

В настоящее время существует множество математических методов для решения задач эффективного распределения ограниченных ресурсов, например, методы линейного и нелинейного программирования. Однако их использование при планировании расходной части ГБ оказывается затруднительным, во-первых, из-за наличия постоянных государственных расходов, во-вторых, вследствие лоббирования интересов отдельных министерств и ведомств, делающего процесс форми-

рования бюджета зависящим от переговорной силы его участников [9]-[12], [14]. В результате структура расходной части ГБ очень редко бывает оптимальной. Наличие недостатков в структуре федерального бюджета (ФБ) Российской Федерации неоднократно отмечалось министром финансов А.Л. Кудриным [7], [8] и другими экономистами (см., например, [6]). В связи с чем задача выбора и обоснования критериев структурной эффективности ГБ в условиях, когда бюджет изначально не является оптимальным, представляется актуальной не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

В данной работе для оценки структурной эффективности бюджета предлагается использовать принцип оптимальности по Парето.

Обозначим w_n значения элементов рангового распределения модели, соответствующей оптимальному распределению бюджетных ресурсов по основным разделам расходной части ГБ (где $\sum_{n=1}^N w_n = 1$, N — количество основных разделов). Ранговое распределение ассигнований расходной части ГБ, сформированное на очередном этапе переговорного процесса, обозначим идентификатором v_n , $\sum_{n=1}^N v_n = 1$. Для сравнения элементов ранговых распределений v_n с w_n введем понятие корректирующих множителей (k_n), определяемых соотношением:

$$k_n v_n = w_n, \quad n \in [1, N]. \quad (1)$$

По сути, корректирующие множители показывают, во сколько раз нужно изменить значения элементов сформированного бюджета, чтобы достигнуть оптимума структурной эффективности, при которой $k_n = 1$ для всех $n \in [1, N]$.

В качестве критерия структурной эффективности расходной части ГБ используем стандартное отклонение, вычисляемое по формуле:

$$s = \sqrt{\frac{\sum_{n=1}^N (1 - k_n)^2}{N - 1}}. \quad (2)$$

Постановка задачи. Требуется выбрать модель, соответствующую оптимальному по Парето распределению бюджетных ресурсов, и определить значение критерия структурной эффективности, превышение которого приводит к неэффективному использованию финансов.

Известно, что система эффективна, если для достижения поставленной цели она расходует минимум ресурсов (усилий). Исходя из чего, в теории сложных систем постулируется, что все эффективно функционирующие системы независимо от их природы должны иметь общие законы организации. Одним из таких общепризнанных эмпирических законов организации систем является «принцип Парето», согласно которому 20% ресурса обеспечивают от 60 до 80% результата. Данный принцип был открыт В. Парето в 1897 г. при исследовании закономерностей распределения доходов населения на базе статистических данных о подоходных налогах в Пруссии, Саксонии и Англии XIX в., Флоренции эпохи Ренессанса, Перу XVIII в. и других стран. В результате обработки большого объема статистических данных В. Парето обнаружил, что плотность вероятности распределения доходов во всех рассмотренных им случаях можно аппроксимировать степенной функцией с показателем степени $5/2$ [13]. Поскольку часть населения налогов не платит (ввиду того, что их доход не превышает установленного значения), с самого начала было очевидно, что открывая

В. Парето закономерность применима только к высокодоходной части населения. Позднее такие распределения в социально-экономической теории были названы усеченными.

Модель «принципа Парето» (МПП), обобщающая усеченную модель В. Парето, была разработана нами в работе [2]. При конструировании МПП мы исходили из того, что полученная В. Парето закономерность является частным случаем закона убывающей отдачи. Дважды непрерывно дифференцируемая первообразная функция элементов рангового распределения МПП имеет вид:

$$S(\gamma, x) = \frac{1}{Q} \sqrt[3]{1 - (1 - \gamma x)^3} \quad x \in [0, 1], \gamma \in (0, 1], \quad (3)$$

где $Q = \sqrt[3]{1 - (1 - \gamma)^3}$ — нормировочный множитель, γ — параметр полноты системы.

Из (3) видно, что функция $S(\gamma, x)$ удовлетворяет всем требованиям к закону убывающей отдачи: $0 \leq S(\gamma, x) \leq 1$, $S(\gamma, 0) = 0$, $S(\gamma, 1) = 1$, $S'(\gamma, x) \geq 0$, $S''(\gamma, x) \leq 0$ (где $S' = dS / dx$, $S'' = d^2S / dx^2$). Для неполной системы ($\gamma < 1$) из (3) получаем первообразную функцию усеченного распределения Парето: $S(\gamma, x) = x^{\frac{1}{1-\gamma}}$. Коэффициент концентрации элементов распределения $K_c = S(\gamma, 0.2)$ удовлетворяет неравенству: $0.587 \leq K_c \leq 0.787$.

Используя (3), элементы рангового распределения можно вычислить по формуле:

$$w_n = S(x_n) - S(x_{n-1}), w_1 = S(x_1), \quad (4)$$

где $x_n = n / N$.

В [2] показано, что с точностью до членов второго порядка малости координата среднего по величине элемента рангового распределения МПП не зависит от параметра модели и находится в точке $x_m \approx 0.2$, т.е. является инвариантом МПП. Применительно к социальной экономике это означает, что 80% населения имеет доход меньше среднего. По сути дела, МПП дает принципиально иную трактовку «принципа Парето»: в конкурентной борьбе 20% наиболее сильных участников добивается результатов выше среднего, остальные 80% — ниже среднего. В отсутствии внешних ограничений 20% ресурса производят 78.7% результата, при наличии ограничений — не менее 58.5%.

Отличительной особенностью практического использования МПП является то, что для вычисления рангового распределения ресурса между элементами эффективной системы достаточно задать количество элементов или долю ресурса, приходящегося на первый по рангу элемент системы. В первом случае для вычисления рангового распределения можно сразу использовать соотношения (3), (4), во втором, — исходя из доли ресурса первого по рангу элемента системы, сначала вычислить оптимальное количество элементов в системе $N = \gamma / (1 - \sqrt[3]{1 - Q^3 w_1^3})$, затем по формулам (3), (4) ранговое распределение ресурса.

Верификация МПП на неравенстве доходов населения [3] и системах городского расселения [4] показала, что данная модель применима к системным объектам различной природы. Физическим аналогом модели является система водяных шаров в невесомости, имеющая минимальную потенциальную энергию.

Используя неравенство П.Л. Чебышева: $\sum_{n=1}^N k_n v_n \geq \left(\frac{1}{N} \sum_{n=1}^N k_n \right) \left(\sum_{n=1}^N v_n \right)$ и определение

корректирующих множителей (1), получаем: $\sum_{n=1}^N k_n \leq N$. Из последнего неравенства следует, что максимум суммы корректирующих множителей равен числу разделов бюджета. Так как государственный бюджет является открытой системой, стремящейся достигнуть эквифинального состояния определяющегося лишь эффективностью структуры и не зависящего от начального состояния среды, то ниже для определения параметра модели использовалось уравнение: $\sum_{n=1}^N k_n = N$.

Для эмпирической оценки значения критерия структурной эффективности ГБ, превышение которого приводит к неэффективному использованию финансов, были взяты статистические данные ассигнований основных разделов федеральных бюджетов (ФБ) США (источник: www.budget.gov) и консолидированных бюджетов (КБ) СССР (источник: www.minfin.ru).

Сравнение МПП с ФБ США на 1962 г. представлено на рисунке 1, КБ СССР на 1985 г. — на рис. 2. Эмпирические данные на обоих рисунках показаны «жирными» точками, МПП — «тонкой» линией.

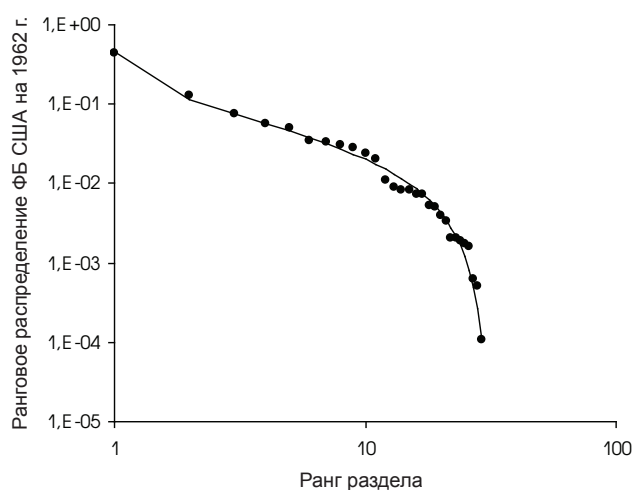

Рис. 1. Ранговое распределение ассигнований разделов ФБ США на 1962 г.

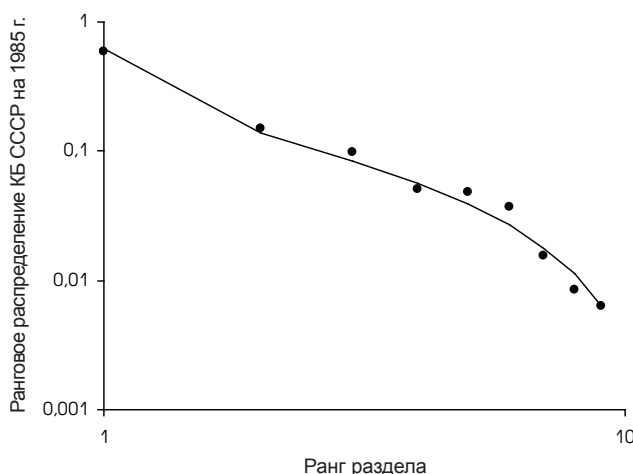

Рис. 2. Ранговое распределение ассигнований разделов КБ СССР на 1985 г.

Из рис. 1, 2 видно, что в обоих случаях МПП хорошо описывает структуру распределения бюджетных ассигнований. Вычисленный по формуле (2) критерий структурной эффективности для ФБ США на 1962 г. $s = 0.23$, для КБ СССР на 1985 г. — $s = 0.19$.

Динамики параметра модели и критерия структурной эффективности расходной части ФБ США на 1962–2010 гг. представлены на рис. 3.

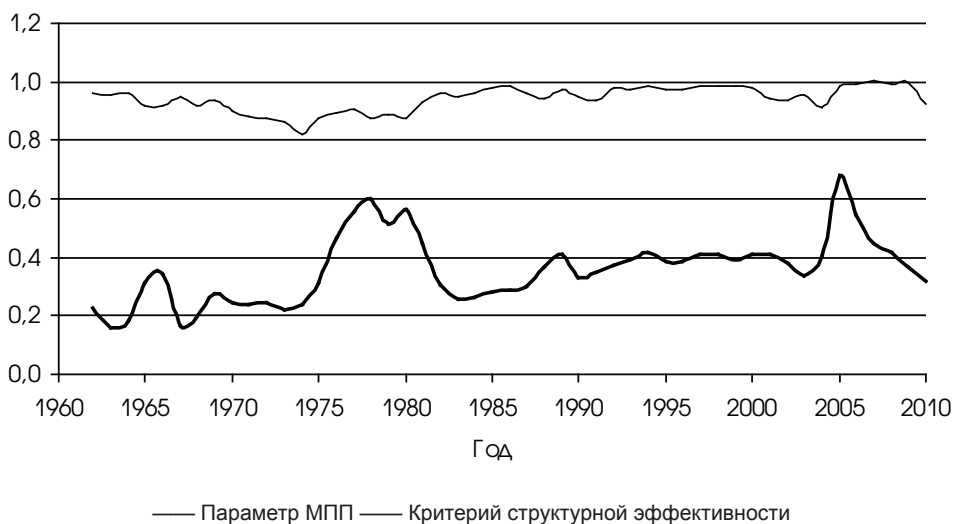

Рис. 3. Динамика параметра МПП и критерия структурной эффективности разделов ФБ США в период с 1962 по 2010 гг.

Из рис. 3 видно, что в период с 1962 по 1975 г. среднее значение критерия структурной эффективности ФБ США равно 0.24, с 1976 по 2010 гг. — 0.41. Наибольшие значения критерия структурной эффективности приходятся на 1976 г. ($s=0.60$) и на 2005 г. ($s=0.68$). В первом случае рост критерия структурной эффективности начался в период экономического кризиса 1973–1975 гг., во втором — и перед началом экономического кризиса 2008 г. Из чего можно сделать предположение, что в первом случае рост критерия структурной эффективности произошел в результате антикризисной политики, во втором — ухудшение структурной эффективности расходной части ФБ США могло стать одной из причин возникновения экономического кризиса [5].

Анализ динамики ассигнований основных разделов ФБ США показал, что, начиная с 1969 г., доля расходов на Военное ведомство стала резко сокращаться, с 46.9% до 15.6% в 2001 г. В этот же период ассигнования на социальное страхование увеличились с 13.4% до 22.6%; на Министерство финансов — с 7.9% до 20.8%. В 2005 г. ассигнование каждого из этих ведомств составило 16–20% расходной части ФБ США. К 2005 г. существенно возросло ассигнование на здравоохранение. Ранговое распределение ассигнований ФБ США на 2005 г. показано на рис. 4.

Из рис. 4 видно, что ранговое распределение ассигнований ФБ США на 2005 г. существенно отличалось от рангового распределения МПП. По сути, последние 34 года ФБ США одновременно «сидел на 4 стульях», что неизбежно приводило к сбоям в экономике и возникновению экономических кризисов, а реализация бюд-

жета с неэффективной структурой требовала постоянного увеличения государственного долга (начиная с 1974 г.).

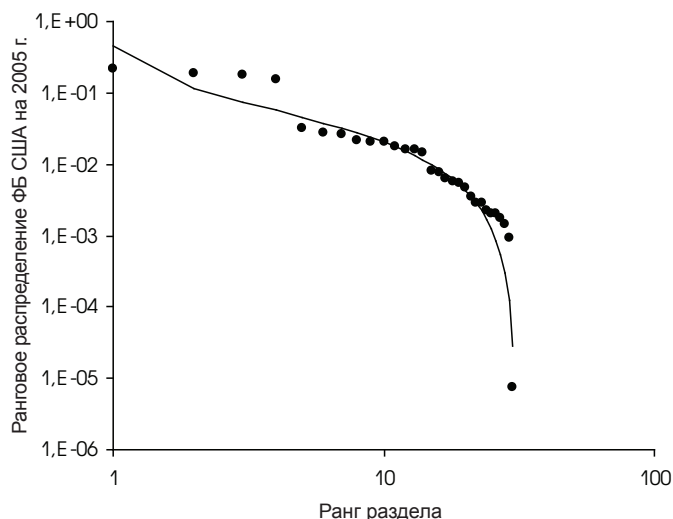

Рис. 4. Ранговое распределение ассигнований разделов ФБ США на 2005 г.

Из рис. 4 видно, что ранговое распределение ассигнований ФБ США на 2005 г. существенно отличалось от рангового распределения МПП. По сути, последние 34 года ФБ США одновременно «сидел на 4 стульях», что неизбежно приводило к сбоям в экономике и возникновению экономических кризисов, а реализация бюджета с неэффективной структурой требовала постоянного увеличения государственного долга (начиная с 1974 г.).

Распределение бюджетных ассигнований по разделам КБ СССР на 1985–1990 гг., значения параметра МПП и критерия структурной эффективности представлены в табл. 1. Диаграмма динамики критерия структурной эффективности КБ СССР показана на рис. 5.

Таблица 1

Распределение расходов КБ СССР по разделам функциональной классификации (в %)

№	Наименование раздела	Ранговое распределение, %					
		1985	1986	1987	1988	1989	1990
1	Народное хозяйство, всего	58,8	59,1	56,9	46,9	44,7	39,8
2	Внешнеэкономическая деятельность	0,6	1,3	2,9	3,6	3,4	3,2
3	Образование	9,7	9,7	10,3	9,9	10,0	10,5
4	Здравоохранение	4,8	4,5	4,7	5,0	5,5	5,8
5	Социальная политика	14,8	14,8	14,9	15,1	14,7	20,8
6	Наука	3,7	3,7	3,0	3,9	2,3	2,4
7	Оборона	5,1	4,8	4,9	13,3	16,9	15,0

Окончание табл. 1

№	Наименование раздела	Ранговое распределение, %					
		1985	1986	1987	1988	1989	1990
8	Правоохранительная деятельность и безопасность	1,6	1,5	1,5	1,5	1,9	2,0
9	Управление	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6
	Параметр МПП	0,77	0,74	0,68	0,59	0,63	0,62
	Критерий структурной эффективности	0,19	0,17	0,19	0,42	0,43	0,49

Из рис. 5 видно, что критерий структурной эффективности расходной части КБ в годы устойчивого экономического развития СССР находился в диапазоне от 0.17 до 0.19. Начиная с 1988 г., критерий структурной эффективности стал превышать уровень 0.4, а в критический 1990 год достиг значения 0.49. Нарушение структурной эффективности бюджета произошло в результате уменьшения ассигнований на раздел «Народное хозяйство» и непропорционального увеличения расходов на разделы «Социальная политика», «Образование» и «Оборона».

Сопоставляя значения критерия структурной эффективности с моментами наступления экономических кризисов в США и СССР, можно сделать вывод о том, что кризисные ситуации в экономике наступают при значениях $s = 0.49$. В периоды устойчивого развития экономики значения $s < 0.4$. Структуру бюджета можно считать эффективной, когда $s \leq 0.2$.

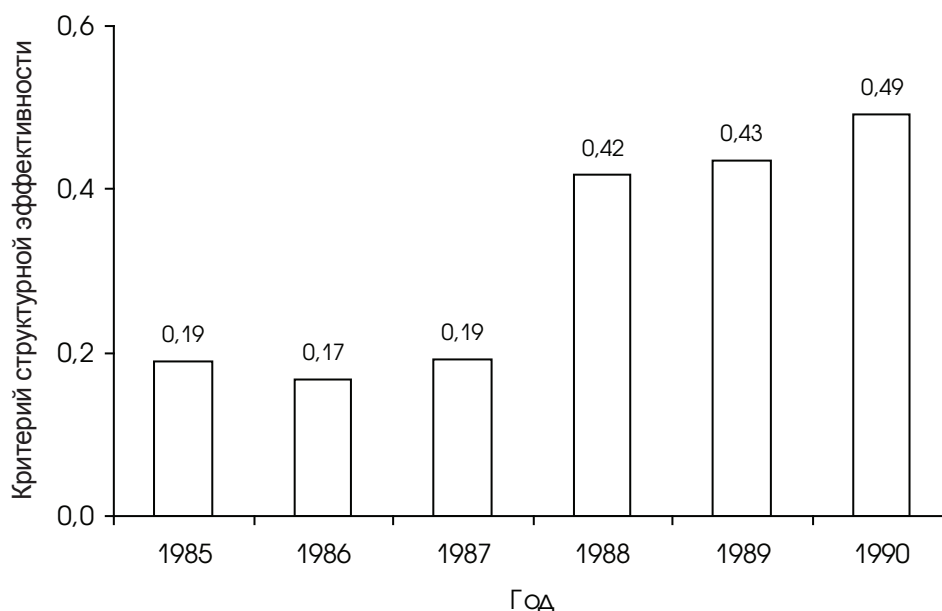

Рис. 5. Динамика критерия структурной эффективности расходной части КБ СССР в период с 1985 по 1990 гг.

Распределение бюджетных ассигнований по разделам ФБ РФ на 2004–2011 гг., значения параметра МПП и критерия структурной эффективности представлены в табл. 2. Диаграмма динамики критерия структурной эффективности показана на рис. 6.

Таблица 2

**Распределение расходов ФБ РФ по разделам
функциональной классификации (в %)**

№ Р	Наименование раздела	Ранговое распределение, %							
		2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1	Общегосударственные вопросы	8,3	15,1	15,0	17,2	11,1	9,7	12,0	11,2
2	Национальная оборона	16,3	17,4	15,6	12,8	13,7	12,2	12,7	13,8
3	Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	13,1	13,1	12,7	10,3	11,0	10,1	10,7	11,8
4	Национальная экономика	8,1	7,9	7,9	11,2	13,5	18,6	13,6	12,9
5	Жилищно-коммунальное хозяйство	0,4	0,3	0,9	4,5	1,7	1,4	1,4	1,0
6	Охрана окружающей среды	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
7	Образование	6,4	5,1	4,7	4,4	4,7	4,2	4,0	4,6
8	Культура, кинематография, средства массовой информации	1,4	1,3	1,2	1,1	1,2	1,2	1,1	1,1
9	Здравоохранение, физическая культура и спорт	3,0	2,8	3,5	4,2	3,7	3,5	3,4	3,6
10	Социальная политика	6,3	5,5	4,8	4,4	3,9	3,3	3,3	2,9
11	Межбюджетные трансферты	36,5	31,3	33,5	29,7	35,3	35,7	37,6	37,2
	Параметр МПП	0,78	0,83	0,77	0,77	0,77	0,78	0,78	0,79
	Критерий структурной эффективности	0,70	0,74	0,85	1,09	0,96	0,89	0,82	0,80

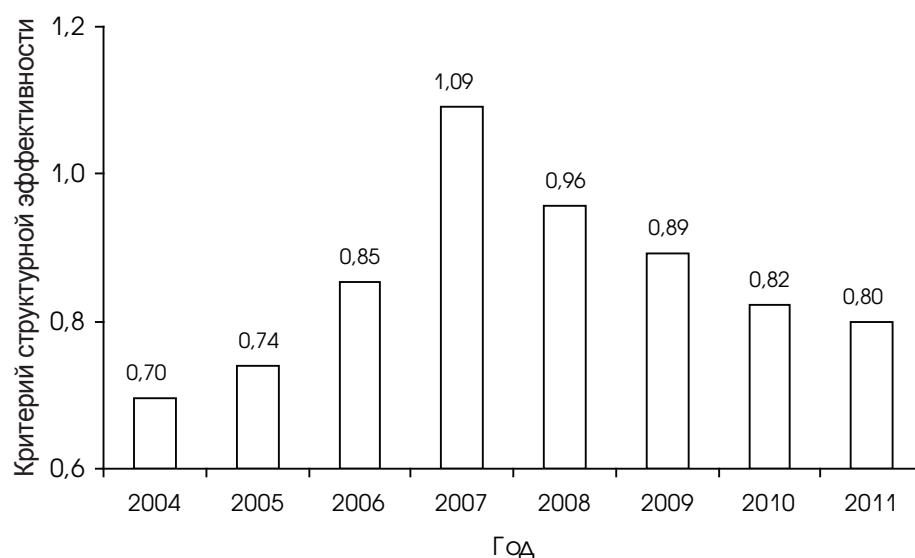

Рис. 6. Динамика критерия структурной эффективности расходной части ФБ РФ в период с 2004 по 2011 гг.

Из табл. 2 и рис. 6 видно, что значения критерия структурной эффективности ФБ РФ в период с 2004 по 2011 г. существенно превышают уровень $s = 0.4$, что

говорит об отсутствии предпосылок для устойчивого развития экономики РФ. По сравнению с ФБ РФ на 2004 г. наихудшую структурную эффективность имел бюджет на 2007 г. Основной причиной ухудшения структурной эффективности ФБ РФ на 2007 г. является более чем двукратное увеличение ассигнований на раздел «Общегосударственные вопросы», средства из которого расходуются в основном на содержание высших должностных лиц государства. Увеличение ассигнований произошло за счет сокращения расходов на разделы «Национальная оборона», «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность».

Диаграмма значений критерия структурной эффективности для подразделов основных разделов расходной части ФБ РФ на 2010 г. показана на рис. 7.

Из рис. 7 видно, что не только структура основных разделов ФБ РФ, но и структуры подразделов основных разделов бюджета очень плохо оптимизированы по величине расходов. Исключение составляет раздел «Межбюджетные трансферты», у которого критерий структурной эффективности равен 0.29. Наихудшую структурную эффективность в 2010 г. имели разделы «ЖКХ» и «Социальная политика» ($s > 5$). По сути дела, во всем рассматриваемом интервале ФБ РФ был и остается кризисным. Сохранение целостности РФ происходит исключительно за счет того, что бюджет составляется исходя из заниженных цен на экспортируемые РФ энергоносители. Реальные цены в 1.2–1.5 раз больше планируемых, что позволяет до поры до времени сохранять целостность РФ даже при такой неэффективной структуре бюджета.

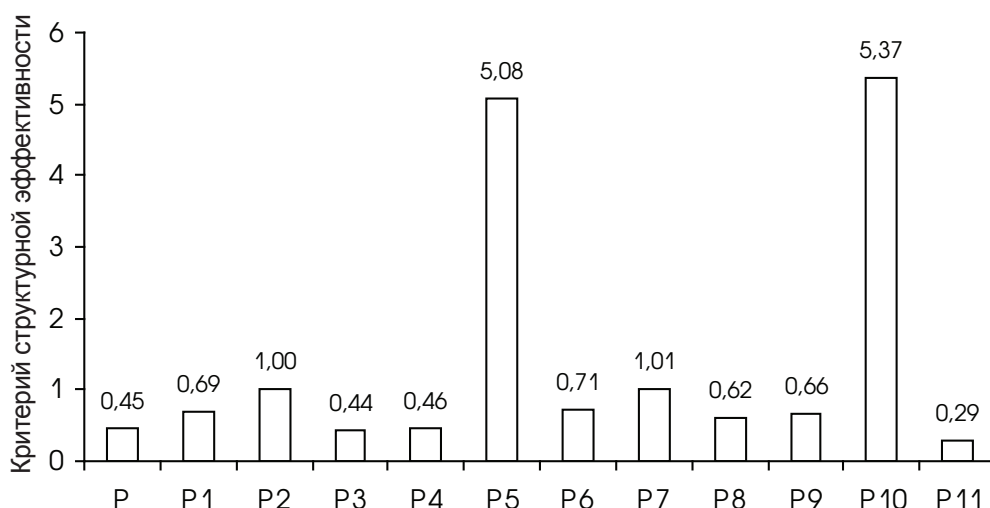

Рис. 7. Значения критериев структурной эффективности для разделов ФБ РФ на 2010 г.

Одним из локомотивов развития высокотехнологичных экономик является оборонная промышленность. Основой развития этой отрасли народного хозяйства являются прикладные научные исследования в естественных областях знания. Поэтому ассигнование научных исследований в области национальной обороны, по мнению автора, должно быть одним из приоритетных направлений финансирования. В то же время в разделе ФБ РФ «Национальная оборона» на 2010 г., корректирующий множитель для подраздела «Прикладные научные исследования в области национальной обороны» равен 2.95 (см. рис. 8), что говорит о необходимости трехкратного увеличения ассигнований на прикладные научные исследования.

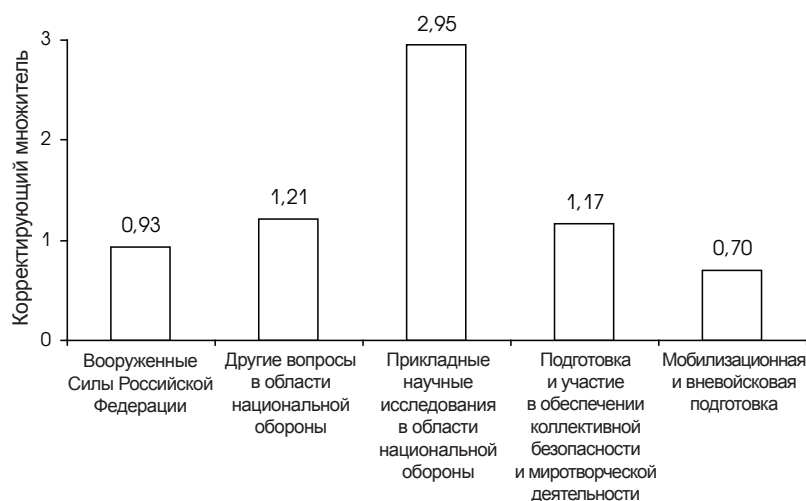

Рис. 8. Значения корректирующих множителей для подразделов раздела ФБ РФ «Национальная оборона» на 2010 г.

В заключение отметим, что в экономически развитых странах, с уже сложившимися принципами бюджетирования, резкие колебания долей расходов во времени, как правило, отсутствуют. В РФ (см. табл. 2) размах колебаний отдельных долей бюджета достигает 100%, что говорит об отсутствии четкой ориентации бюджетного планирования на достижение конкретных стратегических целей. Как следствие, РФ, в лице ее руководителей прежде всего, необходимо определить приоритетные задачи социально-экономической политики государства и общественно значимые результаты на текущий год и среднесрочную перспективу. При этом планирование ассигнований расходной части бюджета должно иметь не только экономическое, но и системное обоснование.

Учитывая проблематичность принятия оптимального бюджета, предлагаемая в работе методика и эмпирические оценки структурной эффективности могут быть использованы при выборе окончательного варианта расходной части бюджета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Мст. П., Беленчук А.А., Кривоногов И.В. Бюджет и бюджетная система. М.: Юрайт. 2010. 770 с.
2. Грачёв Г.А. Моделирование «принципа Парето» // «Развитие инновационного потенциала агропромышленного производства, науки и аграрного образования». Материалы Международной научно-практической конференции 2009, п. Персиановский. Донской ГАУ, 2009. Т. 4. С. 32–35.
3. Грачёв Г.А. Системные закономерности неравенства доходов населения // Экономические науки. 2009. № 8(57). С. 327–331.
4. Грачёв Г.А. Модель оптимального состояния системы городского расселения // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 3. С. 46–51.
5. Грачёв Г.А. Эволюция цикличности хозяйственной деятельности и прогнозирование кризисов // Журнал экономической теории. 2010. № 1. С. 92–95.
6. Ильин В.В. Повышение эффективности бюджетных расходов // Финансы 2011. № 1. С. 14–16.

7. Кудрин А.Л. Стенограмма выступления на XI Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества в ГУ-ВШЭ 06.04.2010 года // www.minfin.ru/ru/press/transcripts/index.php?id4=9492.
8. Кудрин А.Л. Бюджет модернизации экономики России // Финансы. 2011. № 1. С. 3–9.
9. Alesina, A., Perotti R. Budget Deficits and Budget Institutions // NBER 1999. Working Paper 5556.
10. Edin, P.A., Ohlsson H. Political determinants of budget deficits: Coalition effects versus minority effects // European Economic Review 1991. 35, 1597–1603.
11. Hallerberg, M., J. von Hagen Electoral Institutions, Cabinet Negotiations, and Budget Deficits in the European Union // NBER 1997. Working Paper 6341.
12. Olson, M. The Logic of Collective Action. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965.
13. Pareto V. Cours d'économie politique. Rouge, Lausanne et Paris. 1897. 341 p.
14. Roubini, N., Sachs J.D. Political and economic determinants of budget deficits in the industrial democracies // European Economic review 1989. 33, 903–938.

БАЗАР, ЯРМАРКА, ЛАВКА, МАГАЗИН: ГЕНЕЗИС ФОРМ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Д.В. ШВЕЦОВ

аспирант,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

e-mail: Dmitry.shvetsov@nielsen.com

В статье осуществляется институциональный анализ форм розничной торговли в исторической перспективе. Рассматриваются различные аспекты эволюции институтов и форм торговли. Показана роль транзакционных издержек в эволюции форм торговли.

Ключевые слова: эволюция институтов; транзакционные издержки; розничная торговля; базар; ярмарка; магазин.

The paper carried an institutional analysis of the forms of retail trade in historical perspective. Different aspects of the evolution of institutions and forms of trade. The role of transaction costs in the evolution of forms of trafficking.

Keywords: evolution of institutions; transaction costs; retail trade; market; fair; shop.

Коды классификатора JEL: B15, L81.

Введение

Под современной розничной торговлей подразумевается форма реализации товаров повседневного спроса по принципу самообслуживания, когда между покупателем и полкой с товарами нет преград и посредников. Покупатели получили доступ к еще не оплаченным товарам сравнительно недавно, но этот нюанс оказался столь значительным, что численность магазинов современной торговли — гипер-супер- и минимаркетов растет сейчас по всему миру. По данным исследовательской компании Nielsen в США и Западной Европе на современную торговлю уже приходится до 90% розничного товарооборота, тогда как в России, других постсоветских странах, а также в развивающемся мире доля обычно не превышает 50%, однако динамично увеличивается из года в год. Задача данной статьи — проанализировать, какой путь развития прошла розничная торговля до настоящего этапа, описать, как зарождались новые формы розничного товарообмена на базе предыдущих. Центральное место в нашей статье отведено изучению исторической динамики розничной торговли через призму методологии новой институциональной экономической теории.

Структура данной работы следующая: сначала мы рассмотрим одну из гипотез зарождения розничной торговли как следствие разделения труда, после чего обсудим роль урбанизации в развитии торговли и роль ярмарочной торговли в

экономической и социальной жизни средневекового общества. Далее перейдем к обсуждению столь значимого этапа в развитии западной цивилизации, что он получил название «коммерческая революция XIII в.», — периоду, когда профессиональные торговцы стали бурно осваивать международную торговлю, вытесняя монополию государств в этой сфере. После этого мы осветим эволюцию в организации торгового пространства — движение через века от базарных торговых рядов к супермаркетам и от лавочной торговли к универсальным магазинам. В этом контексте мы подойдем к краеугольному камню современной розничной торговли — самообслуживанию как форме организации торгового пространства и институту, многократно повышающему эффективность взаимодействия покупателя и продавца с точки зрения транзакционных издержек. Как новейший этап, сейчас все больше получает распространение электронная торговля, которая идет еще дальше по пути снижения транзакционных издержек для потребителя. В завершение будет представлена разработанная автором количественная оценка транзакционных издержек, присущих различным формам торговли, в качестве обобщения сказанного и иллюстрации взаимосвязи между динамикой транзакционных издержек и эволюцией розничной торговли.

Динамика форм розничной торговли как эволюция процессов обмена

Генезис розничной торговли является отражением естественного развития обменных процессов. Как известно, развитие производительных сил и общественное разделение труда привели к смене господствующего типа хозяйствования с натурального на товарное. Производство вне натурального хозяйства означает специализацию и неизбежно обрекает людей на обмен. Так зародилась сфера обращения — одновременно и результат разделения труда, и его катализатор. Воплощение сферы обращения — это рынок как место встречи субъектов спроса и предложения, место обращения к услугам ближнего, без чего не было бы экономики в обычном понимании. Далее мы попытаемся проследить некоторую последовательность и логику развития рыночных форм. Однако, на наш взгляд, не существует прямолинейной истории развития товарных рынков. В каждый отрезок времени сосуществуют традиционные и новые, архаичные и передовые формы товарообмена одновременно, каждая из которых находит свою сферу применения.

Наиболее вероятно, что рынок в первозданном виде появился из межплеменных обменов. Еще во времена кочевников, и тем более с распространением оседлости, люди были вынуждены искать возможности для обмена с внешним миром. Проживающие в определенных природно-климатических условиях люди естественным образом специализировались на производстве некоторого перечня продуктов и часто были не в состоянии покрыть все свои потребности. Первый сложившийся тип рынка можно назвать открытым рынком (open market) по причине стихийности его появления и свободного доступа, как со стороны спроса, так и предложения. В более узком, организационном смысле первичную форму рыночного обмена обозначим термином «базар». Определим базар (перс. بازار - бозор) как торговое место, где на условиях свободного доступа присутствует множество продавцов и покупателей, чаще всего под открытым небом, где ведется торговля продуктами и бытовыми товарами, при-

возимыми преимущественно в определенные дни, большей частью самими производителями.

Городские ярмарки как начало расцвета торговли

Решающий импульс для развития рынков получил в тот момент, когда значимая часть населения оторвалась от земли – началась эпоха урбанизации. Город изменил роль рынка в жизни человечества, превратив его из одного из воплощений функции обмена в образ жизни и двигатель прогресса. Город а priori не был способен обеспечить себя пропитанием, следовательно, становился центром спроса для окружающих деревень, которые могли предложить излишки сельхозпродукции для продажи на городских базарах. История свидетельствует, что «базары обычно бывали раз или два в неделю. Для их снабжения требовалось, чтобы у деревни было время произвести и собрать продовольствие, и чтобы она смогла отвлечь часть своей рабочей силы для поездки на рынок» [1, с. 8]. Однако рост потребительского рынка способствовал тому, чтобы торговля стала ежедневной. Динамично растущий с урбанизацией потребительский спрос городов требовал адекватного роста объемов предложения. Торговля растекалась по мостовой античных и средневековых городов. Вместе с ростом торговли нарастала необходимость упорядочивания и повышения безопасности — на стихийных базарах и покупатели и продавцы сталкивались с большим риском как обмана, так и воровства. Довольно скоро городские власти начали брать в свои руки организацию и надзор за городскими базарами, снижая вероятность оппортунистического поведения, — появляется рыночное право. Для городов это был жизненно важный вопрос – вопрос продовольственной безопасности. Кроме поддержания порядка, сбора налогов и платы за место, многие городские власти еще и контролировали цены. Например, об этом свидетельствует указ 1417 г. Карла Орлеанского во Франции, который дал городским магистратам право устанавливать допустимые цены на хлеб [1, с.9].

Появившийся тип регулярного и регулируемого властями рынка принято называть ярмаркой (нем. *Jahrmarkt* — ежегодный рынок). Несмотря на европейское происхождение термина, существуют упоминания о ярмарочной торговле в Китае уже в XII в. до н. э., ярмарки проводились также во время Олимпийских игр в Древней Греции и были регулярными в эпоху Римской империи. Вероятно, одной из первых в Западной Европе стала ярмарка в Сен-Дени под Парижем, первое упоминание о которой датируется 629 г. К X в. н.э. ярмарки уже стали повсеместным явлением в Европе [1, с. 58]. На территории России наиболее древней ярмаркой считается Арская (близ Казани), которая известна с середины XIII в. В связи с грабежами русских купцов татарами, по указу Василия III в Васильсурске в 1524 г. была основана новая ярмарка, которая позднее перебазировалась к Желтоводскому (Макарьеву) монастырю и получила название Макарьевской [2, с. 62]. С развитием торговых связей и образованием русского централизованного государства, число ярмарок и их обороты увеличивались. Крупнейшими являлись Нижегородская, Ирбитская, Харьковская. Главные предметы торговли: сельхозпродукты, скот, кустарные и промышленные изделия, пушнина, кожи и т. д. [5, с. 113]. Продолжительность российских ярмарок была различной: от одного дня до нескольких месяцев, даты проведения часто были приурочены к церковным праздникам.

Кроме сугубо экономического, ярмарка быстро превратилась в культурно-развлекательное событие. На ярмарках присутствовали музыканты, актеры, гадалки и т. д. Люди прибывали на ярмарки не только совершить обмен, но и развлечься, обменяться новостями. Ярмарочные территории обрастали сферой услуг: офисами менял и ростовщиков, гостиницами и предприятиями общественного питания. Именно эта модель сегодня получила второе рождение в виде торговых центров, где кроме магазинов сосредоточены отделения банков, кинотеатры, салоны красоты, кафе и рестораны.

Коммерческая революция XIII в. — частная инициатива развивает международную торговлю

Снижение стихийности и рост контроля со стороны властей не изменили базис рынка открытого типа. Он оставался таким по сути до тех пор, пока сохранялся принцип свободного доступа с обеих сторон: спроса и предложения. Новый этап в эволюции рыночных форм берет начало от другой характерной черты торговли, идущей, в свою очередь, из международного разделения труда, — возникновения разрыва между продавцом-изготовителем и покупателем-потребителем, когда расстояние между тем и другим становится слишком велико, даже в чисто географическом смысле, чтобы его преодолеть целиком одному человеку. Посредник-купец, как участник международного рыночного процесса, громко заявляет о себе в средневековой Европе к XIII в. [1, с. 27]. Профессиональные торговцы, перевозившие товар через полмира, существовали задолго до этого — в античной и азиатских цивилизациях, однако крупная международная торговля была в упадке в раннем средневековье [6, с.23]. Следуя за развитием потребительского рынка в Европе, стали выстраиваться посреднические цепочки между производителями и купцами, с одной стороны, и между купцами и розничными торговцами, с другой. Фернан Бродель, ссылаясь на Алана Эверитта, предложил называть этот этап генезиса рыночных форм частным рынком (*private market*), так как центральными агентами этого типа рынка стали профессиональные торговцы, сами ничего не производившие. Как крупные, так и мелкие торговцы, вплоть до разносчиков или коммивояжеров, все они на конце посреднической цепочки добивались до отдельных ферм, шахт, мануфактур, закупаая продовольствие, сырье, товары. Часто они объединялись в союзы, гильдии и др. с целью объединить финансовые ресурсы и разделить коммерческий риск. Обычно купцы объединялись в рамках города, а города вступали в международные торговые союзы, крупнейшим из которых стала немецкая Ганза.

Исследователь экономики средневековья Авнер Грейф использует термин, введенный Робертом Лопезом, — «коммерческая революция», для обозначения периода бурного роста международной торговли в XIII в., подчеркивая значимость этого процесса как двигателя прогресса западной цивилизации. Среди факторов, способствовавших коммерческой революции, стоит отметить технологические (за столетие было сделано больше изобретений, чем за предыдущую тысячу лет) и демографические (например, население Англии удвоилось с 1220 по 1300 гг.); однако ведущим фактором роста, по мнению ряда исследователей, явилась фундаментальная институциональная трансформация, выражавшаяся на практике в увеличении безопасности передвижения профессиональных торговцев на дальние расстояния [6, с.112]. Международная

торговля мгновенно распространялась на города, вступающие в военные или торговые союзы и гарантирующие выполнение правил торговли и безопасность передвижения по своим территориям для иноземных торговцев. Сложно провести четкую границу и определить, когда ярмарочные посредники, ездившие с одной ярмарки на другую, превратились в купцов, стремящихся делать закупки у самых истоков производства. Но несомненно, что почти повсюду в Европе к XIV–XV вв. открытый рынок оказывался одновременно и недостаточным с точки зрения товарооборота, и слишком контролируемым со стороны властей. Рынок выплеснулся из рук государств и продолжил шествие на волне частной инициативы.

Эволюция форм организации торгового пространства: от лавки до электронной торговли

Рост разнообразия торговли шел не только по институциональной ветви организации процесса и контроля, но и в плоскости организации торгового пространства. Можно выделить два основных формата торговли начальной стадии: открытые торговые ряды и лавки. Первое характерно для торговли сельскохозяйственной продукцией, т.е. продуктами питания, а, значит, занимало доминирующую часть в товарообороте того времени. Преимущественно непродуктовая торговля, особенно связанная с ремесленным производством, развивалась в виде лавок — отдельных помещений, где товар мог быть укрыт от непогоды, температурных перепадов и храниться продолжительное время в ожидании покупателя. Каждодневный производственный труд привязывал ремесленников к дому, поэтому часто лавки ремесленников находились прямо в их мастерских или домах, что несло ощутимую экономию издержек производства. По всему миру городские лавки стремились к специализации. Иногда из-за видимых причин (например, близость к сырью или потребителю), иногда без них, появлялись городские районы лавочников и ремесленников, специализировавшихся в той или иной сфере. Характерной чертой лавки является то, что, в отличие от ярмарки, которая действовала регулярно, но периодически, время от времени меняла свою дислокацию, лавочная торговля велась постоянно на одном и том же месте с перерывами на ночной сон торговца и его семьи. Именно это постоянство, которое так же означало постоянство клиентуры и поставщиков, подтолкнуло к развитию того, что принято считать причиной расцвета лавок — потребительскому кредиту. Оптовик мог поставить товар в кредит стационарному розничному торговцу, надежность и платежеспособность которого были видны по состоянию его лавки и дома. Торговец отпускал товар в кредит постоянным покупателям, которые жили по соседству и были хорошо знакомы или являлись родственниками. На ярмарках кредит развивался не менее динамично. Однако кредит здесь стал инструментом оптовой торговли: крупные купцы использовали ярмарку как место встречи с поставщиками и партнерами, с которыми они, по соображению безопасности, удобства и др., могли рассчитываться векселями или другими свидетельствами долгового обязательства. Окончательный расчет происходил в завершающий ярмарочный день или вовсе за рамками текущей ярмарки.

Важным шагом в эволюции торговых форм стал переход от специализированных лавок к универсальному магазину. Наша гипотеза состоит в существовании связи эпохи Великих географических открытий с развитием универсальности в

розничной торговле. Настоящий бум универсальной торговли произошел на новых землях, где обосновывались переселенцы. В новых поселениях отсутствовали исторически сложившиеся торговые предприятия с вертикальной интеграцией, и местный рынок обычно был слишком узок, чтобы разместить несколько специализированных лавок в одном населенном пункте. Одна универсальная лавка одновременно с продуктовым и непродуктовым ассортиментом могла полностью обеспечить местное население всем необходимым и гарантировать торговцу высокую оборачиваемость вложенных средств. В настоящее время данный формат торговли нашел свое воплощение в виде так называемого магазина у дома (супермаркет или минимаркета) — торговой точки не более 300 кв.м., расположенной в пешей близости от мест проживания, где представлен ассортимент для ежедневного пополнения домашних запасов. Основная идея данного формата торговли — концентрация наиболее востребованных продуктов максимально широкого перечня товарных категорий на компактной торговой площади. И, на наш взгляд, их родословная прослеживается именно из универсальных лавок Нового Света. Значимым этапом в генезисе формата универсального магазина является постепенный отказ от торговли через прилавки в пользу самообслуживания, когда посетители самостоятельно берут с полок товары и расплачиваются на выходе. Впервые магазины самообслуживания появились в начале XX в. в США [4, с.29]. Данная модель организации торгового процесса оказалась столь успешной, что стала копироваться повсеместно в развитом мире, особенно после Второй мировой войны, когда потребительские рынки Европы воссоздавались с нуля и, соответственно, были открыты ко всему новому, а американская экономика переживала потребительский бум.

Самообслуживание — более прибыльный тип организации торгового процесса, так как он стимулирует потребление и экономит издержки. При самообслуживании посетителями приобретается больше товаров, чем при обслуживании через прилавки, благодаря различным психологическим факторам, таким как возможности тактильно контактировать с товаром, и повышению процента импульсных покупок. Глубинная причина успеха открывается, если проанализировать различия транзакционных издержек, которые несет потребитель во время совершения покупок через прилавки или при самообслуживании. Как известно, транзакционные издержки представляют собой целый спектр издержек, сопровождающих передачу прав собственности, и выступают главным фактором, определяющим структуру и динамику различных социальных институтов. Среди транзакционных издержек принято выделять издержки планирования, поиска альтернатив, измерения и сравнения, ведения переговоров (торг), спецификации и защиты прав собственности, контроля качества, «стоптанных башмаков», защиты от оппортунистического поведения [3, с.29-30]. Приведем несколько примеров того, как на практике достигается экономия различных типов транзакционных издержек. Оптимизация торгового пространства с помощью самообслуживания, т.е. когда на той же торговой площади размещается больший ассортимент, способствует увеличению свободы выбора для потребителя и снижает потребность похода в другие торговые точки. Потребитель самостоятельно способен досконально изучить любой товар (срок годности, наличие консервантов и т.д.) до момента покупки — это дает возможность принимать решение о покупке, обладая более полной информацией о товаре. Самообслуживание снижает вероятность встретить оппортунистическое поведение

со стороны торгового персонала, так как избавляет от взвешивания товара на кассе и многократного расчета в каждом из отделов магазина.

Аналогичен по типу организации процесса, однако, имеет иные корни, более крупный формат современной торговли – супермаркет, родословная которого, на наш взгляд, прослеживается от городских рынков, базаров. Супермаркет или гипермаркет (общепринятое название супермаркета площадью более 2500 кв. м.) представляет собой множество торговых рядов под единой крышей и управлением, где с целью оптимизации бизнес-процессов торговцы за прилавками заменены мерчендайзерами и кассирами в единой точке контроля. Экономия времени и издержек от единоразового расчета за все приобретенные товары очевидна. Однако главная причина эффективности данной формы кроется в стандартизации бизнес-процессов и, соответственно, в возможности многократно копировать бизнес-модель. Данное институциональное преобразование стало возможным только с переходом от *open* к *private market*, когда торговля сконцентрировалась в руках крупных профессиональных торговцев, способных накапливать финансовые ресурсы, привлекать заемный капитал и вести переговоры с представителями власти. В современной розничной торговле крайне значим эффект от масштаба. Гипер- и супермаркеты развиваются практически исключительно как сетевой бизнес. Крупные сети способны получить наилучшую цену от поставщиков, принимать участие в промоакциях производителей, запускать собственное производство и эффективно организовать логистику. Обычно одиночные супермаркеты неконкурентоспособны и практически обречены на банкротство или поглощение.

Вместе с развитием современной торговли повсеместно происходит концентрация розничной торговли. Во многих странах Западной Европы розничная торговля достигла положения монополии в отношении с поставщиками: 2–3 сети там контролируют до 90% торговли. В России данный процесс стремительно набирает обороты: старт был дан объединением Перекрестка и Пятерочки в 2006 г., затем произошло несколько крупных поглощений в период кризиса. Очередная активизация слияний и поглощений произошла в 2011 г.: Копейка была продана X5 Retail Group, объявлено о покупке Виктории сетью Дикси, а 7-й Континент приобрел гипермаркеты Мосмарт. Крупнейшие международные розничные сети проявляют большой интерес к России: с начала века успешно работают METRO и Auchan, вход на рынок других мировых лидеров — вопрос времени. На основе европейского опыта, можно предположить, что через 10–15 лет в России будут оперировать 3–4 крупные розничные сети, на долю которых придется около 70% товарооборота всей розничной торговли.

Следующим этапом на пути снижения транзакционных издержек для потребителя, после внедрения самообслуживания, можно назвать электронную торговлю: осуществление розничной покупки через телефон или Internet. Данный формат торговли развивается на основе существующего розничного бизнеса (когда ритейлеры вводят заказ через сайт или колл-центр) или как новые фирмы, которые организуют бизнес-процессы (контрактация с поставщиками, логистика, маркетинг) по образу обычных ритейлеров, но вместо обычного («из кирпича и бетона») создают виртуальный торговый зал – в виде web-сайта или печатного каталога. Сравнить альтернативы, цены, осуществить выбор, оформить заказ теперь можно крайне эффективно с точки зрения транзакционных издержек. При этом, однако, теряется часть психологической составляющей осуществления покупки,

поскольку совершить импульсную покупку через электронную торговлю сложнее, чем в супермаркете. Тем самым размывается одно из значимых для стимулирования потребления достижений самообслуживания в магазинах. Вероятно, это одна из причин почему электронная торговля, несмотря на готовность технологий, все еще не получила поддержки абсолютного большинства покупателей, и далеко не все крупные ритейлеры стремятся в on-line пространство.

Заключение

В качестве заключения мы предлагаем обобщить описанные этапы генезиса розничной торговли в виде табл. 1. По уровню стихийности и свободы доступа со стороны спроса и предложения мы выделили два этапа — открытый рынок (open market) и частный рынок (private market). Внутри этих этапов развились шесть различных форм розничной торговли, для каждой из которых легко проследить последовательность появления, если двигаться по пути нескольких ветвей организации торгового пространства.

Таблица 1

свобода входа и стихийность	open market		private market	
организационная ветвь №1	базар	ярмарка	супермаркет	
организационная ветвь №2		лавка	универсальный магазин	
организационная ветвь №3				электронная торговля
Динамика транзакционных издержек	~~~~~	~~~~~	~~~~~	~~~~~
Ось времени	t			

Многообразие технологических, политических, даже религиозных факторов оказывало воздействие на эволюцию торговли. Как результат, со временем то росли, то снижались как распространенность и доступность торговли, так и ее экономическая эффективность. При этом можно отметить, что так или иначе динамика транзакционных издержек, которые несли покупатели при осуществлении сделок в различных форматах торговли, в долгосрочном тренде имеет тенденцию к снижению. Крупнейшие исследователи соглашались с тем, что невозможно назвать связь развития форм торговли с транзакционными издержками прямолинейной: в различные времена издержки осуществления торговой сделки также значительно колебались. Однако, на наш взгляд, каждая новая форма торговли получала распространение как способ сокращения тех транзакционных издержек, которые становились преградой для прогресса на предшествующем историческом этапе. Так, изначально торговля возникла в ответ на возникший товарный спрос и обусловила появление денежной системы и системы мер. С развитием ярмарочной торговли власти упорядочили и повысили безопасность товарообмена. Развитие универсальности и внедрение самообслуживания обозначили ориентацию на построение спросоориентированной модели торговли, т.е. к последующему снижению транзакционных издержек

для потребителя. Новейший этап развития — электронная торговля выводит их на новый низкий уровень, снижая асимметрию информации и ликвидируя пространственные ограничения.

Для более явного количественного выражения снижающейся динамики транзакционных издержек по ходу эволюции форм торговли составим табл. 2, как обобщение упомянутых в тексте форм торговли и оценок величины присущих им видов транзакционных издержек. Выделим: в столбцах – формы торговли, в строках – разновидности транзакционных издержек в процессе заключения сделки, а в клетках – оценка величины соответствующего вида транзакционных издержек для разных форм, сделанная автором. Условно введем четырехбалльную систему оценки величины: 0 — отсутствие данного вида транзакционных издержек или очень малая их величина, 1 — различимые, значимые издержки, 2 — значительные, 3 — очень большие.

Таблица 2

Разновидности транзакционных издержек	базар	ярмарка	лавка	универсальный магазин	супермаркет	электронная торговля
планирования	2	3	2	2	1	1
поиска альтернатив	2	1	3	2	1	0
измерения и сравнения	3	2	3	2	1	0
ведения переговоров	2	3	1	0	0	0
спецификации и защиты прав собственности	2	1	0	0	0	1
контроля качества	3	2	1	1	1	2
«стоптанных башмаков»	2	3	1	1	2	0
защиты от оппортунизма	3	2	1	1	0	1
Итого	19	17	12	9	6	5

Строка «Итого» суммирует количественную (балльную) оценку всех видов транзакционных издержек по различным формам розничной торговли и таким образом иллюстрирует динамику на понижение уровня транзакционных издержек в процессе эволюции, (формы в столбцах расположены слева направо в хронологическом порядке возникновения).

Необходимо отметить, что переход одних форм торговли в другие представляет собой процесс не только экономической, но и культурной эволюции общества. Сегодня, несмотря на победу сетевой современной торговли как доминирующей формы розничной торговли в развитых странах, во многих странах мира этот переход не только затянулся (как в странах СНГ), но и вовсе не наметился: архаичные базары и лавки все еще удовлетворяют потребности в товарообмене 2/3 населения планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 2011.
2. Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.
3. Капелюшников Р. Экономическая теория прав собственности. М., 1990.

4. Монин А.А. Ритейл в России. Особенности национальной розницы. СПб., 2007.
5. Павлов К.А. Международные ярмарки и выставки. М., 1962.
6. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge University Press, 2006.

К МЕТОДОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК¹

ГУСТАВ ФОН ШМОЛЛЕР

пер. с нем. Д.А. Шевченко,
научный редактор В.М. Ефимов

Два названных сочинения² чрезвычайно различны по направленности. Духовный тип и индивидуальности авторов также сильно отличаются друг от друга. Изначально эти сочинения имели для меня только внешнюю связь, так как я получил их в то время, когда после длительного перерыва готовился возобновить чтение лекций по методологии общественно-политических наук, и таким образом появился повод прочитать оба сочинения, одно за другим. А поскольку все-таки существует и внутренняя связь между ними, которая состоит в том, что они хотели проложить и указать пути нашим наукам, то мне кажется целесообразным рассказать о них здесь вместе, хотя и преимущественно в скромной реферативной форме, так как для исчерпывающего обсуждения и изучения поднятых обоими авторами проблем мне недостаточно времени, а относительно книги Дильтея и кое-чего еще. Только в отношении Менгера я не вполне могу сдерживать полемический настрой, ибо его нападки частично касаются лично меня.

В его книге содержится серьезная, не лишенная остроумности попытка теоретика национальной экономики защитить от нас, от социальных наук или, более того, от самой теоретической экономики ее настоящие методы, в стремлении вскрыть и отвергнуть заблуждения исторической школы, с претензией на реформу современного состояния политической экономии в Германии. Рассмотрим подробнее ее содержание³:

Согласно Менгеру, есть два главных направления в стремлении к познанию: одно желает постигать конкретные явления в пространстве и во времени в их отношениях друг с другом, другое – повторяющиеся проявления изменений этих явлений; первое изучает индивидуальное, а второе – общее, типическое, типичные связи. Как и во всех других областях, есть науки об индивидуальном и общем, это же имеет место и в области народного хозяйства. История и

¹ Перевод статьи сделан по [Schmoller 1998]. (Здесь и далее примечания научного редактора перевода.)

² Статья представляет собой рецензию на две книги, а именно книгу Карла Менгера [Менгер 2005] и книгу Вильгельма Дильтея [Дильтей 2000]. В подзаголовии статьи приводились имена и должности авторов рецензируемых книг, их названия, место публикации, названия издательств, год выхода в свет и количество страниц в каждой из них: Доктор Карл Менгер, ординарный государственный профессор общественно-политических наук Венского университета, *Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности*, Лейпциг, Дункер и Гумблот. 1883. XXXII, 291 с.; Вильгельм Дильтей, профессор философии Берлинского университета, *Введение в науки о духе, попытка оснований изучения общества и истории*. Том первый», Лейпциг, Дункер и Гумблот. 1883. XX, 519 с.

³ В двух последующих абзацах Шмоллер пересказывает содержание первого раздела (первой книги) рецензируемого произведения Менгера. Читатель ни в коем случае не должен воспринимать содержание этих двух абзацев как мысли Шмоллера.

статистика занимаются индивидуальными народно-хозяйственными явлениями, которые, естественно, могут быть и коллективными проявлениями чего-то; задача же теоретической национальной экономики состоит не в анализе понятий, но исследовании общей сущности и общей взаимозависимости народно-хозяйственных явлений. По сравнению с экономической историей, статистикой и экономической теорией экономическая политика и наука о финансах представляются всего лишь как голые учения об искусствах. В истории речь идет постоянно об индивидуальном процессе становления. В теории каждое отдельное конкретное явление представляется только как специальный случай некой закономерности. Обе деятельности не должны смешиваться; соединяя их, мы вредим систематике и методике нашей науки, пренебрегаем формированием теории. Два пути, по которым должна идти теоретическая национальная экономика: реалистическо-эмпирический и точный. Первый путь, связанный с индуктивным определением эмпирической действительности, никогда не открывает нам законов в строгом смысле, самое большее – эмпирические законы. Реалистическо-эмпирическое направление теоретического изучения исключает возможность добиваться очень точных (строгих) теоретических знаний во всех областях мира явлений. Поэтому мы должны пойти преимущественно другим путем, а именно точным путем, т.е., отталкиваясь от простейших элементов (лучше сказать, от определенных гипотез), делать заключения так, чтобы прийти к установлению типичных отношений, и в конечном счете, законов явлений. Это последнее направление, идущее по точному пути, в исследованиях в настоящее время совершенно не признано. То, что эмпирическая действительность не совпадает с выводами точных исследований, является вполне естественным. Требовать такого совпадения — значит, не признавать самых элементарнейших основ научной методологии.

Акцентирование нераздельной связи экономического развития с социальным и государственным противоречит точному направлению теоретического исследования, фундаментальным принципом методологии которого является то, что только изоляция проблем и теоретическое исследование отдельных сторон движет науку вперед; призрак же универсальной теории социальных явлений может только запутывать. Так как теоретическая национальная экономика совсем не имеет задачи научить нас понимать универсальную природу экономических явлений, но хочет добыть нам лишь понимание особой, разумеется, самой важной стороны экономической жизни человека, то исходить главным образом из психологических мотивов человеческих действий вместо побудительной причины корысти является смешной, едва ли постижимой глупостью. Химик смеет абстрагироваться от физических сопутствующих обстоятельств химических явлений, Аристотель и Гуго Гроций исходили исключительно из общественного побуждения⁴. Упрек атомизма, который сделали «точному» (который следует назвать «манчестерско-индивидуалистическим») направлению теоретической национальной экономики, порождает только ложные аналогии, которые исторические национальные экономисты заимствовали у исторической юридической школы. Феномены народного хозяйства являются всего лишь результатами стремлений самостоятельного хозяйства и должны рассматриваться

⁴ Шмоллер имеет здесь в виду, по-видимому, следующую фразу из книги Менгера: «Аристотель и Гуго Гроций, конечно, ясно понимали, что кроме стремления к обществу и сообществу еще и другие факторы влияли на образование государств» [Менгер 2005. 351].

только с этой точки зрения.

Давайте остановимся здесь, в конце первой книги, чтобы объясниться с автором. Разделение направлений познания, из которого он исходит, несомненно, имеет некоторые основания. Как описательную ботанику и зоологию противопоставляют физиологии растений и сравнительной анатомии, так могут противопоставляться статистика и история (а рядом с ними описание путешествий, экономические описательные работы, отчеты о выставках, географические и этнографические труды) работам, которые хотят представить общую сущность народно-хозяйственных явлений. Но это противопоставление не должно восприниматься как непреодолимая бездна. Наука об индивидуальном, я бы лучше сказал, описательная наука, поставляет подготовительные материалы для общей теории, которые тем совершеннее, чем полнее описаны явления по всем существенным признакам, изменениям, причинам и следствиям. Совершенное, безукоризненное описание предполагает вновь созданную совершенную классификацию явлений, совершенное образование понятий, правильное упорядочение единичного по наблюдаемым типам и полный обзор возможных причин. Каждое полное описание есть вклад в установление общей сущности упомянутой науки. А чем совершеннее наука, тем теснее связь между полными описаниями и учениями о взаимосвязи вещей. Чем несовершеннее в науке описательная часть, чем в большей степени теория представляет собой сумму предварительных, еще сомнительных, частично преждевременных обобщений, тем больше расстояние между описанием и теорией. Вот так я оцениваю состояние социальных наук, частично также и национальной экономики, несмотря на ее относительно большие успехи. Выход состоит в том, чтобы сначала, и прежде всего, приумножить, обострить, улучшить наблюдение, дабы с помощью более обширных и лучших описательных опытных материалов всех видов улучшить классификацию явлений и образование понятий, прояснить в полном объеме типичные ряды явлений и причины их взаимозависимостей. Если порой в науке действуют преимущественно описательно, то это вовсе не означает пренебрежение теорией, но представляет собой ее необходимый фундамент. Только если плох описательный материал, обоснованны упреки в адрес этого направления исследований. То, что порой часть сил уходит на такие описательные работы, составляет суть исцеления научной работы [от схоластики]. Если в настоящее время, как сетует Менгер, в научном развитии теории вообще мало что происходит, то это в меньшей степени укор в адрес тех, кто проводит исторические исследования, чем в адрес тех, кто проводит теоретические исследования. Если Менгер жалуется на исторические труды Рошера и Гильдебранда, то они ведь не виноваты в том, что он и теории Шеффле также находит неприемлемыми. Менгер, конечно, прав в том, что историки науки, как правило, не являются ее великими теоретиками, что историческое направление, возможно, слишком осторожно относится к обобщениям и теориям. Однако это естественные ошибки их добродетелей. Мы, смертные люди, можем только односторонне достичь чего-либо. После того как старая абстрактная национальная экономика создала нечто великое, иссяк источник ее жизненных сил, потому что она превратила свои результаты в слишком абстрактные схемы, оторванные от всякой реальности. Этому разрушенному духовной чахоткой абстрактному направлению не смогло помочь не только его продолжение, но и даже переворот, который

пытался понять вещи совсем с другой стороны⁵. То, чего достигло историческое направление, стояло на почве более старой теории⁶, однако в известной мере то, что она создала, сохранится для будущего. А в будущем для национальной экономики придет новая эпоха, но только через использование всего создаваемого сейчас историко-описательного и статистического материала, а не через дальнейшую перегонку сотни раз дистиллированных абстрактных тезисов старого догматизма. Тот факт, что мы сейчас видим появление новых теоретических форм⁷, убедительно доказывает правдивость этого замечания.

Менгер указывает национальной теоретической экономике два пути, которые он называет реалистично-эмпирическим и точным; при этом он имеет в виду то, что иначе называют индуктивным и дедуктивным методами. Первый путь – это просто выделенный им ранее как особая наука индивидуального, как наблюдательная наука. По его мнению, этот путь не дает строгих и точных результатов, потому что даже самое хорошее наблюдение еще не гарантирует повторение наблюдаемого случая. С нашей точки зрения, это рассуждение неверно, так как если наблюдение количественно и качественно совершенно, то логично предположить, что одинаковые качественные и количественные причины опять и опять будут приводить к однажды уже наблюдаемым последствиям. Это просто закон мышления относительно условий, которые порождают следствия. На нем и должна преимущественно базироваться теоретическая наука национальной экономики. То, что Менгер говорит о необходимости изолирования наблюдаемого явления, в принципе верно, и можно также добавить, что благодаря такому изолированию был достигнут большой прогресс в нашей науке. Но разве из этого следует, что однажды с успехом примененное изолирование должно быть слепо применено для всех последующих исследований в той же самой науке? Разве это не то же самое, как если бы захотели обязать естествоиспытателя, исследующего определенный материал, всегда проводить один-единственный эксперимент? Изолирование, которое сегодня проводится химиком, будет завтра при следующем эксперименте оставлено, чтобы объект мог быть изучен с другой стороны. И, кроме того, определенные изолирования могут быть абсолютно неверными. Химик должен отважиться на абстрагирование от физических свойств химического состава, но, если он исследует атмосферный воздух и по закону изолирования Менгера скажет: «Я рассматриваю только азот, потому что он доминирует», — то его сразу же выбросят из лаборатории.

Если при исследовании цены в свое время исходили предварительно из личных интересов, как из, как казалось, всегда имеющими место элементами, то это было полезно, чтобы объяснить простейшие процессы рынка; но неверно распространять это правило на все будущие исследования, на изучение всех сложных народно-хозяйственных процессов. Во всяком случае, надо себе уяснить, что когда исходят из гипотез, то и имеют только гипотетические тезисы, которые не должны

⁵ Имеется в виду, по-видимому, переход от классики к неоклассике, т.е. «маржиналистская революция».

⁶ Густав Шмоллер в качестве предшественников немецкой исторической школы называет итальянца Фердинандо Галиани и шотландца Джеймса Стюарта [Schmoller, 1998: 198]. Оба опубликовали свои основные труды до появления «Богатства народов» Адама Смита, и в отличие от последнего не содержали идеологизированных теорий, а были посвящены анализу экономических проблем на базе имеющихся данных с целью способствовать их практическому решению.

⁷ Здесь Шмоллер, по-видимому, имеет в виду герменевтическую методологию Вильгельма Дильтея, книгу которого он далее разбирает в этой статье.

получать благодаря вводящему в заблуждение слову «точный» видимость самой строгой научности.

Например, Милль в своей книге по логике предостерегает об этом самым серьезным образом. И он прав, когда, обозначает свой исходный пункт не как метод изолирования, а как выводы из конечных⁸ элементов, что полностью опровергает Менгера. Действительно, если имеются базовые элементы науки или области знания, то и все последующее относительно просто; всякая совершенная наука дедуктивна, поскольку, как только базовыми элементами овладевают полностью, то и самое сложное может быть только комбинацией этих элементов. Но эти простые элементы, которые установлены в математике и в отдельных разделах физики, не исследованы и не разъяснены ни в одной из наук о человеческом мышлении, чувствах и действиях, и в меньшей степени в социальных науках, настолько, чтобы можно было их использовать для умозаключений. По моему субъективному ощущению, нужна наивность кабинетного ученого, чтобы увидеть в этом изменчивом мире конечные базовые элементы — в научном смысле этого слова — в проявлении человеческих потребностей и личного интереса. Если бы корыстный инстинкт или эгоизм были бы конечными элементами в строго научном смысле, то они должны бы в научной психологии быть четко отделены от других душевных сил. Но об этом нет и речи. И именно поэтому вот уже около 50 лет все глубокие научные попытки, такие как социализм, а также историческая школа и догматики Рау (Rau) и Герман (Herman), искали улучшенные психологические основы национальной экономики. Этот поиск оказался до сих пор столь мало плодотворен, потому что те, кто этим занимался, не осмелились обратиться к источнику, т.е. к научной психологии по причине своей отгороженности от других дисциплин из-за боязни нарушить научную специализацию труда.

Что касается принятия во внимание государства и общества, обычая и права для объяснения теоретических проблем национальной экономики, то наша наука должна, конечно, разрабатывать только теорию хозяйственной стороны жизни народа. Менгер признает, что экономическая наука не должна рассматривать народное хозяйство без государства и сам хочет изучить общую природу народно-хозяйственных явлений. К этому, прежде всего, относится теория, каковая покоится на наблюдении, которое может похвастаться объективной валидностью и исчерпывающей точностью. Но среди признаков такого научно полезного наблюдения наш первый немецкий логик Siegwart приводит следующие требования: «От частного с самого начала требуется, чтобы оно рассматривалось как часть целого и в его воспринимаемых отношениях с последним». Наблюдение народного хозяйства не будет научно полезным, если условия экономической жизни будут рассматриваться вне их связи с жизнью нации и государства⁹. А как же можно справиться с большими фундаментальными вопросами народного хозяйства, не задумываясь об отношениях государства и народного хозяйства? Как говорить об отношениях между индивидуальным предпринимательством, корпоративными и государственными предприятиями,

⁸ То есть элементарных, неделимых далее, базовых элементов. Эти элементы могут принимать форму аксиом.

⁹ Менгер выступал с противоположным тезисом: «Мнение, будто явления народного хозяйства следует изучать в неразрывной связи их с общим социальным и государственным развитием народов <...> является методологическим абсурдом, по крайней мере в качестве постулата для точного направления теоретического исследования в области народного хозяйства» [Менгер 2005: 342 - 343].

отношениях между семейными хозяйствами, предприятиями и государственным сектором экономики, не касаясь сути государства и проблемы хозяйственной свободы, которая может обсуждаться только на основании скорее философской теории о границах морали, нравов и права, а также отношениях между индивидуальной свободой и государственным принуждением? Те, кто, как и, по-видимому, Менгер, ограничивают экономическую теорию рамками учения о формировании стоимости и цены, распределения дохода и денежной системы, не нуждаются во всем этом или, по меньшей мере, делают вид, конечно, не могут предложить никакой теории [действительно] общей природы народного хозяйства. В шестой главе своей книги Менгер уже не хочет [предложить такую теорию], однако полагает, что экономика является точной наукой, т.е. он рассматривает то, что она считает первыми [конечными, базовыми] элементами, из чего делает некое количество верных дедуктивных выводов, на фоне которых презрительно отбрасывает в сторону эмпирическую действительность как нечто безразличное. Хотя так много изобретательности и последовательной согласованности тратится на эту «точность», но мы, роющиеся в пыли эмпирики, находим странным и рассматриваем как недоразумение противоречие между желанием создать учение об общей природе народного хозяйства и схоластическими умственными упражнениями, столь же неверными, как и сами их предпосылки. Менгер говорит, кто хочет законов, тот должен абстрагироваться. Мы отвечаем, что на абстракции, разумеется, покоится всякое мышление и познание; только все дело в том, что нужно правильно абстрагироваться, чтобы в результате наших абстракций получилась научная истина, а не схематические фантомы, воображаемые робинзонады, которые столь многократно заменяли народно-хозяйственные исследования и истину. Мы против того, чтобы сразу же иметь законы любой ценой, мы не думаем, что сможем собирать их, как ягоды, потому что мы в первую очередь ищем истинное знание, т.е. необходимые и общие истинные суждения; а если законов не обнаруживаем, то довольствуемся работой по совершенному наблюдению действительности, работой над классификацией, вытекающей из материала наблюдений, и работой над исследованием причин. Так мы находим типичные ряды и вероятности уже в достаточном количестве для того, чтобы построить теорию общего характера и связей народного хозяйства, которая совсем не должна стать «призраком универсальной теории общественных явлений». Тем не менее, мы считаем, что некоторые «общие» утверждения, аналогично тому, как это имеет место о физических связях масс, мы можем сделать относительно появления духовных массовых движений, об этике, морали и праве, о государственной власти и гражданских правах и т.д., которые для всех социальных дисциплин являются общими, и во введении к курсу национальной экономики также должны быть представлены¹⁰. Таким образом, не вносится в экономическую теорию никаких специфических аспектов исторического исследования, но оно используется для изучения психических и социальных процессов, одновременно являющихся и экономическими, при этом используются все знания, которые имеются в этих областях. Мы не столь претенциозны, чтобы пытаться объяснить самое сложное, что существует, исходя из одного-единственного элемента, исключительно с целью остаться «точными», т.е. дедуктивными. Мы не верим в то, что нужно оставаться на почве экономической теории, используя несостоятельную психологическую гипотезу

¹⁰ Сейчас такими общими утверждениями, с которыми наверняка бы согласился Шмоллер, являются положения конструктивистского институционализма.

тезу, а требуем рассмотрения всех основных причин экономических явлений. И как только мы поверим, что нашли их, мы вновь осмелимся дедуктивно делать выводы. Это не форма «многосторонности, которая лучше всего сохранила немецкую науку», а это научный метод, и, на мой скромный взгляд, лишь он один ведет нас вперед.

Наряду с возражениями, которые я сделал против основного содержания первой книги, я хотел бы сказать еще несколько слов о трактовке экономической политики и финансового дела как о простых уроках искусства. Эти дисциплины, как их обычно излагают, представляют и коверкают в старых учебниках, хотя одновременно выступать как практические руководства; старые, частично еще используемые книги, были не что иное как общественно-политические, административно-правовые и финансовые рецептурные справочники. Но прогресс нового времени преодолел это. Второй и третий тома Рошера, финансовая наука Штейна и Вагнера представляют собой самые удавшиеся попытки поднять эти дисциплины до ранга теоретических наук. Сможет ли это стать только теорией общей сущности области явлений в целом, а не теорией частей, теоретическим изложением отдельных важнейших сторон предмета? Практическая национальная экономика может полностью сбросить одеяния учения об искусстве, если она представит в единстве специальное развитие немецкого, франко-английского народного хозяйства последнего столетия со стороны аграрной, промышленной и торговой политики, согласно причинам и следствиям. Она ограничивается тем, что действует описательно, но является, возможно, хорошим или лучшим воспитательным или обучающим средством для будущих служащих, чем когда она остается голым учением об искусстве, т.е. когда она дает советы по свободной торговле или социалистическому государству. Она тогда дает учащимся конкретную индивидуальную картину, однако упорядоченную по понятиям, типам, связям, которые исходят из общей теории национальной экономики, и специализированную на поиске подробностей явлений и причин, которые отсутствуют или уходят в тень в общей, и потому выцветшей, картине общей национальной экономики. И все то же самое относится к финансовому делу: оно также по большому счету становится наукой, если, исходя из сравнительной финансовой статистики, возносится до учения об общей сущности государственного хозяйства.

Для тех, кто придерживается этой точки зрения, методологические различия в содержании теоретической и практической национальной экономики характеризуются только степенью наличия в них того и другого, а не являются, как у Менгера, фундаментальными. Кто так думает и учит, тот не может считать ужасным научным преступлением смешение методов теоретической и практической национальной экономики.

Я намерен не столь принципиально не соглашаться с тем, что Менгер высказывает во второй книге, где он излагает по пунктам свои общие обвинения и идеи¹¹. Он сразу начинает с уступки историческому направлению в том, что экономические явления, как деньги, проходят различные ступени и формы развития, что отдельный «рабочий», отдельное «предприятие», отдельный «торговый кризис» переживают различные стадии. Делая это выявление стадий, нужно знать, что так каждое отдельное экономическое явление претерпевает свои индивидуальные изменения; институты претерпевают преобразования в течение

¹¹ Далее в этом и следующим абзаце Шмоллер пересказывает мысли Менгера, а не свои собственные.

десятилетий и веков. Но, пишет он, нельзя стремиться к тому, чтобы создавать столько экономических теорий, сколько имеется различных ступеней развития. Теоретик ограничился бы тем, что принял бы определенное значимое состояние народного хозяйства с учетом места и времени как основу своего представления, и только между прочим указал бы на изменение других времен и народов, как европейский анатом между прочим принимает во внимание отклонения в теле негра или майя. Поскольку требования исторической школы шли дальше, они неверны. Если она опасается всякого обобщения, обвиняет космополитизм и перпетуализм теории, то она должна осознавать, что и ее обобщения не схватят действительности; реалистическое направление должно постоянно довольствоваться приближенными значениями в науке. Не отрицая исторические изменения, точное направление не желает обращать на них никакого внимания, т.к. для него каждая новая форма явлений есть новая проблема; историческое развитие расширяет круг его объектов, но не касается его метода.

И здесь следует список грехов псевдоисторических направлений: они только приукрашивают исторические теории историческим дополнением; они считают историю литературы и догм самостоятельной теорией; они вообще смешивают опыт с историей, в то время как рядом и над ними стоит все же наблюдение единичных явлений человеческого хозяйства; они смешивают философию истории с национальной экономикой, полагают найти в параллелизмах окончательное главное содержание теории национальной экономики. В практической экономике, как учении о голом искусстве, принятие во внимание временного, пространственного и т.д. различия и так уже является само собой разумеющимся, так что особый акцент на историческом развитии имеет очевидное значение только как предостережение от ошибки.

В этих рассуждениях второй книги есть некоторая доля правды; частично можно согласиться также со списком грехов исторической школы. Но разве это исключает правоту данного направления, устраняет его заслуги в углублении и обогащении всей науки? Уступки, которые делает Менгер в начале книги историческому рассмотрению, ни в коей мере не исчерпывают его значения. Менгер, безусловно, не может понять основную причину и необходимость исторической школы, потому что он игнорирует органы [управления и координации], принятие во внимание которых представляет собой возврат к научному пониманию действительности вместо абстрактных туманных картин, лишенных всякой реальности. Менгер также не видит, что все важнейшие экономические явления настолько обширны во времени и пространстве, что они доступны только при обобщенном рассмотрении, как это принято в истории и статистике. Это от него скрыто, потому что в он основывается исключительно на рассмотрении отдельного хозяйства, думает всегда только об обмене, стоимости, деньгах и т.д., а не о народно-хозяйственных органах и институтах, которые составляют скелет народно-хозяйственного тела¹².

А то, в чем Менгер с исторической школой соглашается, он отменяет замечанием, что теоретик национальной экономики должен обосновать свои представления об экономике по отдельному значимому состоянию с учетом места и времени. Тем самым он признает, что он, как и вся старая догматическая экономическая наука, занимается только состоянием сегодняшней Западной Европы и что он разделяет большую методологическую ошибку, перенося сущность

¹² Выделено научным редактором перевода.

своего времени на общую сущность народного хозяйства. Хотя верно его возражение о том, что из процессов изменения происходящего не должно возникать несчетное количество различных теорий для каждой фазы развития; но почему бы одна эволюционная теория не должна объяснять преобразования каждого института¹³; почему мы должны довольствоваться единственным временным разрезом происходящего, а именно настоящим? Если Менгер может делать сравнения экономик различных времен и народов, используя очень неудачную аналогию и рассматривая их как анатомические отличия индоевропейского и малайского тела, то это показывает, как мало автора заботят экономические институты других времен. Я хотел бы сказать, что тем, что он в этом признался, он дает себе отставку как теоретик и становится тем, о чем он так много говорил выше, — художником ограниченной временем и пространством картины, не принимающим общую сущность экономики близко к сердцу, даже если он полагает, что точно сконструировал это изображение из простых базовых элементов.

В третьей книге автор описывает попытки понимания социальных явлений путем аналогии с естественными организмами, осуществленные в основном Кэрри (*Carey*), Шефле (*Schaeffle*) и Лилиенфельдом (*Lilienfeld*)¹⁴. С этой соблазнительной точки зрения социальные явления выступают как единое тело, которое функционирует целесообразно, в своем развитии демонстрирует процессы, протекающие естественно и непреднамеренно. Но все же только часть социальных явлений обнаруживает аналогию с естественными организмами. Многие из них, наоборот, есть результат человеческого расчета, законодательства, договоров. Даже там, где есть аналогия, она не является полной. Воззрение относительно так называемого взаимодействия причины и следствия является, по сути, бессмысленным, потому что любая вещь, которая является одновременно и причиной и следствием, должна быть отклонена как темный, не адекватный нашему мышлению способ выражения. Еще более неприемлемой является аналогия относительно т.н. органического происхождения естественных и социальных образований; якобы последние являются результатом или общественной воли, или индивидуальных стараний, с их вероятно непредсказуемыми результатами. Разумеется, задача теоретиков общественных наук заключается в том, чтобы распознать социальные частные феномены в их значении и функции для целого. А поэтому перенос исследовательских результатов психологии и анатомии по аналогии в политическую экономию является такой же бессмыслицей, как если бы физиолог захотел объяснить нервную систему посредством аналогии с работой системы телеграфной связи. Аналогия могла бы применяться только с целью «представления»; как метод исследования она являлась бы ненаучным, ложным путем. Она склоняла бы к тому, чтобы недооценивать точное исследование, т.к. естественные организмы якобы исключают полностью точное объяснение.

Что касается происхождения социальных структур, которые основываются на общей воле, то исследования, проведенные [немецкой исторической школой] пролили на это полную ясность, и для этого нужно было прагматично обратиться к намерениям, взглядам, мнениям и средствам объединенных

¹³ Выделено научным редактором перевода.

¹⁴ Далее в этом абзаце Шмоллер воспроизводит критику Менгером аналогии между социальными структурами и живыми организмами, аналогии, к которой апеллировал основатель немецкой исторической школы Вильгельм Рошер.

[в сообщества] людей или власть имущих. [Социальные] образования, происхождение которых не объясняющееся таким образом — самая странная проблема общественных наук; ценообразование, рынок, деньги, как и язык, государство и право в немалой степени являются никак не продуманным результатом социальной эволюции. Можно было бы подойти к этой проблеме в деталях эмпирико-реалистически, но это было сделано в Германии так многократно, что представление здесь этих результатов излишне. В противовес этому Менгер хочет дать точную интерпретацию т.н. органических социальных структур и выбирает в качестве примера происхождение денег — процесс, который, по-видимому, прямо противоречит чувству, направленному на индивидуальный интерес. Трудность натурального обмена — так главным образом звучит объяснение Менгера — создала сначала пользующиеся спросом популярные товары, и потом сами собой появились деньги.

К этому «точному» объяснению, никоим образом не поражающему своей новизной, примыкают несколько подобных коротких тезисов о происхождении населенных пунктов, о причинах государства: «Изначально они не являются результатом соглашения, договора, закона или особого внимания отдельных индивидов к общедоступному интересу, но результирующая стремлений, ведомых индивидуальным интересом¹⁵».

В четвертой книге Менгер разъясняет нам, что это рассмотрение отличается от старого подхода А. Смита. Он упрекает его учеников в том, что у них многое прагматично объясняется общими договоренностями людей. В противоположность этому он хочет свести общественные образования больше к игре индивидуальных устремлений, которые непреднамеренно ведут к общественным общим результатам.

Конечно, он прав в том, что все общественные образования, в конце концов, объясняются индивидуальными психическими процессами. Но индивидуальная духовная жизнь не исчерпывается противоречием: договоренность и эгоистическое устремление; она состоит из бесконечного количества себялюбивых и отзывчивых чувств и стремлений, и в обоих этих случаях, частично посредством сознательной договоренности, частично посредством бессознательного или только чувственного согласия они ведут к дальнейшим результатам, к более постоянным формам экономической и общественной жизни. Мне кажется, здесь имеется существенный пробел в кругу представлений и идей Менгера. Он как будто не знает, или намеренно игнорирует, то, что большой новейший прогресс эмпирической и философской психологии, языкознания, философии права и этики, значительно приблизились к тайнам индивидуальной духовной жизни и психических массовых явлений. Мне кажется, что не только сложнейшие общественные проблемы, но и учения об эгоизме, об экономических побуждениях и добродетелях, о человеческих потребностях, о формировании стоимости, о предложении и спросе и т.д. являются чрезвычайно углубленными

¹⁵ Здесь, по-видимому, Шмоллер вольно цитирует следующее место из книги Менгера: «То социальное явление, которое мы именуем государством, оказывается, по крайней мере, в его первоначальнейших формах, непредсказуемым результатом стремлений к индивидуальным интересам. Точно так же можно было бы указать, что другие социальные институты: язык, право, обычай и в особенности многочисленные институты народного хозяйства — возникли без всякого прямого соглашения, без законодательного принуждения, даже без всякого отношения к общественному интересу, исключительно благодаря импульсу индивидуальных интересов, как результаты осуществления последних» [Менгер 2005: 416].

и так сильно поднятыми на другой научный уровень с помощью этих элементов, что вся постановка вопроса о том, какие структуры являются результатом договоренностей, а какие результатом служения индивидуальным интересам, более не является уместной и не соответствует состоянию нашего сегодняшнего познания. Я не хочу об этом дальше распространяться, замечу только, что уже практическое применение этих философских исследований, которое предпринял Шэффле (Albert Schäffle) в своем построении и жизни социального тела¹⁶, должно было предохранить науку от того, чтобы вновь отказаться от помощи [всех этих достижений].

Последняя, четвертая книга имеет литературно-историческое содержание. Вначале цитатами из Макиавелли, Бодина, Бэкона, Платона, Аристотеля, Симонди и Баумштарка доказывается, что основы исторической школы немецких специалистов по политэкономии уже давно были известны в политических науках. А также и то, что упоминания об учении относительности средств [исследований] всегда существовали с тех пор, как стали писать о политических вещах. Потом доказывается, что я неправильно понял авторитетную реформаторскую мысль исторической юридической школы и что историческая школа немецкой национальной экономики считает себя исторической в смысле последней только по недоразумению. Савиньи¹⁷ и Нибург, как ученики Бурке¹⁸, казалось бы, понимают право, в отличие от рационалистического прагматизма, скорее как сознательную деятельность непреодолимых сил, а не как бездумный результат высшей мудрости, и в то же время они нигде не говорят об относительности правовых институтов. Перенос их учения на национальную экономику, полагает Менгер, открыл бы нашей науке «неизмеримую область плодотворной деятельности» в духе Бурке. Эта живая симпатия к мистицизму народного духа¹⁹ в стиле Савиньи явно восходит к отвращению Манчестерской экономической школы к любой сознательной деятельности коллективных социальных органов. Как право происходит из самого себя, так и экономика должна быть предоставлена сама себе, понимаемая только как игра эгоистических, но в то же время и гармоничных интересов. Я думаю, что хотя эта необъятная область плодотворной деятельности была достаточно проработана, она уже длительное время не приносит плодов. Прогресс [немецкой экономической исторической школы] по отношению к Савиньи состоял в том, что Рошер не сделал эти мистические представления романтической школы своим исходным пунктом.

Менгер считает, что вместо того чтобы идти путем [Савиньи], появилось некоторое количество посредственностей (Spittler, Luden, Poelitz, Weber, Waechter), которые были наполовину политики, наполовину историки, которые пошли по ложному пути одностороннего историзма и спровоцировали тем самым регресс, оставив далеко позади точку зрения Бодэна²⁰. Как основатель собственной экономической исторической школы, католик еретик Сервинус появляется со своей книгой, опубликованной в 1836 г. и посвященной обсуждению поли-

¹⁶ Шмоллер здесь имеет в виду книгу *Bau und Leben des socialen Körpers* (2nd ed. 1896).

¹⁷ Познакомиться с идеями Фридриха Карла фон Савиньи и других представителей немецкой исторической школы права XIX в. можно в книге *Немецкая историческая школа права*. Челябинск: Социум. 2010.

¹⁸ Edmund Burke (1729–1797).

¹⁹ Философская позиция исторической школы права понимала его как выражение «народного духа» (*Volksggeist*).

²⁰ Jean Bodin (1529–1596) – французский юрист, философ и политолог.

тики Даля (Dahl), в которой он требует основывать учения о государстве на общеисторических универсальных знаниях. Рошер опирается на эту мысль, не изучая историю одного народа, как Савиньи и Эйхорн, а сравнивая истории всех народов, знаниями о которых он владел. Так он добился того, чего хотел Сервинус для политики, а Бодэн для учения о государстве. Но мы должны сделать замечание: если основатель школы поставил себе слишком высокую цель, если он слишком быстро стремится к универсальности — разве поэтому [его основополагающая] мысль неверна?

После рассмотрения [идей] Рошера скажу еще несколько слов о Книзе²¹, который, как мне кажется, недостаточно справедливо оценен. Книз как никто другой развил до высокого совершенства методологические постулаты реалистического направления в области экономики и как никто другой вообще осознал самостоятельное значение точного направления теоретического исследования явлений в вышеупомянутых областях, природу их точных законов и вообще законов экономики. Вряд ли можно поверить, что можно дать негативную оценку человеку, который проделал колоссальную историко-экономическую работу, который в свои юношеские годы востребовал исторический метод, а в своих более поздних работах о деньгах и кредите оставил то лучшее, что создала немецкая теоретическая национальная экономика на основе этого метода.

Заканчивая разбор книги Менгера, мы разрешим себе добавить несколько слов об авторе, к которому мы, конечно, хотим подойти настолько близко, насколько он привык подходить к своим историческим противникам.

Менгер — проницательный диалектик, логический ум, необычайный ученый, но ему очень не хватает универсального философского и исторического образования, как естественной широты горизонта, который способен всесторонне вмещать в себя опыты и представления. Он прав во многих отдельных вещах: в том, что высказался против исторической школы немецких экономистов; его исследования будут с интересом и пользой читать каждый, кто занимается этими вещами, в определенном смысле они представляют собой радостный знак духовной упругости и научных разногласий, которые характеризуют сегодняшнюю немецкую общественно-политическую науку. Но он точно не будет действовать как реформатор. Он, скорее, эпигон, который обучен исключительно естественной школой Милля и исключительно примыкает к более старой догматике национальной экономики, уголочку большого здания нашей науки, который точно известен только ему и в котором он уединился с проницательностью и ученостью; его принимают за целое здание, во всяком случае, за наилучший и значительнейший салон в этом же здании. Мы утверждаем, что не прав не его уголок, но только, что он из него не видит целое; мы считаем его плохим не за то, что он защищает свой способ, а за то, что он с чрезмерным чувством школьного учителя берет палку в руки и осмеливается ходить по другим комнатам здания и бить по пальцам того, кого находит там с не с такой духовной печатью, как у него. Мы никогда не осмелились бы применить к нему вывернутое наизнанку гордое слово пренебрежения для историков, которые неспособны решать наивысшие задачи специальных наук, а хотели бы превозносить свою собственную неспособность в качестве критерия для значимости научных достижений, даже если бы он принял слишком близко к сердцу слова Гете, что только негодяи скромны.

²¹ Здесь Шмоллер хотел сказать также что-то о Гильдебранде, но так и не сделал этого.

Дильтей, я бы сказал, является во всем полной противоположностью Менгеру, несмотря на то, что он соприкасается с ним в единственном пункте, когда не одобряет растворения в истории теоретических наук о государстве, обществе и экономике. Горизонт у него настолько же широк, насколько ограничен у Менгера. Универсальность его намерений и его образования столь же достойны восхищения, как притягательно своеобразие его понимания, которое с пренебрежением отвергает все традиционные распространенные пути. То, что он предлагает нам в первом томе, является, правда, только отрывком, началом. Первая вступительная книга должна дать нам обзор взаимозависимости отдельных гуманитарных наук и доказать необходимость основополагающей науки; вторая книга демонстрирует нам историческое развитие гуманитарных и общественно-политических наук, как долго они оставались в плену метафизики, с намерением доказать, что время метафизического обоснования навсегда ушло. Эта большая часть книги дает обзорную историю наук и научной мысли до XVIII в. и одновременно показывает нам, как гуманитарные и общественные науки выросли на материнской почве познания. Кульминационным пунктом в этом обзоре или, скорее, тем, что больше всего интересует общественно-научные круги, является генезис греческих, средневеково-религиозных и абстрактных естественных гуманитарных и общественных учений XVIII в. С обнаружением истории происхождения этих теорий соединено познание их границ.

Первый том заканчивается блестящим разбором становления современного научного духа и заключительным рассуждением о невозможности метафизического познания.

Второй том должен следовать за историческим процессом до стадии отдельных наук и теории познания, представлять и разбирать теоретические работы о познании до наших дней, затем на этой основе пытаться заложить теоретические основы гуманитарных наук.

Дильтей ставит в центр исследования отношения исторического рассмотрения и теории. Он говорит, что отдельные гуманитарные науки возникли в период окончания средневековья, они служили метафизике до XVIII в. Возросшая власть естественного знания повлекла за собой подчинение гуманитарных наук естественнонаучным образцам. Только историческая школа совершила освобождение от этой подчиненности, доказала неправоту любой целостной системы идей, которую мы наблюдаем в естественном праве, естественной религии, абстрактном учении о государстве и абстрактной политэкономии. От нее по многочисленным каналам пошел поток новых идей ко всем частным наукам. Но она, историческая школа, еще до сих пор не преодолела свои внутренние барьеры, которые тормозят ее теоретическое взросление и ее влияние на жизнь. Использованию исторических явлений [для анализа] не хватает их увязывания с последними данными [полученными при изучении] сознания, [а также] не хватает философских оснований, к которым тщетно стремились Конт, Дж. С. Милль и Букле посредством переложения [на гуманитарные науки] естественнонаучных принципов. Протест глубоких и полных жизненных сил личностей (как, например, Карлейль²²) против этой убогой школы [ложно имитирующей естественные науки] должен быть замещен истинным основанием гуманитарных наук; это высокая цель, которую поставил

²² По-видимому, здесь речь идет о Томасе Карлейле (Thomas Carlyle, 1795–1881) — британский (шотландский) писатель, историк и философ.

перед собой Дильтей. Он не хочет вернуться ко времени, предшествующему возникновению исторической школы, как это делает Менгер, а [наоборот] продвигается вперед в эпистемологической области.

В первой, вводной книге, на содержании которой мы можем теперь остановиться, он исходит из противопоставления естественных наук гуманитарным наукам, несмотря на множество связей между ними. Науки о человеке, обществе и истории характеризуются двумя типами оснований. [С одной стороны] отдельный человек изучался только с помощью биологии отмечая при этом, что личность и общество соотносятся с природой и господством над ней. [С другой стороны] мир причин духовного замыкался на самого себя, при котором имело место разделение духовных и материальных процессов и несопоставимости их оснований.

Отдельные гуманитарные науки выросли благодаря практике жизни. После того как великие теоретики сократовской школы представили в научных рамках совокупность наших познаний, дальнейшее развитие комплексных научных теорий связано преимущественно с потребностью профессионального образования руководящих кадров, как показывают еще сегодня наши энциклопедии (например, энциклопедия Моля), а также недавно осуществленные попытки философских исследований (А. Конт, Спенсер, Стоун, Шеффле).

Материалом для всех гуманитарных наук является общественно-историческая действительность, если она сохраняется в сознании людей в качестве исторического знания и социального знания, которые становятся доступными для исследования. Этот огромный и все же неполный материал обеспечивается двумя составляющими: в отражении духовного развития в виде сочинений и в количественном выражении нынешнего состояния общества в виде статистики. Критический анализ связан с философией. В географии и общественно-историческом повествовании при сборе материала осуществляется его [предварительная] умственная обработка.

Материал дает нам три класса высказываний: восприятие действительно происходящего, теоремы и оценочные суждения. Из этих трех классов тезисов и состоят гуманитарные науки. «И отношения между историческим, абстрактно теоретическим и практическим направлениями в понимании проходят сквозь гуманитарные науки как общая основополагающая связь». Понятие индивидуализма так хорошо подходит для целей развития абстрактных однородных структур. Абстрагированное познание в равной степени необходимо для всех трех [вышеназванных] областей и является необходимым условием для возникновения отдельной науки, которая выделяет какую-то часть из социально-исторической реальности. Но наряду с этим цельному взгляду на действительность сопутствует требование [приоритета] ясности над абстракцией. «Размежевание этих наук, их здоровый рост в условиях специализации зависят поэтому от понимания того, как каждая их истина связана с совокупным целым» [Дильтей 2000: 305].

Антропология и психология, как науки о психофизических сторонах жизни, являются основой для всех других гуманитарных наук, — мысль, которую уже давно высказал оскорбленный Менгером Гильдебранд о национальной экономике. «Изучение психических массовых движений будет приобретать постоянно растущее значение»²³, — подобным тезисом ранее я уже возражал Менгеру.

²³ Сейчас многие исследователи «набухания пузырей» на различных рынках вновь открывают для себя эту истину.

Дильтей справедливо добавляет, что нельзя представлять отношения психических единиц к обществу в виде некоторой конструкции, которая позволяла бы неизвестному целому появляться как единая сила. Следует всегда исходить из психологии отдельного индивида, чем и объясняется значение биографии как важнейшего вспомогательного средства для дальнейшего развития реальной психологии²⁴.

Кроме того, с самого начала при рассмотрении общества индивид предстает как объект. Изучение общества и индивида дается нам легче, чем изучение природы, которая всегда противостоит нам как нечто чуждое. Общество же — это наш мир. [Это не что иное как] игра взаимодействий, в которой мы живем. Для того, чтобы построить картину его состояния, мы вынуждены все активнее прибегать к оценочным суждениям, с целью справиться с никогда не утихающим побуждением воли трансформировать идею²⁵. Существует, следовательно, самое непосредственное отношение к обществу, прямое практическое и теоретическое поведение к нему. «Поэтому науки об обществе, с одной стороны, вырастают из осознания индивидом собственной деятельности и ее условий. Так поначалу строилась грамматика, риторика, логика, эстетика, этика, юриспруденция, и этим объясняется, почему в совокупности наук о духе они продолжают занимать неопределенное срединное положение между анализом и правилоположением, объектом которых является частная деятельность индивида и которые в качестве своего предмета имеют общественную систему в целом. Тот же интерес — по крайней мере на первых порах — отличал и науку о государстве: ведь в ней он уже тогда был связан с интересом к обозрению политических тел. Исключительно из этой потребности в свободном созерцающем обозрении, движимом внутренним интересом к человеческому, возникла впоследствии историография»²⁶ [Дильтей 2000: 315]. С последующим разделением профессий и потребностью технического образования возникли отдельные науки, и в них практическая потребность все больше оттеснялась интересами познания.

Великий процесс дифференциации общества отражается в разнообразных теориях и порождает их сосуществование. Положение каждой отдельной специальной науки определяется только отношением к жизненным фактам общественно-

²⁴ «Если биография является важным вспомогательным средством для дальнейшего развития подлинной реальной психологии, то, с другой стороны, свою основу она находит в теперешнем состоянии этой науки. Истинный биографический метод можно характеризовать как приложение антропологии и психологии к задаче живого и осмысленного описания жизненного единства, его развития и его судьбы» [Дильтей 2000: 311].

²⁵ «Как система телесных элементов, взаимодействующая с природой, внутренне мы такого взаимодействия никак не ощущаем. Поэтому и природа может представляться нам как выражение возвышенного покоя, но это впечатление тут же исчезло бы, если бы в ее элементах мы открыли или вынуждены были представить ту же изменчивую игру внутренней жизни, какой исполнено для нас общество. Природа чужда нам. Она для нас лишь внешнее, никак не внутреннее. Общество — вот наш мир. Игре взаимодействий в нем мы сопереживаем всеми силами нашего существа, ибо внутри себя самих обнаруживаем живейшее волнение тех состояний и сил, из которых строится его система. Образ его состояния нам приходится постоянно совершенствовать в вечно подвижных ценностных суждениях, неустанно изменяя его — по крайней мере в представлении — движением воли» [Дильтей 2000: 312].

²⁶ Цитате, приведенной Шмоллером, непосредственно предшествовало следующее очень важное утверждение: «Индивид сознательно осуществляет свою деятельность по отношению к общественному целому, устанавливает правила этой деятельности, ищет ее предпосылки в совокупной связи с духовным миром. Вместе с тем, стремясь схватить это целое в познании, он действует как созерцающая интеллигенция» [Дильтей 2000: 315].

исторической действительности и их описанию, а не отношением к общей высшей обобщенной науке.

Изучение естественного разделения людей уходит своими корнями в этнологию, которая вместе с историей народов дает картину самостоятельных культурных центров, индивидуальных единиц жизни. То, что называют душой, или духом народа, может быть раскрыто только путем изучения языка, искусства и т.д., т.е. путем раздельного исследования абстрактных сущностей, причем из исторической жизни народов выделяется фактический материал, исходя из определенной цели. Речь идет о ряде культурных систем, которые дают повод самостоятельным наукам; они все более или менее опираются на внешнюю организацию, которая дана человечеству. Науки о системах культур покоятся на психических или психологических составляющих, и этому соответствуют понятия, которые могут специфически отличаться от используемых в индивидуальной психологии и которые можно обозначить по сравнению с ними как определения более высокого порядка в конструкции гуманитарных наук. При таком разделении важно, прежде всего, что никогда не будет забыто влияние до некоторой степени (по государственным, экономическим, правовым соображениям) вырванных частей содержания на организм действительности, в котором пульсирует сама жизнь. «Фундаментальная ошибка абстрактной школы, — говорит Дильтей — заключалась в игнорировании связи отвлеченного частичного содержания с живым целым, а в конечном итоге, в отношении к таким абстракциям как к реальностям. Еще одним, но не менее роковым заблуждением исторической школы было то, что она пыталась найти защиту от абстракций в глубоком чувстве живой, наделенной иррациональной мощью действительности, которая выходила бы за пределы познания, опирающегося на закон достаточного основания²⁷» [Дильтей 2000: 325].

Системы культур стоят рядом друг с другом таким образом, что сам индивид и почти каждый его поступок представляют собой точку их пересечения. Тот же самый поступок может иметь научную, экономическую, нравственную, правовую и т.п. стороны. В случае с правом системы культур еще не отделены от внешней организации общества. Право есть как бы целевая связь, основанная на правовом сознании как постоянно действующем психологическом факте. Внешняя организация общества и волевой фактический материал права, которые проявляют себя в императивах общей воли, связаны между собой. Правообразующими силами являются индивиды. Право — это система культуры, но одновременно больше, чем это — функция единства воли, которая образовалась во внешней организации общества.

Действия индивидов подразделяются на следующие системы: хозяйство, нравственность, язык, религия, искусство и наука, которые в этой последовательности входят в основание национальной организации. Из всех этих систем Дильтей в первую очередь подвергает тонкому анализу нравственность, чтобы потом перейти к внешней организации общества в семье, государстве,

²⁷ Закон достаточного основания, это общий логический принцип, согласно которому положение считается истинным только в том случае, если приведено достаточное основание его истинности. В составе достаточного основания должны быть заведомо истинные суждения, уже доказанные опытным путем или выведенные из истинности др. положений. Закон достаточного основания является общим методологическим принципом в логике. Впервые сформулированный Готфридом Вильгельмом Лейбницем, он характеризует одну из существенных черт логически правильного мышления — доказательность.

церкви, корпорациях, учреждениях и властных отношениях всех видов. Он разбирает факты, которые ведут к осознанию сообщества. Здравый смысл, чувство собственного существования, правило, зависимость, свобода, принуждение являются психическими и психофизическими фактами второго порядка, познание которых лежит в определениях и тезисах изучения внешней организации общества. Исходя из этих форм образуется бесконечное множество ассоциативных сетей и властных отношений. Семья есть плодородное чрево всякого человеческого порядка, всякой ассоциативной жизни. И все же даже в семье индивид остается, в своей глубине, сам для себя. Рассмотрение семьи как ячейки социальной ткани неизбежно должно закончиться социалистической организацией общества. Все ассоциации определяются их целями, функциями и структурами, которые образуют исходный пункт метода сравнения, достигаются ли отдельные жизненные цели лучше координированной индивидуальной деятельностью, или ассоциативно решаются общими отношениями жизнедеятельности индивидов, культурной системой и внешней общественной организацией. Государство, являясь сильной рукой, представляет собой ассоциацию, которая по власти превосходит все другие, удерживает и принуждает к отказу от беспорядочного насилия. Оно является условием координации индивидуальной деятельности и удовлетворения жизненных интересов общества. Государство является предварительным условием всякого правильного действия в системах культур.

Старейшее представление о естественном праве через позитивное право произошло из понимания того, что право является не просто проявлением единой государственной воли, но одновременно продуктом правового сознания, само по себе представляет культурную систему. Также независимость правовой науки по отношению к общественно-политическим наукам покоится на относительной самостоятельности права. «Концепция естественного права обернулась заблуждением потому, что целевую взаимосвязь права рассматривали как безотносительную — в частности, вне ее связи с хозяйственной жизнью и внешней организацией общества — и находящуюся по ту сторону исторического развития. Тем самым действительность была подменена абстракцией и множество форм правопорядка оказалось необъяснимым» [Дильтей 2000: 357]. Проблема, которую ставит естественное право, разрешима только в связи с историко-психологическим анализом и во взаимодействии с позитивными науками права.

Правовой науке противостоят общественно-политические науки. На закате греческих полисов появились два великих теоретика государства, которые заложили фундамент этой науки. Их теории можно понять только на почве тогдашнего состояния греческого государства, так же как и новейшие попытки создать определенную общественную науку можно объяснить определенными социальными и интеллектуальными условиями нашего века. Во всяком случае, последнюю задачу невозможно решить разметкой участка колышками (как это сделал Моль), а можно только путем открытия новых истин.

Бесконечное богатство духовной и общественной жизни и необходимость для каждого индивида вступать в отношения с целым общественно-исторической действительности ведет нас к вопросу: существует ли знание этого целого? Принесла ли нам такое знание немецкая философия истории или англо-французская социология? Дильтей это полностью отрицает. Только

прогресс отдельных наук может способствовать продвижению на пути познания общей взаимозависимости: историческое исследование, основанное на мастерстве отдельных гуманитарных наук, — только это поведет нас дальше, а не единство формулы мирового развития, будь оно выражено религиозно, метафизически, теологически. Это приводит к философско-историческим обобщениям, которые ослепляют, но не приводят к расширению познания. Конт также создал только натуралистическую метафизику истории, которая гораздо меньше соответствовала фактам исторического процесса, чем у Гегеля и Шлейермахера. Он верит, что духовная жизнь полностью зависит от физиологических фактов. Его исторический обзор покоится на натуралистическом трюке, состоящем в том, что передняя часть мозга достигнет превосходства над задней частью мозга, на открытии, которое потом преобразуется в общие, совсем не новые тезисы о возрастающем господстве человека над природой, о растущем влиянии интеллекта на эмоции, преобразовании социального эгоистическими наклонностями. Милль также хочет приспособить естественнонаучные методы для изучения гуманитарных наук, он не признает исторический характер этих наук, который заключается в прогрессирующем анализе непосредственного знания и в понимании с самого начала целого.

Тем, что философы истории создали нечто великое, они обязаны не общей теории, а одновременному овладению отдельными важными науками, для Вико это были юриспруденция и философия, для Гердера — естествознание и история, а Тюрго сочетал свой широкий взгляд с политэкономией, естественными науками и историей. Проблема познания исторической зависимости следующих один за другим состояний общества может решаться далее только на основе психологии и антропологии и посредством связи трех главных классов гуманитарных наук, а именно этнологии, науки о системах культур и науки о внешней организации общества. В возрастающем расширении и совершенствовании отдельных наук лежит условие полного овладения целым. Но отдельные науки нуждаются в осознании отношения их истин к действительности, определенные стороны которой они изучают, а также к другим истинам, которые подобно им также были выделены из этой действительности, т.е. они нуждаются в эпистемологических основаниях гуманитарных наук, которые одновременно являются критикой исторического разума²⁸, теорией познания и логикой.

Психические и психофизические факты образуют основу теории не только об индивиде, но также о системах культур и о внешней организации общества; также они лежат в основе исторического рассмотрения и анализа на каждой из их стадий. Важно исследовать эпистемологическую природу [этих фактов], т.е. как они нам даны, установить степень очевидности, которую они заслуживают — вот истинный метод исследования в гуманитарных науках, который показывает нам, каким образом и с какой степенью уверенности мы пришли к нашему знанию.

Я могу только от всего сердца и в благодарном признании со стороны общественно-политических наук пожелать Дилтею удачи! Пусть он скорее закончит то прекрасное, что он нам предложил, и о чем я в общих чертах поведал, охотно понимая, что при таком сжатии было упущено лучшее, что есть у Дильтея, а именно — тонкости его построений.

²⁸ См. работу Дильтея «Наброски к критике исторического разума». (Вопросы философии. 1988. № 4. С. 135–152).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дильтей В.* Введение в науки о духе. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
2. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности. In Менгер К. 2005. Основания политической экономии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 289–495.
3. *Schmoller G.* Zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften. In Schmoller G. 1998. Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag, 1998. С. 159–184.

РОССИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ВОЙНЫ И УПУЩЕННЫЕ ШАНСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г.Г. ПОПОВ

кандидат экономических наук, доцент,
Московский государственный областной университет,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru;

А.М. СУХОВСКИЙ

кандидат экономических наук, докторант,
Московский государственный областной университет,
e-mail: sam@mgimo.ru

Настоящее исследование посвящено проблеме взаимосвязи между геополитическими трансформациями и экономическим развитием. Институциональная система Российской империи и ее роль «европейского полицейского» имели негативные социально-экономические последствия для ее общества, замедлив переход страны к современному экономическому росту. Предпосылки такого перехода, как утверждают авторы, сложились в Российской империи еще в начале XIX в., но огромные расходы на армию и флот не позволили отечественной экономике перейти на индустриальные рельсы развития.

Ключевые слова: экономическое развитие; институциональная система; геополитические трансформации.

This paper explains the relations between geopolitical transformations and the economic development. The institutional system of the Russian Empire and her role of the "European policeman" generated negative effects on the society and slackened the transition to an economic growth. Although prerequisites for such a transition had been formed as early as at the beginning of the XX century huge spending on the army and on the navy did not allow the Russian economy to pass to industrial development tracks.

Keywords: economic development, institutional framework, the geopolitical transformation.

Коды классификатора JEL: N13, N23, N33, N43, N53, N63, N73.

Введение

Настоящая статья посвящена проблеме влияния геополитических трансформаций в мире на экономическое развитие России в контексте проблемы ее модернизации. Мы отстаиваем идею, что роль «европейского полицейского», доставшаяся Российской империи в наследие от наполеоновских войн, стала роковым факто-

ром, затормозившим переход страны к «современному экономическому росту» в XIX в. Возрастание реакции в России, что стало прямым следствием сворачивания либеральных реформ при Александре I после 1825 г., негативно отразилось на образовательной и научной сферах общества.

Переход России к «современному экономическому росту» мог произойти раньше на одно–два поколения, нежели это фактически случилось в 1880-е гг. Предпосылки к этому сложились уже в начале XIX в., однако перераспределение ресурсов в пользу военной промышленности и армии замедлили данный переход.

О том, что Россия, как Франция и Германия, находилась ближе к 1830-м гг. на грани прорыва в индустриальную эпоху, говорят следующие факты: динамика роста среднедушевого ВВП России в то время не отставала от общемировой, выплавка чугуна в 1820-е гг. в России была выше, чем в Германии, динамика роста промышленного производства была такой же или выше, чем в некоторых странах Запада, но после 1830-х гг. в России наступает перелом, и ее экономика к концу столетия начинает заметно отставать от стран-лидеров Запада (рис. 1, 2, 3).

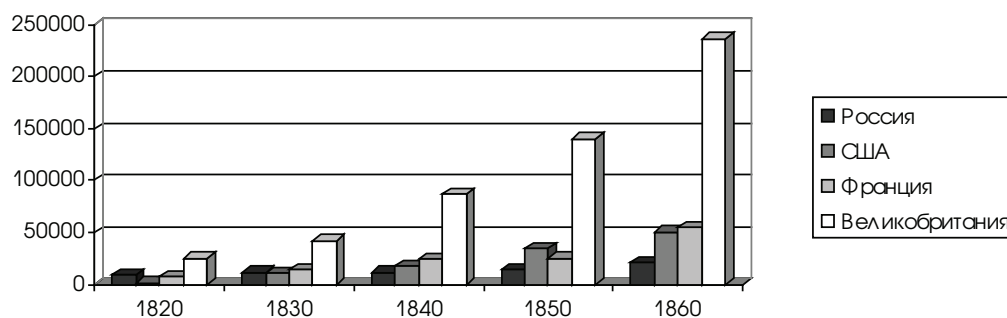

Рис. 1. Производство чугуна в 1820–1860-е гг., тыс. пудов
Составлено по: Гливиц И. Железная промышленность России.
Экономическо-статистический очерк. СПб., 1911. С. 9–10.

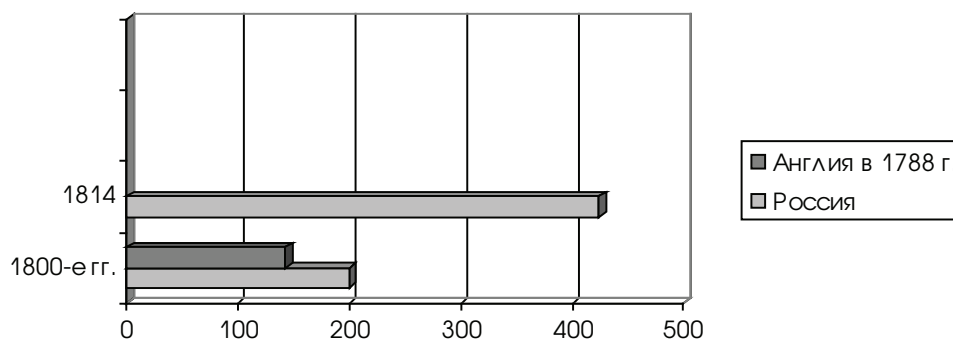

Рис. 2. Количество бумагопрядильных фабрик в России
начала XIX в. и Англии конца XVIII в.

Составлено по: Пушкарев С.А. Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 93, Шульце-Геверниц (Schulze-Gaevernitz) Г.
Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб., 1901.

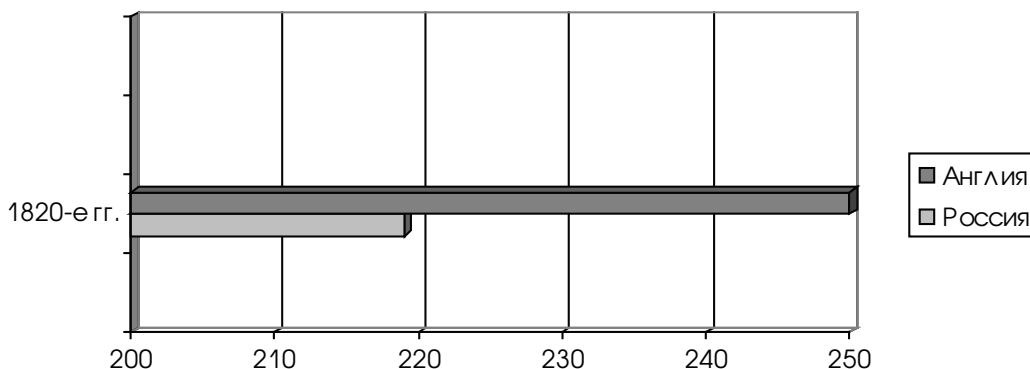

Рис. 3. Численность занятых в хлопчатобумажной и ситцевой промышленности, тыс. чел., в начале XIX в. (для Англии учтены занятые только в хлопчатобумажном производстве, для России приводится показатель середины 1810-х гг., но в 1820-е гг. ситуация с численностью фабричных рабочих изменилась незначительно).

Составлено по: Пушкарев С.А. *Россия в XIX веке (1801–1914)*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 93; Шульце-Геверниц (Schulze-Gaevernitz) Г. *Очерки общественного хозяйства и экономической политики России*, СПб., 1901.

Таким образом, до 1830 г. Россия по выплавке чугуна, количеству бумагопрядильных фабрик и численности фабричных рабочих не столь значительно отставала от лидера экономического развития — Англии. Отсюда Е. Гайдар не совсем прав утверждения, что, исходя из критериев материального производства, Россия изначально отстала от Запада на 2–3 поколения. Опираясь на предложенные выше данные, мы можем утверждать, что в начале XIX в. разрыв в развитии между Россией и Англией составлял не более одного поколения. Но факторы отставания сформировались уже в то время и даже раньше.

Рост производительных сил в России первой четверти XIX в. не сопровождался институциональной трансформацией общества, что отразилось на индексе развития. Вместе с тем, негативную роль в этом явлении сыграло место Российской империи в контуре политической архитектуры Европы Нового времени, это место европейского полицейского. Россия оказалась втянутой в конфликт между двумя державами, претендовавшими на мировое господство, — Англией и Францией. Поэтому следующий раздел начнем с рассмотрения проблемы этого противостояния.

Англо-французская «дуэль» и Россия

Еще в Средние века в Европе сформировались две силы, которые начали борьбу за господство сперва в Северной Атлантике, а затем и во всем мире, это две супердержавы — Англия и Франция. Почему супердержавы? Дело в том, что, по сути, эти государства были мультинациональными и образовались вследствие жесткой военной экспансии. Франция, фактически, создавалась на почве объединения интересов ряда национальных элит. В отличие от Франции и Англии, Пруссия и Австрийская империя, к примеру, оставались типично феодальными образованиями. Понятие немецкой нации еще в XVIII в. носило скорее поэтизированный, нежели политический характер.

Мощь Франции и Англии, как супердержав, базировалась на связке нескольких социальных структур: армия, флот, городская торговая буржуазия, интеллектуальная элита, земельная аристократия, государственное чиновничество, свободное крестьянство, ремесленники. Речь идет именно о связке этих структур, то есть, об их стремлении работать вместе в одном механизме национального государства на основе общих социально-экономических интересов. Разумеется, экономические противоречия между стратами внутри этих обществ имели место, иначе не было бы Великой революции во Франции, но, во всяком случае, французское и английское общества осмысливали себя как некие целостности, чего нельзя сказать об Австрии Габсбургов, или Священной Римской империи и германской нации.

Переход Англии к современному экономическому росту произошел во второй половине XVIII в., это время совпадает с ростом военно-морского могущества этой страны и колоссальными завоеваниями. Экономическое развитие стран Запада в Новом времени было жестко связано с контролем над морскими коммуникациями.

Борьба за моря во второй половине XVIII в. вылилась в острое соперничество между Англией и Францией, предопределившее последующие два столетия истории. Это противостояние было странным во всех отношениях и получило имя «англо-французской» дуэли, хотя дуэлянтов было несколько, и особую роль здесь сыграла Пруссия. Странность противостояния заключалась в том, что колониальный передел мира впервые осуществлялся не в джунглях Индии и не в жарких саваннах Африки, а на территории Европы и в чисто европейских по культуре и духу колониях Северной Америки. Апогеем «дуэли» двух держав стали две революции — Американская и Великая французская.

Когда Людовик XVI предложил своим министрам оказать военную помощь североамериканским повстанцам, его генеральный контролер финансов заявил, что Франция разорится с выстрелом первой же пушки. Эти слова были истиной, которую Бурбоны познали уже во время штурма Бастилии. При Людовике XV Франция потеряла Канаду и значительную часть контроля над Карибами. До этого Франции сильно досталось от австрийцев и немцев во время войны за Испанское наследство, тогда за 12 лет большой войны погибли порядка одного миллиона французов – колоссальная цифра, если учесть, что население страны не превышало 16 млн чел. на то время. Собственно, Франция после этой войны так и не смогла преодолеть барьер демографического роста в 16 млн чел. вплоть до эпохи Наполеона.

Если сопоставить наиболее острые моменты «англо-французской» дуэли с вехами российской истории, то мы увидим, что все значимое в ранней Новой истории России напрямую связано с тем, что происходило на другом конце Европы и в водах Атлантики.

Северная война, когда произошло рождение Российской империи, явилась продолжением войны за Испанское наследство, тогда же военные расходы России стали наибольшими за всю ее предыдущую историю. Семилетняя война, в которой активное участие принимала Россия на стороне Франции, переломила ход развития первой, окончательно удалив из отечественной истории вариант правления чисто пруссакой партии (правда, возможно, что Петр III провел бы либеральные реформы, в таком случае «немецкий вариант» был бы не самым худшим). Возвышение России на мировой арене в конце XVIII в. совпало с кризисом в Североамериканских колониях, который разрешился бы, вероятнее всего, в

пользу Англии, не вмешайся Франция, на стороне которой оказалась Российская империя.

Таким образом, российская история в Новом времени пошла в контексте противостояний великих держав Запада, в первую очередь – противостояния Англии и Франции.

Перераспределение ресурсов в мире в результате победы Англии в противоборстве с Францией выразилось в первую очередь в перераспределении колониальных товаров и плантаций, на которых они в основном производились. Что бы там не доказывал Макс Вебер и его последователи уже в наше время, отчасти к таковым можно отнести Дугласа Норта, но факты остаются фактами – доходы колоний равнялись доходам национальных экономик в Европе, а иногда даже превосходили их. Основой колониальной экономики было плантационное рабство. Трудно сейчас сказать, была ли альтернатива у европейского капитализма, но очевидно, что колонии ускорили процесс накопления капиталов в Западной Европе. Отсюда в XVIII в. возникло предпочтение западного капитала вкладывать деньги в плантации и рабов, что наглядно демонстрирует пример Барбадоса (табл. 1), а также динамика роста производства сахара в карибских колониях (табл. 2).

Таблица 1

Динамика структуры населения Барбадоса

Год	Белые колонисты	%	Черные рабы	%
1643	37200	86	6000	14
1684	23624	34	46502	66
1724	18295	25	55206	75
1786	16167	21	62115	79

Источник: Watson K. *Slavery and economy in Barbados*. Адрес источника в Интернет: www.bbc.co.uk/history/british/empire_seapower/barbados_03.shtml.

Таблица 2

Динамика производства сахара на Карибах в тыс. т

Год	Бразилия	Британские Карибы	Французские Карибы	Остальные Карибы
1700	20000	22000	10000	5000
1760	28000	71000	81000	20000
1787	19000	106000	125000	36000
1815	75000	168000	36600	66200

Источник: Meddison A. *The world economy: a millennium perspective*. 2001. P. 58.

Система потоков колониальных товаров и финансовых ресурсов, созданных посредством их торговли, была хорошо описана в общих чертах еще Ф. Кенэ. Из Америки и Индии колониальные товары направлялись в Европу, там от их продажи торговые корпорации получали колоссальные доходы (прибыли, как правило, превышали 150%), полученные купцами деньги оседали в банках и Британской

империи, они шли на строительство флота и закупку вооружений, а также на создание мануфактур. Далее, эти финансовые потоки шли в континентальную Европу, в основном в германские государства и Россию, на закупку сырья для промышленности и продовольствия для растущего пролетариата.

Эффективность промышленного производства и труда промышленных рабочих в Англии и во всей Европе оставалась низкой вплоть до конца XIX в., поэтому переход к современному экономическому росту происходил преимущественно за счет внешней торговли и, особенно, торговли колониальными товарами. Для обоснования данного тезиса мы выдвигаем два аргумента – экономическая эффективность плантационного рабства, по сравнению с эксплуатацией труда фабричных рабочих, а также структурный характер развития промышленности в первой трети XIX в.

Доход от эксплуатации одного раба был в семь раз выше, чем доход от эксплуатации одного промышленного рабочего в Англии [14, с. 195]. Зная численность английского пролетариата и рабов Карибского бассейна, а также доход от эксплуатации английского рабочего в фунтах стерлингов, нетрудно вычислить общую доходность плантационного рабства хотя бы для начала XIX в. Еще в позапрошлом веке было подсчитано, что один британский рабочий в хлопчатобумажной промышленности начала XIX в. давал ежегодно продукции на 322 фунта стерлингов [13]. Получается, что общая доходность плантационного раба на Карибах составляла 2254 фунта стерлингов в 1800–1820-е гг. В зоне Карибского бассейна в рассматриваемое нами время было приблизительно 2 млн рабов [10]. Таким образом, ежегодный доход от плантационного рабства только для Карибского бассейна составлял 4 508 000 000 фунтов.

В самой Англии начала XIX в. пролетариат насчитывал примерно 1,4 млн чел. Если предположить, что средняя доходность каждого английского рабочего независимо от отрасли производства составляла 322 фунта стерлингов в год, то мы получим общую ежегодную доходность английского рабочего класса 450 800 000 фунтов стерлингов. То есть, «армия чернокожих рабов» Карибов была в 10 раз эффективнее, с точки зрения финансовой доходности, нежели весь пролетариат Англии. На высокую экономическую эффективность плантационного рабства уже в США первой половины XIX в. указывает Ю.В. Латов [6]. Здесь-то и кроется причина рывка Англии в социально-экономическом развитии, а не в пресловутых процентах накоплений У. Ростоу или протестантской этике М. Вебера. Разумеется, победа Англии в противостоянии с другими колониальными державами во многом объясняется институциональными изменениями в ее обществе и технологическим прогрессом XV–XVIII вв.

Что означает цифра в 4 508 000 000 фунтов стерлингов для мира первой трети XIX в.? Во-первых, это 145 322 000 000 современных фунтов стерлингов, что в переводе — около 232 млрд долл. США по актуальному на сегодня обменному курсу. Для сравнения скажем, ВВП всех государств Германии в 1820 г. составил приблизительно 26,3 млрд долл. США в мировых ценах 1990 г. [17, р. 179]. Таким образом, только доход от эксплуатации рабов в зоне Карибского бассейна почти в 9 раз превышал ВВП всей Германии 1820 г. в границах 1913 г. (без Эльзаса и Лотарингии).

Обратимся теперь к нашему второму аргументу – низкой эффективности фабричного производства в масштабах всей Западной Европы. Будем сравнивать две страны — Англию и Францию. В Англии в 1849 г. применялись 60 000 ручных и 225 000 механических прядильных станков [5, с. 186]. Соот-

ветственно, ручной труд продолжал оставаться здесь пусть слабо, но все-таки конкурентоспособным даже в середине XIX в. Не менее сложно обстояло дело во Франции. Несмотря на то, что цеховое производство в стране практически исчезло после Великой революции, ручное производство продолжало сохраняться на протяжении всей первой половины XIX в. По данным Е.М. Кожокина, в 1860 г. до 97% всех предприятий Франции относились к числу кустарных производств [5, с. 202].

Временной разрыв в освоении паровых машин в производстве составлял между Англией и Францией всего лишь несколько лет. В 1800 г. во Франции было 15 паровых машин, а в Англии около 320. Разница большая, но динамика прироста паровых машин в обеих странах была примерно одинаковой. В 1836 г. во Франции было уже 1749 паровых машин [5, с. 190], в Англии в 1825 г. — 15 000.

Таким образом, количество паровых машин в Англии увеличилось в 50 раз за 25 лет, а во Франции оно выросло в 130 раз за 36 лет. Однако в конце XVIII в. в Британии количество паровых машин увеличилось в более чем 300 раз. То есть, британский прирост произошел за 10 – 15 лет в темпах в два раза больших, чем во Франции за 36 лет. Получается следующее, французская промышленность не смогла совершить тот рывок в увеличении числа паровых машин, как это сделала британская промышленность в 1790-е гг. Упущенное французами время приходится на 1800 – 1810-е гг., именно тогда огромные ресурсы страны, включая и частные капиталы, ушли на поддержание военных предприятий Наполеона. Великая революция и наполеоновские войны были вызваны поражением королевской Франции в борьбе за колонии.

Тем не менее, у французских промышленников были 1830-е, 1840-е, 1850-е и 1860-е гг., чтобы догнать своих английских коллег в аспекте технологии производства. Однако, резкого увеличения применения паровых машин и прочей техники, что должно было сопровождаться укрупнением производств, не произошло. Кроме того, Франция с 1820 г. начала экспортировать машины, так как они не находили, по всей видимости, достаточно большого сбыта на внутреннем рынке.

Пример Франции в первой половине XIX в. говорит в пользу того вывода, что машинное фабричное производство не везде и не всегда было однозначно выгодным и могло победить ручной труд и мелкотоварного производителя.

По мере того как Англия одолевала на море Францию, возрастал ее импорт сырья и продовольствия из России, в результате чего последняя заняла после окончания эпохи Екатерины II проанглийскую внешнеполитическую позицию.

Поражение королевской Франции и великий перелом

Освободив Североамериканские колонии от Британии, Людовик XVI подписал приговор себе и своему государству, в Европе закончилась целая эпоха просвещенного абсолютизма с ее меркантилистской экономикой. Герой борьбы за независимость США Лафайет и многие его соратники стали движущей силой либерального этапа Великой революции во Франции. Возможно, революция во Франции так и завершилась бы ограничением полномочий короля, но экономический кризис, спровоцированный расходами на войну в Северной Америке и потерей Канады, куда могли иммигрировать излишки маргинального населения страны, сделал свое дело — к власти пришли радикалы –якобинцы. Европа погрузилась в пучину продолжительных войн.

Идея национального суверенного государства обернулась для Европы формированием принципиально новой национальной армии, правда, призыв существовал еще в королевской Франции. Успехи Наполеона продолжались до тех пор, пока против него не были выдвинуты такие же национальные армии, в 1812 г. — в России, и в 1814 г. — в Пруссии.

Страх перед новой революцией заставил европейские монархии создать первую систему безопасности, роль полицейского в которой отводилась России. Эта роль фактически стала принадлежать ей во время походов Суворова в Италию, став очень дорогой и обременительной для экономики (рис. 4).

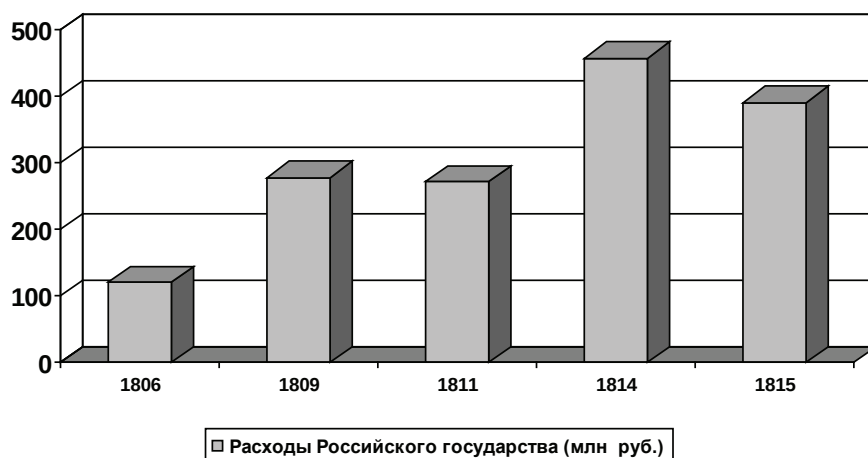

Рис. 4. Бюджетные расходы Российской империи в период наполеоновских войн (млн руб. ассигнациями), 50–60% из них приходилось на вооруженные силы.
Составлено по: Государственные финансы России: XIX — первая четверть XX века: Учеб. пособие для вузов / Под ред. И.В. Караваевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

Стабильность Европы держалась на русских штыках, а не на «золотом стандарте» и всемирной банковской системе, как то доказывал Карл Полян [9]. Эта система европейского, а, значит, и мирового в то время политического равновесия существовала вплоть до Крымской войны, которая по расходам для России была почти эквивалентна кампаниям 1812 – 1814 гг.. Именно Крымская война стала переломным моментом в истории Европы, с этого события начался распад системы безопасности в Европе, «концерта держав».

По расчетам П.Н. Милюкова, Россия тратила до 50% своего бюджета на армию и флот (рис. 5). Эти расчеты были сделаны в начале XX в.

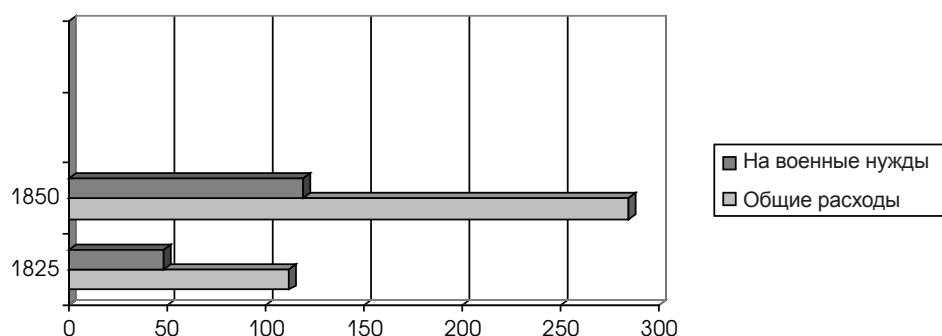

Рис. 5. Расходы бюджета Российской империи, по П.Н. Милюкову.
Источник: Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956. С. 100.

Итак, по Милюкову, Россия тратила на военные нужды в 1825 г. 48,4 млн руб. Пока что для читателя эта цифра ничего не говорит. Сопоставим ее в международных сравнениях. Один долл. США в начале XIX в. стоил 1,3 руб., к 1825 г. это соотношение не изменилось. Таким образом, военные расходы России составили в 1825 г. 62,92 млн долл. США в ценах того времени, или 1 млрд 177 млн современных долларов по паритету покупательной способности, что составляет около 2,5% ВВП России 1820 г. в границах СССР (по Медиссону, ВВП России тогда составлял 37 710 млн долл. США в ценах 1990 г. [17, р. 184]).

По оценкам А.П. Хромова, бюджетные расходы России на армию и флот выглядели следующим образом (см. рис. 6).

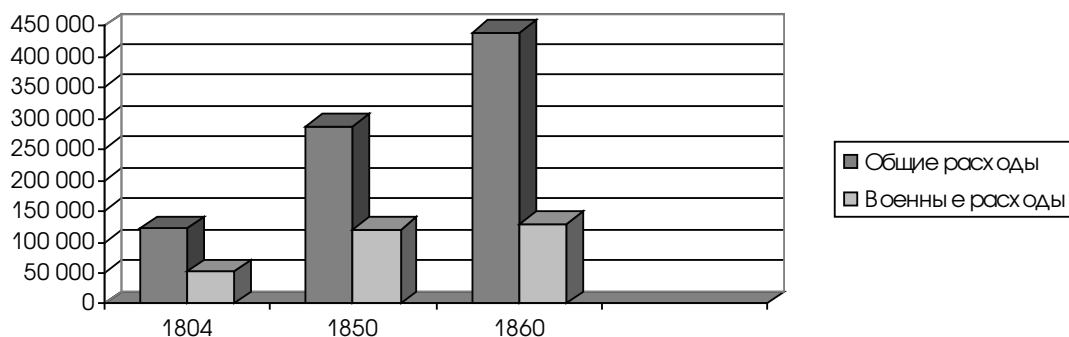

Рис. 6. Расходы бюджета Российской империи, по А.П. Хромову (для 1804 г. в ассигнациях, для 1850 и 1860 гг. в серебряных рублях).

Источник: Арин О.А. Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX — начало XX веков). М.: Линор, 1999.

Если исходить из того, что российский рубль и в 1850 г. практически не отклонился от своего курса к доллару США в 1825 г., то картина с военными расходами будет следующая. Россия перед Крымской войной тратила порядка 4 млрд современных долларов в год на военные нужды, что почти в 3,8 раза больше, нежели в 1825 г., и что сопоставимо примерно с 4,9% ВВП Российской империи 1870 г., если исходить из расчетов Медиссоном ВВП России для этого года [17, р. 184]. Мы не думаем, что ВВП России значительно вырос с момента окончания Крымской войны, после 1856 г., очевидно, имел место его спад, который длился, возможно, 8–10 лет.

Сложность подсчетов реальных расходов России на вооруженные силы отражает особенности развития финансовой системы Российской империи XIX в. Естественно, что учет процента инфляции тогда никто не вел. К тому же, бюджет эпохи Александра I исчисляется в ассигнациях, стоимость ассигнации тогда составляла около 25 серебряных копеек. Но цены периода наполеоновских войн были ниже в 2 – 2,5 раза, нежели в середине XIX в. Судить так нам позволяет тот факт, что рубль в конце XIX в. обесценился, по сравнению с первой половиной этого столетия, в 4 раза, или приблизительно на 400%, то есть обесценивание рубля шло темпами по 100% за 25 лет [8]. Таким образом, реальная стоимость военного бюджета России 1804 г. была в серебряных рублях 1850 г. примерно 24 млн, то есть в 5 раз ниже, чем в канун Крымской войны. И это при том, что с 1800-х гг. российские вооруженные силы почти не модернизировались!

Заметим еще одну важную деталь. Совокупные бюджетные расходы Российской империи первой половины XIX в. составляли около 8-11% ВВП, если исходить из данных Медиссона по динамике российского ВВП в данный период и наших расчетов стоимости рубля. В условиях аграрного общества и даже раннего современного экономического роста такая нагрузка на экономику не может вести к замедлению экономического развития. ВВП России вырос почти в 2,5 раза с 1820 по 1870 гг., государственное давление на экономику не ослабло, оно было почти таким же, как и в Англии (рис. 7).

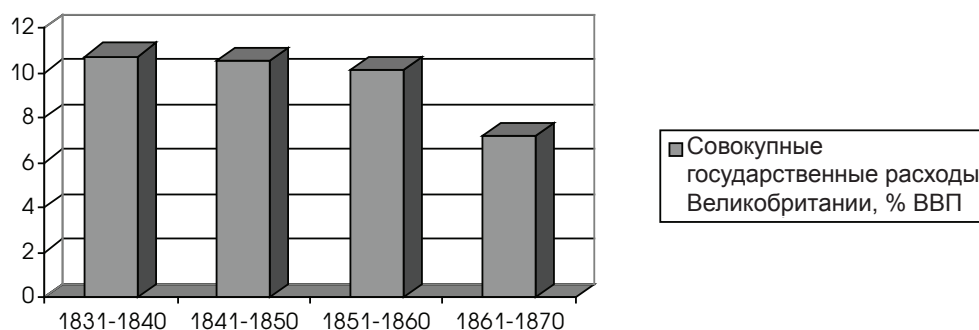

Рис. 7. Источник: Mitchell B. *International Historical Statistics. Europe 1750-1993*. L.: Macmillan Reference LTD, 1998.

Еще в конце XIX в. французский экономист П. Леруа-Бойе утверждал, что государственные расходы, которые превышают 12%, крайне вредны для роста благосостояния нации [16]. Порог государственных расходов в 10% от ВВП был характерен для всей Европы практически до конца XIX в. [2, с. 33]. Экономисты и политики тех лет прекрасно понимали, как Леруа-Бойе, что превышение этого уровня влечет за собой пагубные последствия для экономики.

Но не будем спешить с выводами. Российское правительство во все времена использовало скрытые методы финансирования военных нужд. В XVI – XIX вв. это была помещная система, через которую феодальное Российское государство перекладывало свои расходы на население. В большинстве стран Западной Европы помещная система и крепостное право были к началу — середине XIX в. далеким анахронизмом. Поэтому сопоставление реальных военных расходов России и государств Западной Европы только по бюджетным статьям не дает истинной картины положения вещей.

Другим, уже более поддающимся расчетам источником финансирования военных нужд, в России всегда был государственный долг. В 1850 г. выплаты по государственному долгу составили 15% от всех бюджетных расходов, в 1891 г. — 29%.

Определить точно масштабы изъятия ВВП в пользу дворянства ныне не представляется возможным, но попытаемся это сделать приблизительно. Используем следующие входные данные. 10% всего крепостного крестьянства, насчитывавшего 20 млн чел., Российской империи середины XIX в. относилось к разряду «дворянских», то есть это были в большинстве своем изъятые для личных нужд дворян трудовые ресурсы страны. Другим по степени жесткости эксплуатации были барщинные крестьяне, те, что отработывали только натуральные повинности. Их насчитывалось в середине XIX в. около 70% от всего крепостного крестьянства

[3, с. 379]. Крестьяне этого класса должны были работать в среднем 4 дня в неделю на помещика.

Оброчные крестьяне должны были выплачивать денежную сумму помещику, ее размеры различались, в зависимости от губернии и даже поместья, но средняя сумма составляла 80 руб. в год. Численность оброчных крестьян составляла около 4 млн чел., но платили они помещику с тягла, то есть, с надела. Большинство оброчных крестьян имели наделы. Численность крепостного крестьянства мы определяем по ревизским сказкам, в них учитывались только мужчины, собственно, русское крепостное крестьянство официально состояло только из мужчин. Поэтому в русских ментальных представлениях XIX в. крестьянин и мужик были синонимами. Таким образом, ежегодный объем оброчных выплат в России середины XIX в. составлял 240 млн руб., что в переводе эквивалентно почти 10 млрд долл. США, или около 12% ВВП России 1870 г.

Если объем изъятий с издельного крестьянина (те, которые отрабатывали барщину) в денежном эквиваленте был таким же, как и с оброчного (мы имеем все основания так предполагать), то масштаб изъятий в пользу дворян должен был в середине XIX в. составить приблизительно 60% от ВВП. Таким образом, общий масштаб государственного изъятия от ВВП был около 70 % для середины XIX в., что в 7 раз больше порогового показателя экономики того периода. Мы можем смело приравнивать барщину и оброк к налогам, ибо они были санкционированы государством как принудительные изъятия.

Нам могут возразить, что присвоенные дворянами результаты труда крепостных инвестировались в сельское хозяйство и промышленность. Да, это отчасти так, но и государственные налоги также нередко шли на создание полезных объектов, например, железных дорог.

Увеличение расходов Российской империи на вооруженные силы не сопровождалось повышением качества вооружений и подготовки личного состава армейских частей и флота (табл. 3), хотя к моменту начала Крымской войны, судя по бюджетным расходам, российская армия могла быть в несколько раз мощнее, нежели в эпоху наполеоновских войн, но этого не произошло. Россия однозначно попала в институциональную ловушку, выход из которой был найден только в начале 1860-х гг.

Несмотря на то, что с 1838 года военным всего мира было хорошо известно о штуцерах, скорострельность и дальность стрельбы российских пехотных ружей и артиллерии практически не увеличивались. Новые виды морских вооружений в России почти не развивались. В чем причина? Дело в том, что немалые средства шли на содержание раздутого офицерского корпуса, а также на закупку военных материалов за границей, преимущественно в Пруссии, свое военное производство развивалось слабо.

Помимо того что имела место слишком сильная государственная нагрузка на экономику, в XIX в. сохранялось и даже увеличивалось бремя содержания дорогостоящей аристократии. Эту тему мало кто затрагивает в своих исследованиях российской экономической истории того периода, но русская элита была действительно обременительна для экономики, если сравнивать положение России с другими государствами, например, с Пруссией. Мы имеем больше статистических сведений по численности дворян и поместий в Российской и Прусской империях конца XIX в., в середине XIX в. положение не сильно отличалось.

Таблица 3

Основные сухопутные вооружения российской армии

Вооружение 1812 г.	Технические характеристики	Вооружение 1853–1855 гг.	Технические характеристики
Гладкоствольное пехотное ружье	Дальность стрельбы 250–300 м Скорострельность 1–2 выстрела в мин	Гладкоствольное пехотное ружье	Дальность стрельбы 250–300 м Скорострельность 1–2 выстрела в мин
Основное армейское орудие образца 1805 г. («Единорог»)	Дальность прицельной стрельбы 1,0–1,1 км Скорострельность 1–2 выстрела за мин	Основное армейское орудие образца 1805 г. («Единорог») с модификацией лафета 1845 г.	Дальность прицельной стрельбы 1,0–1,1 км Скорострельность 1–2 выстрела за мин

Составлено по: Материалы сайта «Дедовские войны»

<http://www.kulichki.com/grandwar/crimean/arming.html>,

материалы военно-исторического сайта «Адъютант»

http://www.adjudant.ru/table/Rus_Army_1812_4.asp

(материалы этих сайтов основаны на квалифицированных исторических исследованиях).

В 1895 г. в Пруссии насчитывалось около 18 300 крупных земельных хозяйств [1, с. 144], из них не более 70% принадлежали дворянам или юнкерам. Таким образом, страта прусских помещиков в самом конце XIX в. могла составлять не более 13 тыс. семей на почти 52 млн населения, или одна семья помещика примерно на 3900 жителей Пруссии.

В России в 1870 г. числилось 114 716 дворян-землевладельцев [15]. Так как на одно поместье вполне могло приходиться 2–4 владельца, то речь должна идти, как минимум, 27 000 дворянских семей на почти 70 млн населения (данные за 1863 г. [4, с. 68–69]). Отсюда получается, что на 2 600 россиян приходилась одна дворянская семья. Но этот расчет мы сделали исходя из предположения, что на одно поместье в среднем приходилось 4 совладельца. Совладение поместьем было не столь частым явлением даже для XVIII в. [11, с. 79–101].

Иная картина получается, если каждого из 114 716 дворян-землевладельцев считать единоличным владельцем поместья и главой семьи. Такое предположение, с некоторыми оговорками можно сделать, если опираться на данные переписи 1897 г., когда было определено, что в России проживало 328 513 лиц, живущих с капитала и недвижимого имущества, а на их иждивении числилось 575 105 чел. [7]. Столыпин в начале XX в. сказал в Государственной Думе, что в России есть 130 000 дворянских семей, живущих с имений. Цифра, названная Столыпиным, почти согласуется с численностью дворянства в 1870 г. Если так, то примерно на 1000 россиян на рубеже XIX–XX вв. приходилась одна семья поместных дворян, или приблизительно на 700 рядовых россиян одна дворянская семья — в 1870-е гг., то есть почти в 4–5 раз больше, чем в Пруссии.

Потребности и расходы прусской земельной знати были скромнее, чем у русских дворян-землевладельцев. Производительность прусского поместья была выше, нежели русского. При этом в некоторых государствах Германии и провинциях Пруссии помещичье землевладение было незначительно развито в конце XIX в. Например, в Бадене его удельный вес в общей площади земель составлял тогда 1,8% [1, с. 144].

Провести демонтаж общественной системы, при которой в стране господствовали дворяне, Романовым было не под силу. Во всяком случае, были две такие попытки: это — короткое время правления Петра III и период царствования Павла I, оба императора закончили трагично и известны большинству россиян по официальной историографии своими чудачествами, а не попытками реформ. (Кстати, если психические отклонения Павла I не вызывают у историков сомнений, то насчет Петра III есть разногласия по данному поводу.)

Несмотря на сильную государственную нагрузку на экономику, ВВП России рос большими темпами (см. рис. 8), это еще раз указывает на тот факт, что научно-технический прогресс, качество жизни и ВВП не всегда между собой связаны. Действие институциональной ловушки, напротив, значительно усиливается при большом росте ВВП.

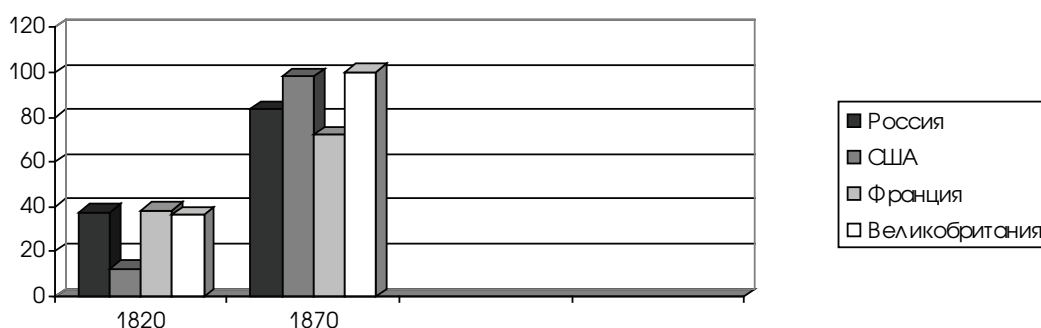

Рис. 8. Прирост ВВП в России и некоторых странах мира, млрд долл. США 1990 г. (округленные показатели).

Источник: Maddison A. *The World economy: a millennial perspective*. OECD, 2001. pp. 184.

Таким образом, мнения У. Ростоу и Й. Шумпетера, в современной российской экономической науке развитые Е. Гайдаром, в том плане, что рост ВВП определяет состояние развития общества, опровергаются примером России. Высокая динамика экономического роста, напротив, оказалась в первой половине XIX в. вредна для российского общества, так как элита, получавшая большие доходы от эксплуатации труда населения страны и от экспорта зерна, не имела стимулов для преобразований. Верховная власть в лице монархов и их окружения, включая высшие военные чины, получила дополнительные экономические возможности для проведения разрушительной, как для своей, так и для других стран, внешней политики. Одним из результатов этой политики стало спасение Австрийской империи Габсбургов, продление существования которой заложило фундамент для будущего глобального вооруженного конфликта — Первой мировой войны.

Чтобы лучше понять, что значила роль «европейского полицейского» для России, надо сопоставить затраты на военные нужды с тем, что могла бы получить ее экономика на эти деньги, не случись, допустим, Крымской войны (табл. 4).

В 1850-е гг. в России насчитывалось не более сотни речных и морских пароходов и примерно столько же паровозов, а их могло быть тысячи, не ввязись Российская империя в очередную военную авантюру. Надо сказать, что Крымская война вообще могла бы не произойти, если бы правительство Николая I потратило деньги не на подавление революции в Венгрии, а закупило бы на эту сумму (примерно 47 млн руб.) порядка сотни боевых пароходов [12]. Едва ли Британия в таком случае решилась бы на войну с Россией.

Таблица 4

Альтернативные издержки Крымской войны

Паровозов	Речных пароходов-буксиров (туеры)	Километров железных дорог
13300	16000	2540

Источник: расчеты автора на основании конъюнктуры российских цен на инвестиционные товары того периода.

Издержки от политической роли мирового полицейского выразились также в другом. Реакция при Николае I сдерживала развитие образования, приведенные на этот счет данные говорят сами за себя (см. рис. 9). Очевидно, что количество студентов было жестко привязано к политической конъюнктуре, в 1825–1836 гг. и 1848–1854 гг. произошло уменьшение численности студентов в российских вузах, но эти периоды были временем реакции, следовавшей за известными политическими событиями.

Результатом глобальных геополитических изменений конца XVIII – начала XIX вв. стало для России ее отставание в сфере модернизации. Это очевидно, когда мы сравним показатели социально-экономического развития Пруссии и России после наполеоновских войн и до начала 1850-х гг. (табл. 5). Пруссия с 1815 по 1870 гг. не вела крупных внешних войн, но имела при этом с Российской империей схожую политическую структуру, в которой приоритет принадлежал власти монарха.

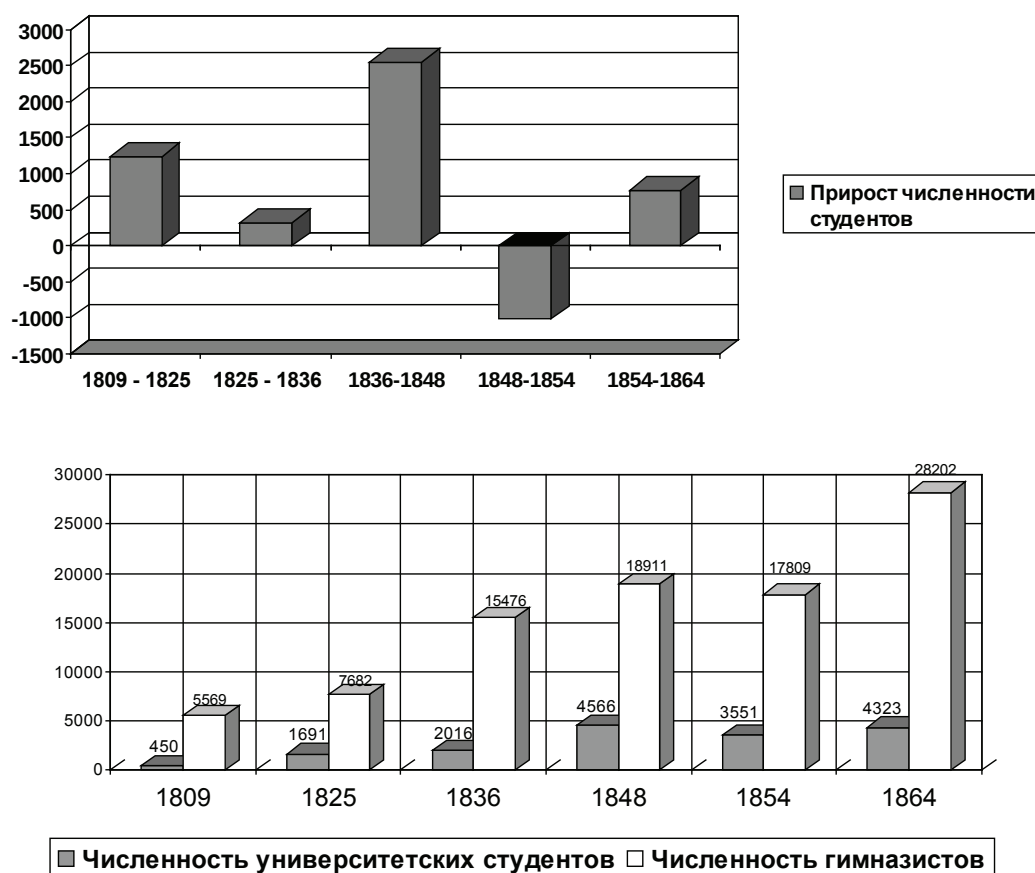

Рис. 9. Динамика численности студентов и гимназистов
Составлено по: Милюков П.Н. История русской нации. М.: Эксмо, 2008.

Таблица 5

Некоторые показатели социально-экономического развития России и Пруссии по периодам

	Россия	Пруссия
Протяженность шоссейных дорог во второй половине 1810–1820-е гг., км	390	4 000
Протяженность шоссейных дорог в 1850 г., км	3 300	12 000 (в масштабах всего Германского таможенного союза, дороги в его государствах строились преимущественно на деньги Пруссии)
Протяженность железных дорог в 1855 г., км	937	3700
Приблизительная численность промышленного пролетариата в 1853 г.	400 000	1 000 000
Приблизительный процент грамотного взрослого населения в 1810–1830-е гг.	8	65

Составлено по: Милюков П.Н. История русской нации. М.: Эксмо, 2008, Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801–1914). Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Том I. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб, 1898; Ашенкамф Н.Н. Аграрные реформы и развитие аграрного сектора германской экономики во второй половине XIX века. М.: Академический Проект, 2004; Aufbruch ins Industriezeitalter. In 3 B-de. Bd. 3. Muenchen: R. Oldenbourg Verl., 1985.

Таким образом, роль европейского полицейского дорожного обошла Россию, замедлив темпы ее модернизации. Военные конфликты имели своим следствием также экспансию России. Пример России первой половины XIX в. показывает, что социально-экономическое развитие может носить на определенных исторических этапах нелинейный характер. Само развитие производительных без соответствующих институциональных условий в итоге может обернуться ростом непроизводительных расходов, это прямое следствие ситуации институциональной ловушки. Бурный экономический рост, который имел место в России начала XIX в. обернулся для нее не благом, а фактором отставания, так как отсталая институциональная система получила возможность к самовоспроизводству в еще больших масштабах, чем ранее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашенкамф Н.Н. Аграрные реформы и развитие аграрного сектора германской экономики во второй половине XIX века. М.: Академический проект, 2004.
2. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
3. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925.
4. Кеппен П.И. О народных переписях в России, Записки Русского географического общества. По отделению статистики. Т. VI. СПб, 1889. С. 68–69.
5. Кожокин Е.М. История бедного капитализма. Франция XVIII — первой половины XIX века. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005.
6. Латов Ю.В. Новая экономическая история гражданской войны в Америке и лик-

- видации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1.
7. Литвак К.Б. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (Источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 1.
 8. Настольный энциклопедический словарь. Т. I. История Российской империи. М.: А. Гранат и Ко, 1899.
 9. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2002.
 10. Попов Г.Г. Дискуссионные вопросы генезиса капитализма и экономического развития Европы в Новое время // Историко-экономические исследования. 2008. Т. 9. № 1.
 11. Хитров Д.А. К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Черноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия История, 2004.
 12. Широкоград А. Германия. Противостояние сквозь века. М.: Вече, 2010.
 13. Шульце-Гевверниц (*Schulze-Gaevernitz*) Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб, 1901.
 14. Экономическая история мира. Европа. Т. 2 / Под общ. ред. М.В. Конотопова. М., 2004.
 15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. М.: Терра, 2001
 16. Leroy-Beaulieu P. Traite de la Science des Finances. P.: Guillaumin, 1888.
 17. Maddison A. The World economy: a millenial perspective. OECD, 2001.

ПОЧЕМУ НЕМЦЫ ГОЛОСОВАЛИ ЗА ГИТЛЕРА (из истории экономических преступлений государства)

О.Ю. МАМЕДОВ

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Предлагаемое вниманию читателей эссе посвящено экономическому контексту рокового в мировой истории события — выборов в рейхстаг в Германии в 1932 году.

Ключевые слова: Веймарская республика, политическая диктатура, экономический кризис.

We offer our readers an essay devoted to the economic context of the fatal events in world history — the elections to the Reichstag in Germany in 1932, the year.

Keywords: Weimar Republic, the political dictatorship, economic crisis.

Одна из катастрофических загадок мировой истории — поддержка немцами в 30-х гг. прошлого века Гитлера, поддержка, которая дорого обошлась всем народам, а уж европейским — особенно.

Исследователи этой загадки не оставили без внимания ни одного нюанса той эпохи. Социологи подвергли тщательному анализу все потенциально-фашиствующие черты немецкого национального характера — склонность к воинственности, к беспрекословному послушанию начальству, взрывоопасную смесь непомерной педантичности и чудовищной сентиментальности. Философы в поисках ответа напряженно вчитывались в Ницше и Шопенгауэра. Историки возлагали ответственность за происшедшее на последствия поражения Германии в Первой мировой войне.

Не остались в стороне и экономисты: коллективными усилиями был создан портрет германской экономики предфашистской эпохи — милитаризация, монополизм, государственный протекционизм, жажда внешнеэкономической экспансии. С тех пор совокупность названных признаков используется для диагностики реальной фашизации национальной экономики.

1.

И, тем не менее, загадка остается, — ну как немцы, один из действительно культурных («исторических», по выражению Карла Маркса) народов мира, могли массо-

во отдать симпатии Гитлеру и фашистской идеологии (что впервые неопровержимо продемонстрировали именно выборы в рейхстаг в 1932 г.)?

Что это было — феномен массовой слепоты? Сверхобнищание народа, приведшее к утрате облика человеческого? Умело культивируемые настроения реваншизма?

Мы иногда сетуем на то, что пока еще недостаточно «многоязычны», полагая, что владение английским или французским существенно повысило бы уровень массовой культуры. Увы, все это вторично. Гитлер говорил на немецком, но был людоедом; Муссолини — на итальянском, но был основателем фашизма; Мосли — на английском, но был отпетым фашистом; де ля Рокк — на французском, но фашиствовал с упоением.

Что это значит? Только одно, — что можно быть полиглотом, можно проживать в странах, породивших великие ценности демократии и либерализма, — и оставаться социально-политическим троглодитом. Таких ненавистников, наслаждающихся европейской жизнью, но зоологически ненавидящих все, что, по их мнению, можно причислить к демократии и либерализму, немало даже в новейшей российской истории¹.

«Граблеобразный» характер национальной истории отдельных стран вновь и вновь вынуждает всматриваться в экономический контекст феномена массовой поддержки «фюрера», особенно выявляя роль государства в формировании всенародной симпатии к фашизму.

2.

Ответ на вопрос, почему Гитлера поддержал «массовый» немец, до сих пор ищет каждое поколение в Германии. И не только в ней.

Что ж, это объяснимо — интеллектуальное противоядие от фашизма должно быть всегда наготове, поскольку мы наблюдаем постоянное сползание многих стран к авторитаризму. А авторитаризм такое устройство общества, которое всегда, рано или поздно, пусть даже с большим временным лагом, но неумолимо выводит людей на площади, а затем обagrяет эти же площади кровью, сначала — народа, потом — диктатора.

Самое ближайшее доказательство такой исторической закономерности представлено той жестокой социальной бурей, которая неожиданно потрясла, казалось бы, подремывающий арабский мир, бурей, которую еще недавно ничто не предвещало. И тут же множество правителей в ужасе стали заклинать: «Чур, чур меня!».

¹ Кто-нибудь из проклинающих Северную Америку и Западную Европу представляет, во что превратился бы наш мир, если исчезнут эти оплоты демократии и либерализма? Падение Древнего Рима отбросило Европу к варварству, из которого она выкарабкивалась не менее десяти веков... А вокруг веселились гунны, готы и вандалы, — ведь теперь мир (вместе с развалинами древнеримской цивилизации), наконец-то, принадлежал только им! Впрочем, идеалы вандализма всегда в цене — «Америку ненавидят все, даже американцы. Антиамериканизм — это, пожалуй, главное, что сегодня объединяет человечество. Антиамериканизм становится синонимом самоопределения человека — человека периферии, ищущего многополярного свободного мира. Поэтому «смерть Америке» следует написать на щите в качестве лозунга всех тех, кто хочет гуманного миропорядка. Пока Америка не будет разрушена, уничтожена и раздавлена в своем империалистическом стремлении навязать всем собственную гегемонию, мы будем находиться под постоянной угрозой повторения ливийских, иракских, афганских, сербских событий. Бороться с Америкой надо не только словом, но и сердцем, мыслью, а главное — действиями. Америке надо положить конец. Люди, которые не ненавидят сегодня Америку, не являются людьми вообще. Это жертвы западной пропаганды, биороботы, они сами сдают право на свободу, независимость и достоинство» (см. «Свободное время», Опубликовано 09 сентября, 00:05, в газете «Московские новости» № 115, источник - http://www.mn.ru/newspaper_freetime/20110909/304745566.html); нет-нет, это не Бен-Ладен, это наш ученый соотечественник, способный вызвать зависть даже у сотрудников «Völkischer Beobachter»!

Конечно, тут же появились уверения в инспирированности этой бури извне.

Однако социальная наука, которую все время пытаются превратить в «секту конспирологов», упрямо твердит со времен марксизма — истину может открыть только анализ реальных экономических проблем взорвавшейся страны. К тому же глупее занятия, чем подозрительное озиранье в этой ситуации ближних и дальних соседей, даже трудно найти.

К великому счастью, есть в истории и другие, вдохновляющие примеры.

Англия, после лорда-протектора Кромвеля (т.е. после 1658 г.), ни разу не пала, не унизилась до авторитаризма. И Франция, которая после Наполеона III (т.е. с 1871 г.) уже полтора века наслаждается плодами демократического устройства. А ряд европейских стран вообще вышли на «демократическую орбиту» социального развития задолго до Англии (Дания, страны Северной Европы и Прибалтики, Швейцария).

Германия и Италия добились необратимой демократии только после Второй мировой войны. Демократическое устройство этих двух стран миру досталось страшно дорогой ценой².

Сфера политической демократии ширится — в наши дни число демократических государств пополнили многие страны Центральной и Восточной Европы.

Но как же сложен путь к необратимой демократии!

3.

Каким же образом Гитлер ухитрился пробраться в политические лидеры немецкого народа, имея те очевидные пороки, которые не были секретом никогда и ни для кого? Почему большинство немцев солидаризировалось с его политическими лозунгами, тем самым поддержав приход нацистской диктатуры?

Тайну превращения некоего ничтожного индивида в Вождя народа политология вряд ли когда-нибудь откроет, поскольку это всегда цепь уникальных событийных совпадений. Социальные закономерности выявить еще можно, а вот смоделировать политическую судьбу индивида — нет!

Молодой Гитлер — абсолютно невзрачный субъект, постоялец ночлежек, перебивавшийся случайными заработками. Ничто, ну буквально ничто не предвещало его восхождения к статусу вершителя судеб миллионов людей. И, тем не менее, именно это невозможное и свершилось.

Воистину тайна восхождения к политическим вершинам велика есть!

И то сказать, ну кто бы мог предугадать в бедном провинциале из мятежной и недавно замиренной Корсики, с акцентом изъяснявшемся на французском, будущего императора Франции? Разве можно было даже ясновидцу заподозрить в буйном «андеграундном» литераторе будущего итальянского диктатора? А уж кто бы углядел «гениального вождя» в подозрительном и замкнутом кавказском экспроприаторе?

Никаких личностных качеств для того, чтобы стать вождем, ни у кого из самых знаменитых диктаторов не было. Кроме одного — **нечеловеческой жестокости!** Все диктаторы одинаковы, — даже сталинская «Катынь» была предвосхищена наполеоновской «яффской трагедией», когда тот, еще во время своего египетского похода, пленив в Яффе мамелюков и не имея возможности

² Даже неумолимо-ненавидящие демократию и либерализм вряд ли были бы рады, если бы, например, в Германии вновь утвердился диктаторский режим; вот объективная ирония социального устройства — авторитарные правители, будучи у себя дома приверженцами самого жесткого управления, вряд ли обрадовались бы той же форме правления в Германии.

их содержать, предпочел вывести на берег моря и хладнокровно расстрелять **че-ты-ре ты-ся-чи молодых мужчин!**

Но одинаковы не только диктаторы, одинаковы и их поддерживающие.

4.

Самым важным для объяснения причин установления политической диктатуры в той или иной стране является анализ экономических условий ее появления.

Есть бесспорный, научно установленный факт, согласно которому индустриально-инновационно развитые страны — это обычно страны с рыночной организацией экономики и демократической организацией политики.

Это позволяет утверждать: **тягчайшее социальное преступление государство осуществляет тогда, когда оно бесконечно сохраняет отсталую, вечно находящуюся на грани кризиса, некормящую и неплатящую экономику, в которой господствуют коррупция и монополизм, которой никак не удастся создать возможности для достойной жизни подавляющему большинству населения страны, в которой развиваются только криминальные условия и формы производства³. Но главное преступление неэффективного государства заключается не только в перечисленных материальных несчастьях, но и еще и в том, что таким состоянием экономики оно буквально загоняет общество в барак авторитарной формы политического режима.**

Массовая поддержка диктатуры возможна лишь тогда, когда личная власть вождя отвечает экономическим интересам основной массы общества⁴. И эти интересы чутко улавливаются: обещание экономического чуда, социального процветания и вдохновляющих политических перспектив — таковы три обязательных «пиар-капкана» восходящей диктатуры. При этом политики не скупятся на посулы — рост экономической эффективности, рост социального благосостояния и, конечно же, расцвет демократии. Однако в реальности за этим непременно следует эрозия государственных структур и утрата и без того вымирающих моральных ценностей⁵.

5.

Истории было угодно, чтобы демократическая организация государства и общества впервые возникла в Германии в самый что ни на есть неблагоприятный для этого момент — после неслыханных жертв и разрухи Первой мировой войны (впрочем, в таких же не лучших обстоятельствах состоялись «роды» демократии и во многих других странах).

Это обрекло немецкие демократические ценности и институты на слабость уже на начальной стадии их становления. А потеря территорий по Версальскому договору, разорительные репарации, ограничения на вооружение и вооруженные силы подогревали в массовом сознании чувство унижения.

³ И поскольку экономика ряда стран длительный период никак не улучшается, закрадывается странная мысль — а не выгодна ли консервация подобной экономической отсталости, коррупции и монополизма политической элите?

⁴ Именно эту связь зафиксировали все современные немецкие исследователи, — см., напр., Hitler und die Deutschen. Volksgemeinschaft und Verbrechen (источник — <http://www.dhm.de/ausstellungen/hitler-und-die-deutschen/index.html>).

⁵ Это невероятно, но сегодня даже те, кто ненавидит демократию и собирается задушить ее, вынуждены притворяться приверженцами демократических ценностей, — вот до чего дошло «демократическое разложение» общества!

На политику накладывалась экономика — из-за неполной выплаты репараций французские войска оккупировали Рурскую область, взяв под контроль природные ресурсы и ключевые отрасли промышленности страны. Это ввергало немецкую экономику в кризис. Инфляция выросла настолько, что немецкая валюта потеряла практически всякую ценность⁶.

И вот уже нищета пришла к средним слоям, а в рыночном обществе этого политикам не прощают!

«План Дауэса» восстанавливал немецкую валюту, увязав ее курс с объемами американских кредитов немецкой экономике. Однако неожиданный крах уже самой американской экономики в результате Великой депрессии вверг Германию в хаос — безработица выросла до **шести миллионов** человек, люди стали голодать. В этой ситуации они бы пошли за любым, кто пообещал бы их накормить не то что «пятью», а хотя бы «одним хлебом». Это натолкнуло нацистов на верную мысль — создать невыносимые жизненные условия, не оставив возможности альтернативного выбора, и избиратели вынуждены будут побежать за ними!

Впрочем, справедливости ради следует сказать — о тяжести кризиса в довоенной Германии знают многие. Но ведь Англии и Франции после Первой мировой было ненамного легче, чем Германии, а уж как ударила Великая депрессия по американской экономике — и говорить нечего.

Но ведь они же устояли — США, Англия и Франция! Устояли на почве демократии и либерализма, тогда как, кроме них, почти все остальные европейские и латиноамериканские страны «поскользнулись» на тоталитаризме. Страшно даже представить, что случилось бы с миром, если бы и в США, Англии и Франции победили охватившие в предвоенный период большинство стран тенденции к диктаторству...

Что же спасло эти страны от чумы диктаторства?

В это трудно поверить, тем более молодым демократиям, но — **вековые традиции парламентской демократии!**

В том-то и дело, что, в отличие от англо-французского общества и к своему (а потом — и мировому) несчастью, немцы стали искать выход из политико-экономического кризиса в альтернативных — правом и левом — экстремистских политических движениях. Эти движения роднило одно — требование радикальных политических решений экономических и социальных проблем. Поэтому, кто бы тогда ни победил в этой внутривнутриполитической борьбе, судьба немецкого народа оказалась бы незавидной в любом случае.

Германия показала всему миру: **в жизни общества самая большая политическая опасность порождается слабостью национальной экономики.**

Когда же мы поймем, что сводить монополизм, коррупцию, технологическое отставание только к экономическому проигрышу, — значит, трагически уменьшать потенциальную политическую опасность слабости национальной экономики!

6.

Между экономикой и политикой — неразрывная связь, и она существует независимо от того, признают ее в академических кругах или нет. В социальной науке эта связь отразилась в теории, точно названной «политическая экономия», которая преподается тем, кто ее высокомерно игнорирует, не в учебной аудитории, а на площадях и улицах.

⁶ Есть фотографии, на которых видно, как берлинские подростки играют в «футбол» с пачками купюр обесценившихся марок.

Современные «заматематизированные» (и потому снисходительно-снобствующие) экономисты, играющие безопасными для них и бесполезными для экономики функциональными «штучками-дрючками» производственных технологий, перестали, да и просто разучились рассматривать экономические процессы в широком социальном контексте. К тому же усилиями ведущих административно-научных учреждений **из отечественной экономической науки фактически изгнана политическая экономия.**

Но это — пиррова победа, поскольку она оставляет наше общество идеологически не подготовленным к тому, что с ним может сделать Реальная Экономика в период ее кризисного ослабления. Ведь реальная, а не «аудиторная», экономика знает только один **механизм нерадикального развития — осознанное и упреждающее совершенствование обществом политико-экономического устройства производства!**

Если же общество уклоняется от тяжелой работы по совершенствованию экономики, то она, заимствуя образное выражение, немедленно «отоваривает его по башке» системным противоречием между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. И чем дольше продолжается это уклонение, тем более сильным взрывом разрешается названное противоречие!

Политическая экономия — Суровая Дама: она не бродит по сановным приемным, справляясь, выбрала ли та или иная страна свой лимит на революции. Ах, — смущается она, — в вашей стране лимит исчерпан? Что ж, тогда пойду в другую...

Нет, все обстоит гораздо суровее — **Экономическая История часто поручает Политической Экономии приводить в исполнение свой Приговор!**

7.

Каков же «экономический» вклад в восхождение Гитлера к вершинам политической власти?

В последний период истории Германской империи (1871–1918), который совпал с бурным финалом «промышленной революции», была разработана программа индустриализации страны. И Германия, действительно, одновременно с Великобританией и США, превратилась в ведущую экономическую державу мира. Лишь поражение страны в Первой мировой войне (1914–1918) прервало этот экономический рост.

И только на обломках послевоенной Германии ее демократическим силам удалось основать Веймарскую республику (1918–1933), экономика которой сразу же подверглась жесткому испытанию кризисом 1919–1923 гг., вызванным тяжелым репарационным бременем Версальского договора. Экономика немедленно свалилась в гиперинфляцию⁷.

Но уже ближайшие пять лет стали годами мощного восстановления экономики республики. Увы, — недолго бум всех восторгал, экономика вновь рухнула с началом Великой депрессии...

⁷ В октябре 1923 г. налоговые доходы Веймарской республики покрывали лишь 1% от предстоящего объема государственных расходов, тогда как оставшиеся 99% были профинансированы фидуциарной эмиссией, или, выражаясь иначе, простым печатанием бумажных денежных знаков (см.: Artikel von Helmut Braun. Die deutsche Wirtschaft (1918–1990). Inflation, 1914–1923 // http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/artikel/artikel_44647); к чему могут привести игры с печатным станком, видно из следующего факта — уже в ноябре 1923 г. килограмм хлеба в Германии стоил... 233 миллиарда (!) марок (см. <http://www.was-war-wann.de/1900/1920/1923.html>).

Когда в октябре 1929 г. произошел крах фондового рынка в США, он перекинулся на германскую экономику из-за сокращения в нее американских инвестиций. В этой ситуации деньги даже для пособий безработным взять уже было неоткуда⁸.

Особенно серьезные политические последствия имел тот факт, что глобальный экономический кризис времен Великой депрессии усилил государственное вмешательство в экономику. Между тем политико-экономическая особенность Германии состояла в том, что здесь (например, в Баварии) доминировал мелкий и средний бизнес. Именно он, сильно пострадав в годы войны, в послевоенный период впал уже в полную, если так можно сказать, «экономическую прострацию». Не этим ли объясняется топография «мюнхенских пивных походов»?⁹

Ситуация ухудшалась тем, что масштабные предоставления долгосрочных кредитов в «Золотые Двадцатые», оказавшихся в условиях экономического кризиса невозвратными, привели к краху банковской системы страны. Это сделало немецкие товары неконкурентоспособными на мировом рынке. К тому же разразился кризис сельского хозяйства — цены на сельскохозяйственную продукцию в 1932 г. были на 35% ниже уровня 1913 г.¹⁰

Исторический урок состоял в том, что экономический кризис в Германии знаменовал и конец демократии в ней, крах американского фондового рынка, с которого началась Великая депрессия, сделал многие американские банки несостоятельными, что вынудило их требовать от немецких партнеров досрочного погашения полученных кредитов. Это привело к банкротствам уже в Германии, что, в свою очередь, обернулось массовой безработицей (в 1932 г. — около 30% безработных, особенно среди молодежи, что в тех исторических обстоятельствах имело роковые последствия)¹¹.

В этой обстановке межфракционная грызня и чехарда отставок последних парламентских правительств Веймарской республики (из-за разногласий относительно методов борьбы с ростом безработицы) окончательно отвратили от этих «носителей демократии» большинство немецкого общества.

В отчаянной попытке стабилизировать ситуацию Президент Гинденбург поручает формирование нового правительства поочередно Брюнингу, фон Папену, Шлейхеру, но уже предвыборный 1931-й г. проходит под знаком трагически-острого экономического кризиса и пугающей масштабами безработицы¹².

Обстановка выходит из-под контроля. 30 января 1933 г. Гинденбург назначает Гитлера канцлером, проигнорировав то обстоятельство, что тот был открытым врагом конституционных основ Веймарской республики, что именно за «государственную измену» в апреле 1924 г. он был приговорен к пятилетнему сроку лишения свободы.

⁸ До чего же противно устроена рыночная экономика, — именно тогда, когда для борьбы с возрастающей массовой безработицей нужны деньги, именно в этот момент банкротство множества компаний усиливает эту безработицу, одновременно сокращая налоговые выплаты.

⁹ Справедливости ради надо честно признать, что нацистское движение начиналось как одна из форм гражданского общества, как один из бесчисленных вариантов его самоорганизации, так что гражданское общество может приносить и горькие плоды, — все решает уровень демократического развития в данной стране, защита в ней демократических и общечеловеческих ценностей.

¹⁰ См. подр.: *Wirtschaft(WeimarerRepublik)* // <http://blog.zeit.de/schueler/2010/09/10/thema-wirtschaftsgeschichte/>; эта мнимая «дешевизна» окончательно добила, например, малые и средние семейные фермы Баварии.

¹¹ *Die Weimarer Republik (1919–1933)* // <http://www.lernstunde.de/thema/weimarerrepublik/grundwissen.htm>.

¹² Здесь и далее использованы материалы — «*Die Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP)*» (источник - <http://www.dhm.de/lemo/html/weimar/innenpolitik/nsdap/index.html>).

И вот Президент Гинденбург не придумал ничего умнее, как предложить Гитлеру (правда, по результатам выборов 1932 г.) пост канцлера (премьер-министра). Престарелый маршал запятнал свой мундир, фактически сам совершив своими действиями государственное преступление. Но сложившиеся политические обстоятельства казались ему, видимо, необоримыми. Да и кто, кроме нормальных людей, мог тогда знать, что Гитлер послан самим Сатаной? Но нормальные в тот момент в Германии составляли меньшинство, а преобладали, как всегда, невменяемые.

За излечение этого, так сказать, человека от параноидальной ненависти к демократии и либерализму потом пришлось расплачиваться уже всем миром, и расплачиваться миллионами человеческих жизней. Но исторический урок, видимо, не впрок, — сегодня число все так же ненавидящих демократию и либерализм буквально зашкаливает...

8.

На демократических выборах обычно побеждают те, кто способен создать брендовый сплав стратегических экономических идей и воодушевляющих политических лозунгов. Господин с усиками, как несостоявшийся художник, это хорошо знал. Какими же необыкновенными предвыборными приемами он пленил пребывавших в смятении немцев?

Смятение — вот ключевое слово той предвыборной поры: позади — ужасы четырехлетней войны с миллионами убитыми и искалеченными, на дворе — невиданной немцами силы кризис и безработица, впереди — апокалипсические прогнозы, а по улицам бегают толпы вооруженных людей (то ли штурмовики, то ли ротфронтовцы), и все угрожают рядовому избирателю.

О, если бы немцы только знали, чем обернутся для них гитлеровские посулы сытой жизни, обещание чистокровности нации и угрозы всему миру! Но в том-то и дело, что все, буквально все — и в Германии, и за ее пределами, — знали: гитлеровские угрозы — чистейший блеф, для их реализации нет никаких материальных ресурсов (даже напав на Польшу, Гитлер блефовал, но его «счастливая звезда» называлась — трусость политического руководства главных стран Европы).

А раз нет реальной опасности, раз вокруг бардак, то, думали немцы, может, Гитлер хоть внутри страны наведет порядок?

И он, действительно, навел.

Чем же Гитлер взял немцев на выборах?

1. Агрессивный антисемитизм и радикальная националистическая идеология. Этот предвыборный «инструмент» до сих пор приносит определенным партиям неплохой политический дивиденд.

2. Социальные цели и экономические средства их достижения сознательно размыты, что помогало нацистской партии выдавать себя за «партию всего народа».

3. Ввергнув Германию в политический хаос, нацисты максимально использовали эту ситуацию для победы на выборах, убеждая немецкое население, что инфляция¹³, нищета, хаос, социальные антагонизмы — это последствия прихода демократов к

¹³ Инфляция 1923 г. в Германии обесценила сбережения миллионов людей, превратив их в одночасье в нищих (нацисты ловко использовали этот момент — на банкнотах, официальный срок обращения которых еще не истек, но которые уже практически обесценились, они стали печатать на оборотной стороне карикатуры на своих политических противников).

власти. И то сказать, при императоре Вильгельме этого точно не было. Он всего лишь развязал мировую войну и погубил миллионы немцев, но кто уже об этом, четырнадцать лет спустя, помнил?

4. Была развернута пропаганда радикальной политики, которая, как известно, всегда сводится к «простым решениям», обожаемым обывательской массой.

5. Внутрипартийная структура проецировалась нацистами на общество — «вождь партии» должен восприниматься как «вождь народа», с вытекающим отсюда его культом и харизмой. Гитлер не скрывал от избирателей, что, придя к власти, он изменит политическую систему страны.

Знаменательный факт — несмотря на значительный рост числа членов нацистской партии, как только наметилась относительная политическая и экономическая стабилизация во второй половине 20-х гг., результаты выборов для нее оказались разгромными, на выборах в рейхстаг в мае 1928 г. нацисты получили лишь 2,6 % голосов.

Зато Великая депрессия обеспечила им политический взлет — уже в сентябре 1930 г. они получили 18,3 % мест, стали второй по величине партией и увеличили число мест в рейхстаге с 12 — до 107!

9.

Мало кто знает, что даже после победных для нацистов выборов еще какое-то время История медлила, предоставляя немцам последний шанс одуматься.

Не получилось. И мир упал в Бездну!

... Как только по итогам июльских выборов в рейхстаг 1932 г. нацисты стали относительно сильнейшей партией (получив 37,4 % всех поданных голосов), Гитлер истерически потребовал всю полноту политической власти в стране, что означало требование поста канцлера Германии!

Однако президент Гинденбург предложил ему — в соответствии с конституцией — пост вице-канцлера. И Гитлер немедленно прибегнул к излюбленному приему — шантажу: он громко хлопнул дверью, высокомерно отвергнув это предложение.

Общественный результат этого шантажа оказался неожиданным — разочарование масс, поддержавших нацистов, было так велико, что нацистская партия начала проваливаться в политическую изоляцию. Несмотря на огромную финансовую поддержку со стороны крупных промышленников (Фрица Тиссена, Альберта Фоглера, Эмиля Кирдфорда), партийная касса после избирательной кампании была пуста, денег для дальнейшей пропаганды просто не было. Партия стремительно погружалась в глубокий кризис. Все крупные немецкие газеты на рубеже 1932–1933 гг. взхлеб предсказывали скорый конец гитлеровского движения. Нацисты из последних сил боролись за свои позиции на региональных выборах в середине января 1933 г.

И в этот момент бывший канцлер Франц фон Папен предложил Гинденбургу согласиться на формирование нового правительства во главе с Гитлером, как выходом из безвыходности. Только роковой просчет многих консервативных политиков позволил создать «Кабинет национального единства», где Гитлер все-таки стал канцлером.

Выборы в Германии закончились выбором ее гибели и мировой войны.

Но 30 января 1933 г. об этом еще никто не знал...

10.

Потаенная, состоящая из грязи и крови, история возвышения Гитлера давно уже раскрыта, а 1933-й год, год прихода Гитлера к власти, навсегда ушел в прошлое.

Почему же обществоведы вновь и вновь всматриваются в эту мрачную дату?

А потому, что тот **трагический выбор немецкого народа до сих пор тревожит мучительным вопросом — НЕУЖЕЛИ КРОВАВЫЙ ДИКТАТОР МОЖЕТ ПРИЙТИ К ВЛАСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПУТЕМ?**

Если это так, значит, демократия способна самоубийственно перерасти в анти-демократию? Но тогда получается, что общество беззащитно против посягательств на свою свободу даже при демократической форме государственного устройства? Так стоит ли тогда биться за демократию и либерализм?

Демократические выборы, в результате которых нацисты пришли к власти в Германии, отбрасывают мрачную тень подозрения не только на эффективность демократии, но и на главную форму ее осуществления — выборы. Ведь если демократия есть выборная на всех уровнях общества власть, то возникает жесткий критерий степени ее реальности: чем шире социальное пространство, на котором выбирается власть, тем больше демократии, а когда оно сужается, — тем меньше демократии¹⁴.

Выборы в рейхстаг 1932 г., позволившие Гитлеру стать канцлером Германии, ослабляют позиции демократов еще и тем, что они подталкивают к несложному умозаключению — раз диктатора выбрало подавляющее большинство общества, то оно и несет ответственность за все его последующие действия. А отсюда рукой подать до принципа «круговой поруки», повязывающей общество необходимостью совместной поддержки преступного выбора, — дескать, что уж тут, раз уж мы все сами такого выбрали...

Но так ли уж бесспорен этот силлогизм?

В период 1924–1928 гг. политическую жизнь Германии определяла правительственная коалиция из центристских партий. Политические предпочтения немцев показывают результаты парламентских выборов тех лет: в декабре 1924-го 8 млн немцев поддерживали социал-демократов, свыше 4 млн — центристов, 3 млн — народную партию, 2 млн — демократов, (для сравнения за националистов проголосовали 6 млн, за коммунистов — почти 3 млн; за нацистов — 1 млн)¹⁵.

Жестокий кризис немецкой экономики, вызванный Великой депрессией, привел к росту социального недовольства, что выразилось в усилении поддержки радикальных партий (нацистской партии Гитлера и коммунистической партии Тельмана).

Сменявшие друг друга коалиционные правительства оказались бессильными. Рейхстаг был распущен и на 14 сентября 1930-го назначены досрочные выборы. На них, в атмосфере террора, запугивания и уличных демонстраций, организуемых то нацистами, то коммунистами, Гитлер заручился поддержкой уже более чем 6 млн избирателей (около 18%), а в рейхстаге его партия стала второй (социал-демократов поддерживали 25% избирателей, 13% — коммунистов). Хотя заметно выросла поддержка радикальных партий, канцлером вновь стал центристский политик — Генрих Брюнинг.

¹⁴ Ограничение демократии может происходить не только в результате, скажем, прямой отмены выборов местных или региональных начальников, но и косвенной — подменой выборов их имитацией, когда выбор начальников доверяют не народу, а его неким «представителям», да еще по рекомендации тех, кому и отказать-то невозможно.

¹⁵ Через четыре года нацисты получили еще меньше поддержки — только 0,8 млн голосов (см. - http://www.wiadomosci24.pl/artukul/jak_hitler_naprawde_doszedl_do_wladzy_40700.html).

Между тем, экономический кризис в Германии приближался к кульминации — в сентябре 1931-го было около 4 млн безработных, в начале 1932-го более 6 млн.

13 марта 1932 г. были проведены президентские выборы. И хотя экономический кризис по-прежнему подталкивал к радикализации настроений в немецком обществе, политическая инерция устояла, на выборах вновь победил президент Гинденбург (19 млн избирателей), зато вторым опять оказался Гитлер (за — 13 млн).

Успех Гинденбурга определялся солидарностью всех демократических сил, наконец-то объединившихся перед опасностью двух главных экстремистских партий. Но 84-летний генерал и аристократ Гинденбург меньше всего годился на роль сильного борца за сохранение демократического строя в Германии.

В результате политических интриг новым канцлером стал Франц фон Папен. Многие специалисты считают, что это и стало началом фактического уничтожения демократии в Германии.

31 июля 1932 г. состоялись очередные выборы в рейхстаг. Они продемонстрировали возросшие симпатии к Гитлеру, за которого проголосовало более 37% избирателей (социал-демократов на этот раз поддержало 24%, коммунистов — 14%).

Союз социал-демократов и коммунистов был бы сильнее нацистов, но упрямое натравливание Москвой коммунистов на социал-демократов расчищало путь для триумфального шествия нацистов к государственной власти.

Фон Папен в этой ситуации вводит нацистов в состав своего правительства. Однако появление в нем Гитлера (сентябрь 1932 г.) привело к потере правительством фон Папена поддержки со стороны демократически-коммунистического большинства в рейхстаге.

Согласно конституции, президент Гинденбург распустил парламент и назначил досрочные парламентские выборы на 6 ноября 1932 г.

Однако История продолжала медлить, словно давая последний шанс немецкому народу, выборы показали падение популярности нацистов, которые потеряли 2 млн избирателей, собрав на этот раз около 33 % голосов (коммунисты усилились, получив 17%).

Хотя, в результате сговора и интриг, Гитлер и стал канцлером 30 января 1933 г., он все же не был избран подавляющим большинством избирателей, и потому в новом коалиционном правительстве нацисты получили только 3 из 11 мест.

Фон Папен недооценил Гитлера, который, аргументируя неустойчивостью политической ситуации в стране, добился решения о проведении новых выборов в рейхстаг. Их назначили на 5 марта 1933 г.

Но эти выборы уже трудно назвать «выборами» — нацисты начали невиданное ранее политическое давление на общество, кульминацией чего стал поджог 27 февраля здания рейхстага, ответственность за который была возложена на коммунистов. Однако, даже в атмосфере тотального запугивания и террора, нацистам не удалось получить абсолютного большинства в парламенте!

За Гитлера высказалось около 17 млн немцев, т.е. 43,9% избирателей (социал-демократов поддержали более 18 %, коммунистов — 12, центристов — 11, националистов — 8%).

Это значило, что требуемое по конституции большинство в рейхстаге для поддержки своего правительства Гитлер по-прежнему мог получить только через коалицию с националистами. Чтобы править единолично, Гитлер должен был иметь на

своей стороне две трети парламента. Он добился этого, арестовав часть депутатов. Действие конституции было приостановлено.

Началась нацистская страница в истории Германии. Уже к лету 1933 г. фашисты остались единственной реальной политической силой, так как все другие политические партии были вынуждены прекратить свою деятельность. 14 июля того же года было официально закреплено, что НСДАП является единственной политической партией в Германии.

Итак, Адольф Гитлер никогда не получал парламентское большинство на демократических выборах, даже проводимых в атмосфере тотального террора. А это реабилитирует демократию и демократические выборы.

История тысячу раз демонстрировала, что между экономикой и политикой существует обратная зависимость — чем сильнее экономика, тем незначимее политика. И, наоборот, ЧЕМ СЛАБЕЕ ЭКОНОМИКА, ТЕМ СУДЬБОНОСНЕЕ ПОЛИТИКА! В такой обстановке каждая страна обязательно попадает в ситуацию искушения «выборами 1932 года». И горе ей, если она пренебрегает уроками экономической истории и прячется от политико-экономических императивов!

Предстоящая модернизация российской экономики — одна из последних возможностей возродить приоритет экономики над политикой, решить острейшие социальные проблемы российского общества экономическими, а не политическими, средствами. И надо, как однажды в сердцах сказал Ленин, быть круглыми дураками, чтобы не использовать этот шанс!

Если же модернизация останется благим пожеланием, то больше История нам отсрочки не даст, и тогда реальность вынудит российское общество к самому неблагоприятному варианту — нам придется ПОЛИТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ РЕШАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ, НАКОНЕЦ, ДО МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА.

Впрочем, однажды мы такое тройное сальто уже выполнили.

В те же Тридцатые годы.

Не дай Бог!..

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ «СОВРЕМЕННОСТЬ»

А.А. АЛФЁРОВ

доктор философских наук, профессор
Южный федеральный университет
e-mail: antal@list.ru

В статье исследуется содержание понятия «современность» в социально-политическом дискурсе. Автор выделяет и анализирует два значения этого понятия. Одно значение возникает в контексте теорий модернизации, другое значение выявляет современность как определенную историческую ситуацию.

Ключевые слова: современность; модернизация; ценности; история; историческая ситуация.

Abstract: The article investigates the meaning of “modernity” in the socio-political discourse. The author identifies and examines two meanings of the term. One value arises in the context of modernization theory, another meaning reveals modernity as a specific historical situation.

Keywords: modernity; modernization; values, history; historical situation.

Коды классификатора JEL: B15, Z13.

В современном социально-политическом дискурсе активно используется термин «модернизация». Употребление этого термина в данном контексте восходит к «теории модернизации», возникшей в США в 50-е гг. XX в. После Второй мировой войны произошел обвал колониальной системы и перед бывшими колониальными странами встала проблема выбора путей дальнейшего развития. «Теория модернизации» подразумевала переход этих стран к индустриальному и демократическому обществу по образцу западных стран, и он интерпретировался как переход от традиционного общества к современному. Эта теория легла в основу политики США в отношении стран «третьего мира».

К середине 70-х гг. теория модернизации утратила влияние. Ее дискредитировало, в частности, то обстоятельство, что реализация ее предписаний в странах «третьего мира» не привела к повышению уровня жизни населения, скорее, наоборот, понизила его, в то же время разрушение традиционных укладов жизни в этих странах повлекло за собой экономическую дезорганизацию, социальные конфликты, рост девиантного поведения. В развенчании этой теории сыграла роль и теоретическая критика, выдвинутая против нее по целому ряду позиций. Однако в 80-е гг. произошло оживление теории модернизации, возникли новые ее варианты, а после крушения социализма в Восточной Европе и России теорию модернизации стали распространять на страны не только «третьего мира», но и бывшего социалистического лагеря [3, 5].

Слово «модернизация» буквально означает осовременивание, приведение в соответствие с современностью. Концепция «модернизации» исходит из того, что

одновременно могут существовать страны передовые (современные) и отсталые (несовременные), которым следует преодолеть свое отставание, модернизироваться. Другими словами, отнесение к современности здесь происходит не по хронологическому признаку. «Модернизация», вообще говоря, предполагает единственно возможное направление исторического развития, так как только при этом условии можно оценивать, кто дальше продвинулся.

Однако по какому основанию одни страны нужно считать современными, а другим отказывать в «современности»? Этот вопрос не является праздным. Конечно, если речь идет об использовании современной техники и технологии, то ясно, что современная техника является наиболее совершенной и открывает человеку новые возможности. Но если имеется в виду экономическая, социально-политическая или духовная реальность, то подобной ясности здесь уже нет.

Приходится констатировать, что понятие «современность» в том его смысле, который предполагается концепцией «модернизации», является отнюдь не нейтральным понятием, — оно идеологически ангажировано. Действительно, мы являемся свидетелями того, как те или иные политические силы пытаются присвоить это понятие, объявить современным то, что представляется им важным и значимым, что они стремятся утвердить в мире¹. Разумеется, в основании подобного использования понятия «современность» лежит укоренившееся представление о том, что современное лучше несовременного, настоящее лучше прошлого. Подобное представление утвердилось в эпоху Просвещения, и оно вылилось в идею исторического прогресса и направленности истории от худшего к лучшему, от менее совершенного к более совершенному. Представление об историческом прогрессе, однако, имеет ценностную природу — оно всегда связано с какими-то ценностями, на основании которых происходит оценка общественных явлений как высших или низших, более или менее совершенных, лучших и худших; ценности в данном случае выступают критериями прогресса и какого-либо объективного критерия прогресса просто не существует [1]. Следовательно, такое понимание современности основывается на принятии тех или иных ценностей и может быть определено как «ценностное».

Некоторые современные мыслители отказываются от представления о прогрессе в истории, но делают это таким образом, что вместе с ним отказываются и от самой истории, поскольку перестают мыслить историю как процесс. Это делают постмодернисты, но не только они. В результате история «освобождается» от прошлого и будущего и тем самым увековечивается настоящее. Получается тот же эффект «конца истории», который у сторонников исторического прогресса достигается объявлением настоящего вершиной исторического прогресса.

Проблемность современности связана также с ее временным определением. Поскольку психологическим образом настоящее удержать или закрепить невозможно — оно мгновенно перетекает в прошлое, — ограничивать его приходится историческим образом. Очевидно, что при ценностном определении современности она должна начинаться с того момента, когда заявляют о себе определенные ценности. И если это — либеральные ценности, то следует вывод, что современность начинается с Просвещения или, может быть, с Реформации, или Ренессанса, в зависимости от того, как исторически интерпретируется возникновение и утверждение этих ценностей.

¹ Делаются попытки «приватизировать» и саму историю, и тот же Ф. Фукуяма объявлял «конец истории», поскольку ему казалось, что то, что является для него ценностно значимым, уже утвердилось в мире либо близко к своему утверждению и, значит, истории больше нечего делать, история заканчивается и разрешается в вечность.

Концепция модернизации противопоставляет современность традиции, традиционному обществу. И хотя поздние варианты этой концепции пытаются данное противопоставление смягчить, оно для теорий модернизации является базовым, исходным. Причем это противопоставление используется и сторонниками либерализма, и адептами традиционализма. Но оценивается ими современность, разумеется, по-разному: в одном случае — позитивно, в другом — негативно. В первом случае предполагается, что изменения, преобразования, динамизм в жизни человека и общества — хорошо, и это характеризует современность и отличает ее от традиционного общества, нацеленного на постоянство, устойчивость. Во втором случае современность интерпретируется как пагубное забвение духовной традиции, идущей из прошлого и содержащей истинные ориентиры для человека, — забвение, которое приведет человечество к краху, при этом цивилизация, сформировавшаяся в Западной Европе в Новое время и распространившаяся по миру, рассматривается как аномальное явление. Именно таким образом противопоставлял традицию и современность Р. Генон [2]. У Освальда Шпенглера, интерпретировавшего историю как развитие локальных культур, утрата традиции представляла симптомом умирания культуры и ее превращения в цивилизацию.

Большинство европейских философов Нового времени, так или иначе, выражали свое отношение к современности. Это и просветители, и Кант, и Гегель, и Маркс, и Кьеркегор, и Ницше, и многие другие мыслители. Одна из работ И.Г. Фихте озаглавлена им «Основные черты современной эпохи». Одна из работ К. Ясперса носит название «Духовная ситуация времени». Однако и Фихте, и Гегель, и Маркс исходили из представления о целой, завершенной истории (подобное представление создавали их концепции философии истории), и в этой целой истории они указывали место современности. Это значит, что их отношение к современности определялось пониманием места современности в целостной истории, — а возможно, наоборот, их отношение к современности определяло и предлагаемую ими концепцию целостной истории. У Фихте отношение к современности было резко отрицательным. Он считал ее третьей и худшей из пяти выделяемых им эпох мировой истории человечества и называл ее эпохой «негативной свободы». У Гегеля современность представляла исполнением цели мировой истории, состоящей в осознании Духом его свободы, и являла, таким образом, завершение мировой истории. У Маркса современность оказывалась кануном гибели капиталистической общественной формации и наступления коммунистической формации, которая мыслилась им как разрешение всех противоречий, с которыми была сопряжена прежняя история и, следовательно, как ее завершение и переход к принципиально иному состоянию человечества. Все эти концепции, создающие представление о целостной истории, реализуют ценностный подход к истории и, следовательно, к современности, потому что само представление о завершенной истории создается на основе каких-либо ценностей, которые, как предполагается, реализуются в истории (свобода, равенство, гуманизм, так или иначе понимаемая духовность и т. д.).

Другой («неценностный») подход к современности выявляет ее как определенную историческую ситуацию. Именно таким образом определял современность, например, К. Ясперс. Но он акцентировал внимание на экзистенциальных проблемах человека, понимая историческую ситуацию как духовную ситуацию времени [8]. К. Ясперс, впрочем, осуществлял и ценностный подход к современности, поскольку он полагал возможным постижение истории в ее целостности (иррациональным

образом) и вводил представление о трансцендентной цели истории. Концепция истории К. Ясперса характеризуется соединением утверждения об открытом характере истории, ее принципиальной незавершенности с признанием возможности и необходимости постижения истории в ее целостности.

Итак, большинство концепций философии истории продуцировали картину истории как целого и настоящее определяли путем указания его места в этом целостном историческом разворачивании. Если же исходить из того, что человек, поскольку он всегда пребывает в незавершенной истории, не может видеть целого истории, то есть не может иметь знания о будущем, то в этом случае, очевидно, его знание о настоящем всегда будет находиться на феноменальном уровне. Под исторической ситуацией современности мы и будем понимать феноменальное знание о настоящем (а не знание о настоящем, которое возникает из мнимого постижения целого истории). Оно будет охватывать состояние «умов» людей современности, важнейшие их мотивации, состояние хозяйства, правящие элиты и их способы управления, важнейшие социальные противоречия и конфликты, те вызовы, с которыми сталкиваются сообщества людей и человечество в целом, и ответы на эти вызовы, которые предлагаются и принимаются или не принимаются, расклад сил на международной арене и т. д. Это и будет историческая ситуация современности.

Историю можно представить как последовательный ряд сменяющихся исторических ситуаций. При этом к каждой исторической ситуации прошлого возможны два подхода. Один путь ведет из настоящего и предполагает оценку исторической ситуации прошлого исходя из представлений современности и на основе знания того, к чему эта ситуация привела в истории, во что она разрешилась. Другой путь предполагает выявление того, как историческая ситуация воспринималась в свое время ее современниками, какой они ее видели и как оценивали. Нет нужды пояснять, что между этими двумя восприятиями может быть коренное расхождение. Очевидно также, что в отношении исторической ситуации современности первый подход невозможен – она может оцениваться только своими современниками.

Определение современности как исторической ситуации предполагает ее привязку к конкретному событию или событиям, которые явились переломными, обозначив переход от одной исторической ситуации к другой. С чего следует начать отсчет нынешней современности? Думается, что точкой отсчета должны быть распад СССР и социалистического лагеря. Изменения, связанные с этими событиями, затронули не только страны бывшего социалистического лагеря, они привели к новой конфигурации в мире, что отмечают все аналитики. Возникла иная историческая ситуация по сравнению с той, которая существовала после Второй мировой войны.

Представление о современности как исторической ситуации, сложившейся в современном мире, делает, однако, проблематичным понятие модернизации. Это понятие предполагает, что какие-то страны, порядки современны, а какие-то — нет, и при ценностном подходе можно точно сказать, какие порядки современны, а какие — нет. Но если мы поймем современность как историческую ситуацию, сложившуюся в современном мире, то все страны, оказавшие существенное влияние на формирование и развитие этой ситуации, следует признать современными, независимо от их порядков. Действительно, считать, скажем, сегодняшний Китай с его производством и торговлей, темпами экономического роста и влиянием на мировые дела не современной страной можно только исходя из определен-

ных ценностей, которые не представлены или слабо выражены в жизни Китая. И Россия является современной страной, так как занимает значимое место в современной исторической ситуации, выступает крупным игроком в современной политической игре. И она играла бы более значимую роль и более уверенно, если бы располагала более мощным экономическим потенциалом. Понятие «модернизации» чрезвычайно расплывчато, под него можно подвести самые разные вещи, поэтому следовало бы меньше вызывать к модернизации, но выдвигать и решать конкретные задачи в области экономики, управления, образования и других областях жизни.

В настоящее время приходит осознание того, что заимствованные формы жизни на чужой культурной почве дают вовсе не те плоды, что на родной. Поэтому стали говорить о том, что модернизация не должна быть вестернизацией, что она должна учитывать особенности страны, в которой проводится, что «догоняющая модернизация» неэффективна (так как тот, кого пытаются догнать, не стоит на месте, а развивается), что есть не одна модернизация, а множество модернизаций, потому что в каждой стране она имеет свое направление... [6, 7]. Но какой смысл в таком случае вообще говорить о модернизации, а не просто о национальном развитии? Ведь «модернизация» по самому смыслу термина и смыслу концепции «модернизации» означает именно движение вдогонку, ориентацию на какой-то образец. А если нужно прокладывать свои пути развития, то это — просто развитие. Результатом подобного употребления понятия «модернизация» оказывается то, что модернизация превращается в синоним развития и даже истории.

Современная историческая ситуация сменится какой-то новой ситуацией. Когда совершится этот переход, мы не знаем, возможно, мы в него уже вступили. К чему он приведет, кому и чему принадлежит ближайшее будущее — этого мы тоже не знаем. Верно отмечает В.М. Межуев: «Ситуация неопределенности, рождаемая этим переходом, как бы уравнивает всех в сознании своей «несовременности», заставляет усомниться в превосходстве любой идентичности, кем бы она ни была представлена на сегодняшний день» [4]. Мысль о том, что исторический процесс характеризуется неопределенностью и возможны различные варианты развития, в наше время все более получает признание. И это еще один довод против того, чтобы копировать чужие формы жизни, которые уже, собственно, принадлежат прошлому, а искать свои пути в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алфёров А.А. История в свете философии. Ростов-н/Д, 2003. Гл. 2. § 6.
2. Генон Р. Кризис современного мира // Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. М., 2004.
3. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал // Сайт Института общественного проектирования (ИНОП). URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>.
4. Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Электр. журнал «Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 1. 2009 — Философия. Политология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev>.
5. Старостин Б.С. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М., 1995.

6. *Федотова В.Г.* Новые тенденции в понимании модернизации // Электр. журнал «Новые исследования Тувы». 2009. № 1–2. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/92-tendencies.html.
7. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008.
8. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ИСКУССТВА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Н.А. КРАВЦОВ

кандидат юридических наук, доцент,
Южный федеральный университет
e-mail: nikikrvtsv@yandex.ru

В статье идет речь о возможных формах реализации политической функции древнеегипетского искусства. Автор пытается разобраться в том, каким именно образом осуществлялось государственное регулирование искусства в Древнем Египте и что собой представляли регулятивные акты, упоминаемые в источниках.

Ключевые слова: Древний Египет, искусство, государство, политика.

The article deals with the possible forms of realization of ancient Egyptian art's political functions. The author tries to sort out exactly how state regulation of art in ancient Egypt and what the regulatory acts referred to in the sources.

Keywords: Ancient Egypt, art, government, politics.

Коды классификатора JEL: N01, Z11, Z12, Z13.

В настоящее время нам неизвестно ничего определенного о древнеегипетской литературе, посвященной вопросу политического значения искусства. Однако есть основания для того, чтобы предположить существование подобных источников. Широко известно указание Платона о якобы имевших место в Египте решениях об ограничении развития изобразительного искусства, в целях воспитания общественной нравственности и поддержания общественного порядка. Точных данных о таких запретах нет. Можно предположить, учитывая теократический характер египетского государства, что имел место чисто религиозный ограничитель. В таком случае Платон мог принять за результат официального запрета следствия обычного иконографического консерватизма, присущего большинству религий. Или же могли сказаться банальные следствия национального эстетического консерватизма. Однако если Платон говорит о фактах, действительно имевших место, то можно легко представить себе существование в Египте законодательных актов или инструкций, посвященных этому вопросу.

Подмеченный Платоном консерватизм древнеегипетского искусства неоднократно отмечали и многие современные исследователи. Так, М. Матье отмечает: «Пути развития египетского искусства были в значительной степени обусловлены его постоянной зависимостью от религии, что было связано с общим сравнительно медленным развитием египетской культуры. Известная застойность характера древнеегипетского рабовладельческого общества объясняется тем, что основа его хозяйства – земледелие – было построено на искусственном орошении, которое требовало сохранения общины» [2].

Она же указывает на существование строгих нормативов, касавшихся произведений изобразительного искусства: «Поскольку на протяжении всей истории

Древнего Египта памятники искусства в своем подавляющем большинстве имели также религиозно-культовое назначение, творцы этих памятников были обязаны следовать установившимся канонам, что мешало развитию творчества художников, хотя, конечно, не могло остановить это развитие целиком» [2].

Более того, выясняется, что эти нормативы не сводились только к передаче из поколения в поколения канонов искусства в устной форме. По всей видимости (и это частично подтверждает свидетельство Платона), упомянутые каноны письменно и, возможно, даже официально, закреплялись. «Необходимость следовать канонам вызвала создание письменных руководств для художников. Хотя они до нас и не дошли, но мы знаем о существовании до позднего времени рукописи «Предписаний для стенной живописи и канона пропорций», указанной в списке книг библиотеки храма в Эдфу, равно как и о наличии соответствующих руководств и для скульпторов» [2].

Существование подобных руководств подтверждается и другим источником. Защитная грамота Гермопольскому храму гласит: «чтобы создать статуи по образцам...» [1, с. 151]. Я. Лурье расшифровывает это как «по установленным традициям», но, строго говоря, такая трактовка для нас не обязательна, хотя бы в силу того, что она ничем не обосновывается.

Вместе с тем, на сегодняшний день у нас нет никакой информации, относительно того, кем именно были составлены эти предписания и руководства. Были ли это предписания чисто художественного порядка, созданные в среде деятелей искусства «для внутреннего пользования», то есть, не имеем ли мы дело с аналогом древнегреческого Канона Поликлета? Или, возможно, каноны содержали в своей основе предписания религиозной иконографии, будучи результатом творчества жреческого сословия? А, может быть, авторами этих канонов были государственные чиновники, которые были заинтересованы, прежде всего, в верном изображении фараона и в идеологической правильности искусства?

М. Матье, похоже, больше склоняется к третьему предположению. Она считает, что древнеегипетское изобразительное искусство было призвано с определенного момента «в первую очередь создавать памятники, прославляющие царей и знать рабовладельческой деспотии». Отсюда логически следует, что «такие произведения уже по самому своему назначению должны были выполняться по определенным правилам, что и способствовало образованию канонов, которые становятся тормозом в дальнейшем развитии египетского искусства» [2]. По мнению исследовательницы, политическое начало вообще играло чуть ли не определяющую роль в развитии египетских художественных форм. Если в Древнем царстве задачей искусства было исключительно прославление наличной политической власти, отличавшейся высокой степенью стабильности, то «искусство Среднего царства представляло собой сложное явление. В условиях отмеченной политической борьбы и фараоны и номархи, естественно, использовали также искусство. Еще первые фараоны-фиванцы, желая подчеркнуть законность обладания престолом, стремились подражать памятникам могучих владык Древнего царства» [2].

В самом деле, одной из политических функций древнеегипетского искусства было укрепление политического престижа власти и государства. «Цари XIX династии ставили своей целью укрепление твердой центральной власти внутри страны и ее международного престижа. Для успешного проведения этой политики фараоны считали необходимым наряду с мероприятиями, направленными на непосредственное улучшение экономики Египта и его военной мощи, придать возможно больший блеск и пышность столице, своему двору, храмам своих богов, что и нало-

жило своеобразный отпечаток в первую очередь на архитектуру периода. Главным объектом строительства был храм Амона в Карнаке, расширение которого имело двойное политическое значение: оно должно было показать торжество Амона и тем удовлетворить жречество, а в то же время и прославить мощь новой династии. В строительстве Карнака были заинтересованы и фараоны и жрецы» [2].

Соответственно этому, искусство отражало не только стабильные политические устои, но и глобальные реформы, которые порой имели место в древнеегипетской истории. Причем, похоже, в каждом подобном случае сама политическая власть была инициатором реформ искусства, которые должны были в духовном аспекте поддерживать реформы политические. Классическим и самым известным примером совпадения революции сверху в политике, религии, идеологии и искусстве является, конечно, реформа Эхнатона. «Эхнатон приказал и официальные надписи, и художественную литературу, и даже гимны новому богу писать разговорным языком, а не устаревшим книжным, которым пользовались до этого времени. Решительный перелом произошел и в искусстве, столь тесно связанном в Египте с религией. Уже памятники, созданные в начале правления Эхнатона, резко отличаются от всего предшествующего сознательным отказом от ряда канонических форм и традиционного идеализированного образа царя» [2].

При этом, конечно, нельзя не обратить внимания на то, что сама реформа Эхнатона дает нам серьезный повод усомниться в истинности платоновских сведений. Если фараоны вносили изменения в художественные каноны, или, по крайней мере, эти каноны сами изменялись в соответствии с духом политических преобразований, то о наличии эстетических норм, которые бы оставались совершенно неизменными в течение «десяти тысяч лет», как на том настаивает Платон, утверждать наивно.

Даже без учета радикальных преобразований, миф об абсолютной стабильности древнеегипетского искусства, запущенный в научный и околону научный оборот Платоном, как и современная тенденция к преувеличению уровня его «застойности», по меньшей мере, следует относить к преувеличениям. Нельзя считать, что между глобальными потрясениями оно совершенно не изменялось. Спокойные периоды бытия древнеегипетского искусства были периодами медленного, но все же неуклонного его развития. Применительно к архитектуре Египта Шуази подчеркивал: «От начала и до самого конца в этом зодчестве царит дух спокойной торжественности и сурового величия. При всем том, египетское искусство нельзя считать однообразным. Колонна фиванских династий не та, что в эпоху первых династий, колонна Птолемеев имеет свои особые черты. Процесс развития медлен, но непрерывен. У каждой эпохи свои формы, и искусство переживает стадии развития, расцвета и упадка» [3, с. 42].

Сложность, связанная с рассмотрением вопроса о формах воздействия государства на искусство в Древнем Египте, определяется не только тем, что мы толком не знаем, как и на каком уровне утверждались древнеегипетские художественные каноны, но и как именно они изменялись в ходе политических и религиозных реформ. Например, совершенно непонятно, каким именно путем проводил преобразования искусства тот же Эхнатон. Достаточно ли было для художников просто знать о предпочтениях нового владыки? Или действие мог возыметь его устный приказ? Или обязательный письменный приказ? Или по этому поводу непременно должен был быть принят новый закон? Поскольку памятники древнеегипетского законодательства на сегодняшний день для нас практически совершенно недоступны, поставленные вопросы остаются без ответа.

Сказанное выше приводит нас к следующим выводам:

1. Древнеегипетское искусство всегда носило на себе заметную политическую нагрузку. Одной из основных его функций было утверждение могущества государства и повышение престижа правящей верхушки.

2. Возможно, именно в связи с данной функцией в Египте существовали письменные официальные каноны, по крайней мере, изобразительного искусства. Вместе с тем, нельзя исключать того, что данные каноны носили религиозный или профессиональный дидактический характер.

3. Древнеегипетское искусство использовалось социальной верхушкой для идеологической поддержки политических и религиозных реформ. Фараон имел возможность (в неизвестной нам форме) вносить изменения в каноны искусства и иным образом влиять на его форму и содержание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лурье Я.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Ленинград, 1960.
2. Матье М.Э. Искусство Древнего Египта // <http://www.rodon.org/mme/ide.htm>.
3. Шуази О. История архитектуры. Т. I. М., 1935.

МЕЖДУ НОМИНАЛИЗМОМ И РЕАЛИЗМОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА

С.С. ЦЫГАНЕНКО

доктор юридических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: zeross@rambler.ru

Статья посвящена теоретическим проблемам методологии в области психолого-юридических исследований. В ней предпринята попытка концептуального анализа основ общей методологии, необходимой для исследований психологических проблем современного права, правосознания, правовой культуры и правовой психики.

Ключевые слова: право; юридическая психология; методология; теория согласия; конфликт; власть; личность; права и свободы; правовая культура.

The article is devoted to theoretical problems of methodology in area psychological researches. In it attempt of the conceptual analysis of bases of the common methodology necessary for researches of psychological problems of the modern right, sense of justice, legal culture and legal mentality is undertaken.

Keywords: the law; legal psychology; methodology; the theory of the consent; the conflict; authority; the person; rights and freedom; legal culture.

Коды классификатора JEL: K41.

На всех этапах исторического развития правопонимания имела место определенная взаимосвязь психологических элементов и их воплощение в концепциях о сущности права, его миссии, роли и функциях.

Однако, в отличие от процесса формирования концептуального содержания права, это не вызвало становления соответствующей задачам и функциям психологических исследований в сфере права методологии. По своему характеру, признакам и задачам данные методы носят в основном частный характер [2].

Представляется полезным применение здесь и общеправовых методов, которые могут располагать также значительным психологическим содержанием.

Понятийно-смысловым базисом для психолого-юридического исследования права первоначально выступила система общественно-политического и философского мировоззрения в отношении государства и права.

Поэтому с возникновением и признанием в обществе идей права и закона получили развитие соответствующие исторические взгляды и суждения, в которых отражены, прежде всего, связи и отношения человека к таким фундаментальным правовым явлениям как закон, правосудие, справедливость и ответственность.

В настоящий период одним из их проявлений будут известные как в зарубежной науке, так и в отечественной юриспруденции теории согласия и конфликта, которые следует понимать и как методологические формы разрешения (объяснения) проблем человеческого существования и жизнедеятельности в условиях государства и права.

Первая из них широко известна в современный период под названием общественного договора или теории согласия, по которой право является суммой норм, установленных общим согласием граждан и необходимых для поддержания в государстве правового порядка. Личность обладает свободой и автономно ей распоряжается. Границы свободы определяют правовые запреты. Само государство в лице своих представителей также подчинено действию правовых норм, как и любой гражданин (правовое государство) [7].

В случае нарушения гражданином какого-либо правового запрета государство должно в качестве одного из субъектов процесса (обвинителя) доказать перед независимым и подчиненным только праву судом наличие правонарушения и виновность гражданина (обвиняемого) для того, чтобы он был подвергнут судом законному и справедливому наказанию. При этом идея независимости суда от государства подкрепляется правовым институтом присяжных заседателей, которые решают вопрос о доказанности факта преступления и о виновности подсудимого [10, с. 813–824].

Здесь прослеживается определенный путь развития общественной мысли. Давно подмечено, что элементы системы правового регулирования и правоприменения имеют важную психологическую составляющую.

Уже древнегреческие философы проявление закона стали связывать с естественными (психологическими) законами поведения людей. Например, Демокрит полагал, что закон направлен, прежде всего, против тех, кто в силу нравственных и умственных пороков добровольно не побуждается к добродетели внутренним влечением.

Наиболее значительный вклад принадлежит представителям Афинской школы — Сократу, Платону и Аристотелю. Сократ первым из них обосновал необходимость совпадения справедливого, разумного и законного. На этих выводах Платон определил лежащие в основе развития общества психологические качества — потребности и способности людей. Так, закон должен отвечать потребностям общества, а организация общества должна быть осуществлена в соответствии со способностями людей. Вообще законами именуются определения разума. Именно на этих платоновские постулаты и опирается все последующее развитие естественных и рационалистических направлений в философии права.

В свою очередь Аристотелем право было подразделено на естественное и волеустановленное. Качество закона определяется его соответствием естественному праву. Закон, основанный только на насилии, не является правовым законом. Политическое правление — правление правового закона, а не людей; люди подвержены чувствам [9].

Важным этапом стало формирование системы римского права. В своих трудах Папиниан, Ульпиан, Павел, Модестин, Цельс и Гай совместно с другими юристами закладывали теоретические основы римского права, прежде всего, использование нравственно-психологической категории справедливости («юстиция» в

переводе означает «справедливость».), а также разделение права на публичное и частное. При этом частное право стало трактоваться как право, соотнесенное с пользой отдельных лиц [8].

Но период средневековья стал своеобразным препятствием на пути этого направления в силу религиозного, догматического толкования сущности права [1].

Позднейший период расцвета абсолютистских монархий стал торжеством юридического легизма — господства государственно-политических велений авторитарного типа. Наряду с правом сильного (кулачное право), юридические нормы трактовались, прежде всего, как разнообразные политические и социальные запреты, правила, устанавливающие превосходства и преимущества одного слоя людей в отношении другого.

Буржуазная эпоха вновь выдвинула в качестве главного критерия природу (право) человека и его важнейшие качества. Начиная с Гуго Гроция в истории упрочиваются идеи либерального общественного устройства [4].

Их последователи, прогрессивные мыслители и общественные деятели XVIII в., развивают главную мысль о том, что право — осознаваемая обществом мера социальной справедливости, социально допустимой и юридически обеспеченной свободы личности. Тем самым формировались фундаментальные психологические и мировоззренческие идеи современного права, идеи свободы и социальной справедливости, демократии и легитимности.

Теперь сущность общественной и личной свободы определяется в признанной и гарантированной человеку возможности любой жизнедеятельной активности, не приносящей вреда другому. Границы свободы лимитируются законом.

Новая правовая идеология явилась отражением и нового этапа в формировании психологии личности, раскрепощая ее творческий потенциал, активность, поощряла предприимчивость и инициативность [5].

Теперь преступными провозглашаются лишь предусмотренные законом деяния, а наказание должно быть неотвратимым и соразмерным преступлению (теория рационализма). Инквизиционная форма судопроизводства с господствующей теорией формальных доказательств, с бесправием личности и тайным произволом власти упразднялась. В противовес им провозглашались новые демократические принципы — гласность и презумпция невиновности, состязательность сторон, суд присяжных, оценка доказательств по внутреннему убеждению на основе чувства справедливости. Обвиняемый перестал быть объектом процесса и получил право на защиту. Были устранены приговоры об оставлении в подозрении и оправдательный приговор стал обязательным при недоказанной виновности [10, с. 573–615].

В силу этого стало признаваться то, что право есть не только исторически обусловленное социальное, но и социально-психологическое явление. Его содержание и функционирование определяются условиями экономической и духовной жизни общества. Право определяет меру свободы и социальной справедливости, меру допустимого поведения людей в данном обществе [4].

Но в настоящее время даже на своей исторической родине, Англии, суд присяжных более напоминает известную статую Свободы, чем главный инстру-

мент судопроизводства. С участием присяжных рассматривается лишь 4–5 % всех уголовных дел, и это количество будет еще сокращаться¹.

На Европейском континенте суд присяжных, по сути, превратился в особый порядок для отдельных категорий уголовных дел. Применяется он лишь в ряде стран в виде так называемой континентальной модели суда присяжных (это, как правило, сокращенный состав жюри). Несмотря на то, что масштабы действия законодательства о суде присяжных в России на основе УПК РФ 2001 г. наиболее значительны за все время его функционирования, ситуация во многом является общей. Количество рассматриваемых в год уголовных дел, от 500 до 600, более чем красноречиво ее подчеркивает.

В целом, ход событий показывает, что современный мир становится все более напряженным, непредсказуемым и потому опасным. И моделью согласия этот ход событий уже не представляется возможным правильно объяснить.

Разумеется, указанные процессы заметны и в области правовой жизни. Начиная со второй половины XX в. в ней наряду с процессами гуманизации и демократизации набирают силу технологии властно-принудительного воздействия.

Все это не может не приводить к мысли, что системы правовой защиты интересов личности приобретают по сути прагматический, и в то же время более номиналистский, чем реальный характер. Исходным для многих из них будет то, что в обществе закон и правопорядок формирует борьба за власть. Поэтому модели консенсуса скорее идеальны, чем реальны. По этой причине все большую популярность приобретает альтернативный подход, опирающийся на идеи модели конфликтов [6].

Для всех них характерны три общих постулата: (1) относительность определений преступности и правонарушений; (2) ведущая роль контроля над крупными общественными институтами для поддержания интересов; (3) определение закона (законодательства и правопорядка) как инструмента принудительного воздействия.

Теория конфликта утверждает, что ни одно действие или человек не являются внутренне моральными или аморальными, преступными или законопослушными. Считается, что если действие или человек признаются преступными, тому есть какая-то скрытая причина, поскольку подобное определение служит чьим-то интересам внутри общества. Когда эти определения связаны с интересами, то, соответственно, изменение интересов должно неминуемо приводить и к смене определений. Таким образом, каждое определение действия как аморального, девиантного или преступного должно рассматриваться как относительное и всегда может подвергнуться переоценке.

Сторонники теории конфликта утверждают, что в обществе потенциально могут быть использованы три способа поддержания и защиты интересов: сила, компромисс и доминирование общественных институтов. В настоящее время признается в качестве наиболее эффективного механизма обретения или удержания власти использование и доминирование таких общественных институтов, как закон, религия, образование, правительство, экономика и наука. Контроль над общественными институтами означает осуществление контроля над мировоззрением широких слоев общества, и, особенно, в отношении всего, что затрагивает интересы властных групп, а также самой власти. Контроль над институтами права позволяет властным

¹ Вопросы предварительного слушания по делам, подсудным суду присяжных рассматриваются также в статье [10].

группам создать правовую поддержку собственных интересов путем объявления незаконными того поведения и тех убеждений, которые по своим целям и последствиям несут им угрозу.

Закон как инструмент власти

Сторонники теории согласия рассматривают закон как общественный институт, выражающий общие социальные ценности и контролируемый большинством. Приверженцы теории конфликта, напротив, придерживаются мнения, что закон является инструментом контроля или, как они еще говорят, «оружием социального конфликта». Тот, кто устанавливает закон, обладает властью. Люди, устанавливающие закон, борются за его незыблемость. Тот, кто желает контролировать закон, борется за него. Важно, с этой точки зрения, то, что закон не только направлен на устранение конфликтов, он сам стимулирует возникновение новых разногласий в силу того, что является ресурсом, который выигрывают одни и теряют другие.

Если закон это инструмент, которым заинтересованные лица стремятся обладать и который хотят использовать для усиления собственного положения в обществе, а уголовное право запрещает определенные действия, то преступность сторонниками теории конфликта определяется как действия, воспринимаемые находящимися у власти людьми в виде прямой или косвенной угрозы их интересам.

Сторонники теории конфликта отмечают, что современное определение преступного гораздо меньше связано с общепринятыми представлениями о том, что хорошо, а что плохо, и гораздо сильнее зависит от того, что воспринимается как угроза людьми, обладающими достаточной властью, чтобы законодательно защитить свои интересы.

Сторонники плюралистических теорий конфликта утверждают, что правовой процесс контролирует не одна, а несколько общественных групп с различными конфликтующими интересами. Влияя на принятие решения по какому-то юридическому вопросу, каждая из этих сил стремится добиться чего-то своего. Причиной конфликта становятся не только экономические интересы, но и статусные соображения, моральные и идеологические установки. Ведущая роль в формировании общественных конфликтов принадлежит общественным группам с различными интересами.

Плюралисты рассматривают общество как социальное образование, состоящее из групп, осознающих собственные интересы, и групп, их не осознающих. Первые в разной степени организованы для того, чтобы поддерживать свои интересы; вторые — нет. Организованные группы различаются по своей влиятельности, и, тем не менее, ни одна из них не пользуется полной свободой для продвижения своих интересов. Властные взаимоотношения и, соответственно, иерархия заинтересованных групп в системе частных отношений постоянно изменяются, поскольку изменяется степень осведомленности групп о собственных интересах и их организационные возможности. Традиционные властные структуры постоянно подвергаются угрозе со стороны новых организаций, образованных группами, осознавшими свои интересы. Все заинтересованные группы нуждаются в поддержке других властных групп, расположенных выше и ниже их в иерархии власти. Более того, ни одна организация не может допу-

ститъ возникновения прямой оппозиции со стороны неорганизованных групп. Неспособность умиротворения последних может привести к их постоянной неудовлетворенности. Это, в свою очередь, провоцирует осознание собственных интересов и, как следствие, возникновение угрозы существующему положению.

Однако картины процесса конфликта полностью не понять без следующей характерной черты. Как утверждают многие плюралисты, среди заинтересованных групп существуют группы (или организации), являющиеся частью государства. Законодатели при обсуждении законопроекта преследуют так называемые карьерные интересы. Принятие законов для проведения их в жизнь требует также создания органов охраны правопорядка (судов, прокуратуры, полиции и т. д.). Будучи сформированными, органы правопорядка сами становятся заинтересованными группами. Попытки других групп исключить находящуюся под их контролем деятельность из числа уголовно-наказуемых деяний ставит существование органов правопорядка под угрозу. Попытки правоохранительных органов расширить сферу своего влияния и спектр процессуальных сил, необходимых для выполнения своих функций, напротив, укрепляют их позиции.

Сегодня очевидно, что для юридической психологии как значимого направления изучения права необходима не только частная, но и общая методология. На какой основе она будет создана — как видно из предыдущего изложения, достаточно сложный вопрос.

Представляется, тем не менее, что без учета наиболее важных элементов формирования оценки и роли факторов исследования психологических закономерностей в области права и юридической деятельности будет невозможно раскрыть подлинную природу генезиса правосознания, правовой психики, правовой культуры в современном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994.
2. Васильев В. Л. Юридическая психология: Учебник для вузов. 6-е изд. СПб.: Питер, 2010. С. 34–40.
3. Гегель. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 80.
4. Гроций Гуго. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994.
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Теория государства и права: Хрестоматия в 2 т.: Т. 2. Право. М.: ОАО Издательский дом «Городец», 2004. С. 619.
6. Криминология / Под ред. Дж. Ф. Шели / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. С. 83.
7. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Отв. ред. М. Н. Марченко. Т. 1. Теория государства. М.: Зерцало, 1998. С. 364–383.
8. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997.
9. Романенко В. Б., Серегин А. В. Историческая панорама политических и правовых учений: учебник. Ростов-н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. С. 60–85.

10. *Цыганенко С.С.* Назначение судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве: вопросы теории и законодательства // Terra Eсonomіcus. Т. 8. № 1. 2010. С. 87–96.
11. *Чельцов М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Альфа, Равенна, 1995.

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО КАК ВЫСШАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ СТАДИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ. ХРИСТИАНСКИЙ ТИП КУЛЬТУРЫ¹

Р.М. НУРЕЕВ

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
e-mail: nureev@hse.ru

В очередной главе учебника «Экономическая компаративистика» анализируется феодальное общество как высшая и последняя стадия традиционной экономики. Раскрыты предпосылки, содержание и формы генезиса феодализма, общинный характер феодальных корпораций, сословная структура общества. Исследуется монополия господствующего класса на землю и личность непосредственного производителя, формы и виды феодальной ренты, показано значение и ограниченность цехового строя, особенности развития купеческого и ростовщического капитала в Средние века. Большое внимание уделено характеристике ментальности эпохи феодализма, средневековых представлений о богатстве и труде, христианскому типу культуры.

Ключевые слова: Феодальная экономика. Содержание и формы генезиса феодализма. Германская община. Сословия феодального общества. Формы и виды феодальной ренты. Средневековый город. Цеховой строй. Купеческий и ростовщический капитал. Ментальность эпохи феодализма. Право и обычай. Свобода и несвобода. Схоластика. Христианский тип культуры.

In the next chapter of the textbook «Comparative Economics» is analyzed as a feudal society the highest and last stage of the traditional economy. Uncovered background, contents and origins of feudalism. communal character of the feudal corporations, social class structure of society. We investigate the monopoly of the ruling class on the ground and the identity of the direct producer, forms and types of feudal rent, shows the value and limitations of the guild system, particularly the development of merchant's and usurer's capital in the Middle Ages. Much attention is paid to the characterization of the mentality of the era of feudalism, medieval notions of wealth and labor, the type of Christian culture.

Keywords: The feudal economy. The content and form of the genesis of feudalism. The German community. Estates of feudal society. Forms and types of feudal rent. The medieval city. Guild system. Merchant and usury capital. Economic mentality feudalism. The law and customs. Freedom and unfreedom. Scholasticism. Christian type of culture.

Коды классификатора JEL: В 11, N01, Z13.

Глава 8

Возникший в XVII в. термин «феодализм» (нем. *Feudalismus*, франц. *feodalite*, от позднелат. *feodum*, *feudum* — фео́д) стал широко применяться в европейской науке с начала XVIII в. Однако ученые XVIII–XIX вв. видели сущность фео-

¹ Продолжаем публикацию глав учебника Р.М. Нуреева «Экономическая компаративистика». См. начало: TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 1–4. Т. 9. № 1–2.

дализма в особенностях его политической структуры и правовых отношений (феодалная иерархия, политическая раздробленность, соединение земельной собственности с верховной властью и т. п.). Лишь позднее ученые раскрыли социально-экономическую природу того строя, который развивался в средневековой Западной Европе. Исследуя докапиталистические формы производства, они пришли к выводу, что феодализм — это закономерный этап в прогрессивном развитии человеческого общества, находящийся между античностью и капитализмом.

К числу основных признаков феодализма обычно относят следующие:

- 1) господство натурального хозяйства.
- 2) сочетание крупного феодального землевладения и мелкого крестьянского землепользования.
- 3) личную зависимость крестьян от феодала, внеэкономическое принуждение крестьян к прибавочному труду;
- 4) рутинное состояние техники².

Феодализм обусловил специфические черты социально-экономического и политического строя, а также общественного сознания феодального общества: его сословный характер, иерархическую структуру господствующего класса, широкое развитие отношений корпоративного типа (соседские общины, городские коммуны, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские и рыцарские ордена и т. п.); политическая власть находилась в руках земельных собственников (светских и церковных феодалов); огромную роль играла традиция; господствовало религиозное мировоззрение: церковь выступала в качестве наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Таким образом, **феодализм** — это *экономический строй, основанный на условной частной (феодальной) форме собственности на землю и эксплуатации лично и поземельно зависимых от господствующего класса (феодалов) непосредственных производителей*. Во всемирно-историческом развитии человечества феодализм представляет собой экономическую систему, следующую за рабовладельческим строем и предшествующую капитализму. Впрочем, многие народы Европы и Азии (германцы, славяне, кельты, арабы и др.), некоторые средневековые государства тропической Африки (Нубия, Эфиопия и др.) миновали рабовладельческий способ производства, перейдя от первобытно-общинного строя непосредственно к феодализму. Феодальный способ производства охватывает в Западной Европе период от падения Западной Римской империи (V в.) до буржуазных революций XVI–XVIII вв.

Что касается развития феодализма за пределами западноевропейской цивилизации, то этот вопрос в современной науке остается дискуссионным. Одни отечественные и зарубежные ученые считают, что феодализм пришел на Востоке на смену азиатскому способу производства, причем многие черты азиатского способа производства сохранялись и в Средние века. По их мнению, можно говорить о «восточном феодализме», но следует подчеркивать многие его качественные отличия от «нормального», западноевропейского феодализма. Другие ученые полагают, что большинство неевропейских средневековых государств нельзя считать феодальными, поскольку вплоть до прихода европейцев в раннеклассовых государствах Востока преоблада-

² См., например: Нуреев Р. М. Феодализм // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 4. М.: 1980. С. 270.

ла экономическая система азиатского способа производства, основанная на власти-собственности.

8.1. Генезис феодализма

Предпосылки генезиса феодализма

Предпосылки феодализма в Европе возникли на почве взаимодействия двух процессов — распада античного общества и разложения первобытнообщинного строя окружавших Римскую империю племен (германцев, кельтов, славян и др.).

В рабовладельческом обществе Западной Римской империи, Византии в IV–V вв. н.э. обостряется противоречие между складывающимся феодальным укладом и рабовладельческой системой, тормозившей развитие производительных сил. Центр хозяйственной жизни перемещается из города в деревню, развивается крупное землевладение и колонат. С натурализацией экономики укрепляется власть местной знати. Социально-экономическое положение колонов с течением времени ухудшается: усиливается эксплуатация их рабовладельческим государством, понижается их юридический статус. Колоны были законодательно прикреплены к земле, лишены свободы передвижения, права службы в армии и т. д. Усиление эксплуатации способствовало обострению классовой борьбы, в которой главную роль в IV–V вв. играли уже не рабы, а крестьяне римских провинций (движение агонистиков, восстание багаудов и др.).

Рост производительных сил и влияние рабовладельческого строя приводят к тому, что у большинства германских, кельтских и славянских племен складываются элементы «протофеодального» уклада. На смену кровнородственной общине приходит земледельческая, в которой большую роль играет частный, парцеллярный труд и частное присвоение его плодов. В земледельческой общине усиливается имущественное неравенство, возникает патриархальное рабство, выделяется слой родовой знати. Углубление социального неравенства, стремление к умножению богатства, захвату военной добычи и земель, давление со стороны вторгшихся в Европу кочевых азиатских народов способствовали проникновению германских племен на территорию Западной Римской империи, а славянских племен — на территорию Восточной Римской империи.

После падения Западной Римской империи (конец V в.) на ее территории образуются так называемые варварские королевства, в которых осуществляется синтез «протофеодального» уклада позднеантичного общества и дофеодальных элементов разлагающегося первобытнообщинного строя племен, захвативших Римскую империю.

В зависимости от соотношения элементов «протофеодального» уклада позднеантичного общества и феодальных элементов варварского общества отечественные историки различают три основных типа феодального синтеза:

- 1) с преобладанием элементов античного наследия (страны Южной Европы, Византия и др.);
- 2) с преобладанием феодальных элементов разлагающегося первобытнообщинного строя и относительно слабым влиянием античности (отдельные области Германии, Британия, Скандинавия, государства западных и восточных славян и др.);

3) на базе так называемого уравнивающего синтеза тех и других элементов (у франков, части южных славян — сербов, хорватов и др.).

Аграрный переворот — становление феодальных отношений

Процесс феодализации — это становление феодальных отношений, т.е., с одной стороны, превращение свободных мелких производителей материальных благ в феодально-зависимых крестьян, с другой — формирование крупного феодального землевладения и класса феодалов, а также оформление соответствующих новому социально-экономическому строю политических, правовых, религиозных отношений и учреждений. Классические формы процесс феодализации принял в условиях «уравнивающего» синтеза в государстве франков (V–X вв.).

В ходе переселения на территорию Западной Римской империи у франков ускорился переход от земледельческой общины к соседской общине-марке, в которой выделяются малые семьи, укрепляется их собственность на пахотную землю, прекращаются переделы пахотных полей и лугов, хотя еще сохраняется совместное владение общинными угодьями (лесами, пастбищами). Возникает **аллод** — свободно отчуждаемая земельная собственность отдельных семей.

Появление аллода ускорило темпы имущественного расслоения общинников, активизации которого способствовали увеличение поборов государственной власти, притеснения разбогатевших крупных землевладельцев и т. п. Все это вынуждало свободных крестьян отказываться от личной независимости и искать покровительства крупных землевладельцев. **Личная зависимость (серв-важ) выражалась в выполнении определенных феодальных повинностей и лишении прав свободного человека.** Серв должен был платить поголовный налог, а при передаче своего надела по наследству — особый взнос, он не имел права вступать в брак со свободным человеком. Кроме того, сеньор мог по своему усмотрению потребовать уплаты дополнительного налога (т. н. произвольная талья).

Феодально-зависимое крестьянство формировалось также путем установления **поземельной зависимости — практики передачи земли в прекарий.** Крестьянин, теряя право собственности на свою землю, мог получить ее в пользование при условии уплаты в пользу ее нового собственника ренты продуктами (натурального оброка) или выполнения отработочной ренты (барщины). Оба пути формирования феодально-зависимого крестьянства переплетались: личная зависимость нередко дополнялась поземельной, поземельная — личной.

Таким образом, основой аграрного переворота, произошедшего во Франкском королевстве в VIII–IX вв., была **апроприация крестьянства, т.е. подчинение мелких земледельцев вместе с их наделами власти крупных земельных собственников.**

«Человек человека»

Другой составной частью аграрного переворота было формирование феодальной иерархической структуры и крупной земельной собственности господствующего класса.

Складывается **система лично-договорных связей внутри класса феодалов — отношения вассалитета**. Склонившись на колени и вкладывая сложенные в ладони руки в руки другого человека и произнося короткую клятву верности, человек брал на себя обязательства служить своему господину, а последний обещал покровительство первому. Вассал³ становился «человеком другого человека», лично преданным ему, лично зависимым от него. Этот акт назывался оммажем — «превращением в человека» (от «*homage*» — от французского — *homme*, лат. *homo* — человек). Такие связи имели в феодальном обществе универсальный характер, охватывая его сверху донизу.

Обещание было делом заурядным. В обществе, подверженном постоянным катаклизмам, недоверие было нормой, точно так же, как и обращение к небесным силам как к единственной инстанции, способной хоть как-то удержать от измены, поэтому клятву верности требовали по самым разным поводам и очень часто. Чиновники короля или сеньора приносили ее, поступая на службу. Прелаты частенько требовали ее от своих клириков, сеньоры-землевладельцы — от своих крестьян⁴.

В действительности, почти каждый рыцарь одновременно представлял собой сеньора и вассала и «учился быть столь же щедрым, как лучший из сеньоров, и столь же преданным, как лучший из вассалов»⁵. Однако эти связи отличались от рабства. Свои занятия рабы не выбирали и их зависимость переходила по наследству. Вассал же был прежде всего военным и именно в этом качестве должен был служить сеньору. К тому же вассальная связь прерывалась со смертью сеньора или вассала.

Раздача захваченных земель франкскими королями сначала в качестве **пожизненных земельных владений (бенефициев) вассалам, предоставляемых им при условии несения службы (главным образом военной)**, заложила основы крупного феодального землевладения. Однако с течением времени **пожизненные земельные владения превращаются в наследственные (феоды⁶)**. В условиях политической раздробленности IX–XI вв. иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали феодалам власть над зависимыми людьми.

Рост крупного землевладения сопровождался усилением политической власти феодалов, получавших от короля **иммунитетные права на подвластную им территорию — права сбора налогов, судебной власти, организации воен, ополчения и т. д.**

Медленнее, чем в условиях «уравновешивающего» синтеза, развивался процесс феодализации в странах, для экономики которых было характерно преобладание позднеантичных начал. В Византии, например, этот процесс протекал в условиях сохранения развитого рабовладельческого уклада и сильного централизованного государства. Следствием этого было широкое распространение различных форм государственной эксплуатации в ущерб сеньориальной, что препятствовало становлению феодальной вотчины и феодальной иерархии.

³ «Смысл слова “вассал” в момент его перехода в вульгарную латынь был гораздо более прост: мальчик. Это значение на протяжении Средних веков дало еще одно уменьшительное “valet”, которое стало означать слугу, по той же лингвистической логике, что и в латыни...» Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С. 153.

⁴ Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С. 144–145.

⁵ Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество 980–1420 годов. М.: Ладомир. 2002. С. 71.

⁶ «В других языках, которые заимствовали из французского слово “феод”, оно долго сохраняло смысл “вознаграждения”, даже вне связи с землей; так в Италии в XIII веке денежное содержание судей или городских чиновников называлось *fitto*, а в Англии до сих пор гонорары врачей и адвокатов носят название *fee*». Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С. 164–165.

Замедленный процесс феодализации характерен и для тех стран, в которых генезис феодализма происходил на базе разлагающегося первобытнообщинного строя и влияние античности было относительно слабым или косвенным (через другие страны). Отсутствие крупного землевладения римского происхождения, остатков государственности и классического права, слабое развитие частной собственности и товарно-денежных отношений замедляли темпы становления феодальной вотчины, препятствовали развитию вассально-ленной системы, способствовали сохранению элементов догосударственных форм правления. В Англии, скандинавских государствах, у восточных и западных славян сохранение крепкой общины и значительных пережитков родового строя, упорное сопротивление крестьянства препятствовали полному закрепощению непосредственных производителей. Даже в XI в. (в Англии) и в XIII в. (в скандинавских странах) существовали большие группы свободных крестьян. Закрепощение крестьян в России завершилось лишь в середине XVII в.

8.2. Формы личной зависимости при феодализме

В докапиталистических же обществах именно многообразные формы личной зависимости определяли существование человека.

Родственные связи и феодальный строй

Рост личного покровительства и подчинения совпал с укреплением уз родства и родовой солидарности. В условиях значительного ослабления государственной власти, каждый человек был заинтересован в группе людей, на которых он мог опереться в трудную минуту. В средневековом обществе индивид и группа составляли неразрывное целое. Если в древнем Риме счет строго шел по отцовской линии, то в Средние века в Западной Европе сохранялась двойная система родства. Имена давались как по отцовской, так и по материнской линии. С укреплением социальной структуры общества роль родовой солидарности идет на убыль. Широкие родовые связи, типичные для раннего Средневековья, постепенно размываются и уступают место семейным группам. Именно в этот период (начиная с XII в.) появляются прозвища и фамилии. Развитие купечества и городского строя закрепляет эту тенденцию, а с течением времени делает достоянием всего общества.

Германская община (марка)

Община помогала преодолеть чувство неуверенности, которое постоянно влияло на умы и души людей, определяя их поведение в эпоху Средневековья. Неуверенность носила универсальный характер. Зависимый от капризов природы, крестьянин опасался голода и недорода, вызванного засухой, наводнением или военными стычками враждующих феодалов. К этому добавлялось бессилие государственной власти, не способной прийти на помощь в экстраординарных условиях. Неуверенность в материальной сфере дополнялась неуверенностью в духовной. Средневековый мир был полон страха и тревоги, связанной с ожиданием конца света, и человек боялся всего и прежде всего собственной немощи. В этих условиях роль коллектива объективно возрастает.

Германская община (марка) — является такой формой организации непосредственных производителей («сообществом жителей»), которая, опираясь на традиции и обычаи, способствовала уменьшению неопределенности и произвола. Она разделена на малые семьи, владеющие отчуждаемым участком — аллодом. Здесь для совместной работы остаются лишь второстепенные, производственные функции, здесь уже не община, а отдельный дом является самодовлеющим «экономическим целым». Функционирование общины-марки находит внешнее выражение прежде всего в форме сельских сходов членов общины. Существует здесь и *ager publicus* — общинная земля, — но она служит исключительно для удовлетворения второстепенных производственных потребностей (пастбищные выгоны, общинный лес для рубки и т. д.) и уже не выступает как особая форма экономического бытия государства, как это было в античном мире. Таким образом, частное начало в германской общине является абсолютно доминирующим. В основе классификации видов соседской общины лежит противоречие между общиной и отдельной семьей, складывающееся в связи с присвоением земли землепользователем. Именно различия в характере труда члена общины — степень его общественности, особенности сочетания коллективно-общинного и частного труда — определяют специфическую форму общины, являются видовым различием в нашей классификации.

В первобытной общине непосредственно-общественный (в рамках общины!) труд наблюдается в двух основных формах: коллективного, совместного труда и индивидуального труда, выполняемого отдельными индивидами на благо общины изолированно друг от друга. В сельской земледельческой (азиатской) общине существует примат коллективного, общеобщинного труда над частным, а в городской земледельческой (античной) общине мы видим уже их единство.

Германская община (марка) знаменует полную победу частного труда над коллективным. Это позволяет сделать вывод, что последовательность, в которой мы расположили различные формы общины, отнюдь не случайна. Мы рассматриваем их не с точки зрения территориально-этнических особенностей, а в той мере, в какой они составляют прогрессивные ступени развития человечества, в той мере, в какой они преодолевают первобытную общность и развивают частный труд и частную собственность. Поэтому азиатская община с ее господством коллективного начала характеризует низшую, античная — среднюю, а германская община — высшую ступень развития соседской общины.

Рассмотренные формы личной зависимости являются прогрессивными этапами развития человеческого общества, так как знаменуют постепенное освобождение человека от первоначальной общинной обусловленности, а общины — от естественно возникшей общности, первобытного коллективизма.

Община была основной формой организации непосредственных производителей в докапиталистических формациях. По такому же принципу были организованы корпорации ремесленников и гильдии купцов. В них, как в капле воды, отражались порядки, господствующие в крестьянских общинах. Наиболее устойчивыми были корпорации ремесленников на Востоке, для которых было типично нерасчлененное единство промышленности и земледелия, города и деревни.

В античном мире создаются большие предпосылки для развития ремесла и торговли, укрепляется частная собственность ремесленников и их корпораций. Но промышленность и торговля (за исключением художественного ремесла) рас-

сматривались в Древней Греции и Риме как пагубные занятия, недостойные свободных граждан.

Рост индивидуализации производства и укрепление частной собственности в общине-марке отразились и на организации средневекового ремесла. Общинные традиции особенно ярко проявляются в мелочной внутрицеховой регламентации, ограничивающей конкуренцию между мастерами цеха.

Характеристика видов общины имеет и другой аспект. Долгое время не только политическая экономия и философия, но даже историческая наука исходила из неизменности индивидов. Человек рассматривался как равный самому себе во всех формациях и на всех ступенях развития, т.е. с высоты современного исследователя общества. Лишь в последнее время стали появляться серьезные попытки преодолеть подобный односторонний подход. Тем важнее подчеркнуть, что характеристика непосредственного производителя, как включенного в ту или иную форму общины, была первой ступенью в этом направлении.

Социальные противоречия в докапиталистических формациях складывались в недрах родовой организации, пробивали себе дорогу, разрушая различные формы первобытной и полупервобытной общности людей. Общинная организация становится не только носителем традиций коллективизма и взаимопомощи, но и инструментом отношений эксплуатации. Эти отношения давят на общину извне, превращая ее в связанную круговой порукой фискальную ячейку, а также прорастают изнутри, проявляясь в неравноправии семейств, различии сословий, антагонизме классов.

Развитие общественного разделения труда было той объективной предпосылкой, которая способствовала формированию новых форм социально-экономической общности людей. Разным ступеням развития общественного труда соответствуют разные уровни развития социального антагонизма.

Сословия феодального общества

Феодальное общество носило сословный характер. Это значит, что здесь наряду с классическими признаками классов фигурирует еще юридический статус, существуют **классы-сословия**, изначально юридически неравноправные. Только при капитализме, где все граждане формально имеют одинаковые юридические права, складываются бессословные классы.

Постепенно в феодальном обществе оформляются четыре класса-сословия:

- крестьян,
- светских феодалов-рыцарей,
- церковных феодалов-священнослужителей и
- горожан-бюргеров.

Каждое из этих сословий выработало свою культуру, свою идеологию, имело свои ментальные ценности. Однако прежде всего отметим общие черты, типичные для феодального мировоззрения в целом.

Человек был подавлен в борьбе с природой, производительность его труда была результатом не только его личных усилий, но и естественных производительных сил, его деятельность зависела от биологических циклов природы. Не будучи в силах объяснить природные процессы, человек средневекового общества постоянно боялся разорительных стихийных бедствий: неурожая, наводнения, засухи и т. д., наивно верил в сверхъестественное и пытался отгородиться

от него строгим соблюдением обрядов, различного рода ритуалов, заклинаний и молитв. Он опасался нововведений и ориентировался на старину, апеллировал к традиционным нормам морали и права. И при этом был сравнительно молодым (средняя продолжительность жизни в эпоху Средневековья была относительно невысока).

Гарантией от последствий стихийных бедствий и непредвиденных обстоятельств была принадлежность к какой-либо общине, коллективу, с интересами которого средневековый человек соотносил свою деятельность, поступки, мысли. В этом проявлялась всеобщая личная зависимость, которая распространялась на отношения не только между антагонистическими классами, но и внутри их. «...Мы находим здесь людей,— писал К. Маркс, характеризуя «мрачное европейское средневековье»,— которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни»⁷. Вертикальные связи иерархического типа в этом обществе дополнялись горизонтальными связями, представленными различного рода корпорациями, такими как соседские общины, городские коммуны, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские братства, рыцарские ордены.

Сословные отношения воспроизводили в сильно трансформированном виде естественно возникшие отношения, общинные традиции взаимопомощи. Каждая корпорация препятствовала чрезмерной дифференциации ее членов. Это не означало невозможность улучшения благосостояния отдельными лицами. Но для этого необходимо было, прежде всего, понять положение сословия в целом, добиться, чтобы оно заняло более высокое место в сложившейся иерархии. Дворянин заботился о чести и славе дворянства, цеховой мастер стремился повысить статус цеха, купец — укрепить монопольное положение гильдии, городской патрициат добивался различных привилегий для городской коммуны и т. д.

В этих условиях соотношение цен между городскими ремесленными и деревенскими сельскохозяйственными товарами отражало столкновение интересов различных сословий. Поэтому стала актуальной разработка учения о «справедливой цене», т.е. такой цене, которая, по мнению средневековых исследователей (Фома Аквинский и др.), не только бы возмещала издержки производства и обращения, но и обеспечивала соответствующее каждому сословию существование. Вообще для социальной борьбы в феодальном обществе типичен сословный характер: каждое сословие борется за свои права, т.е. выступает против сословных ограничений, за сословные привилегии.

8.3. Классический феодализм: единство собственности и труда

Монополия господствующего класса на землю и личность непосредственного производителя

В зависимости от объекта монополизации можно выделить три основные формы внеэкономического принуждения к труду, характерные для докапиталистических формаций. Оно было основано:

1) на праве собственности на землю (как в условиях азиатского способа производства),

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 87.

2) на праве собственности на личность непосредственного производителя (как при античном способе производства),

3) на праве собственности на личность и землю одновременно (как в период феодализма).

Первая форма собственности лежит в основе **докапиталистической аренды**, широко распространенной на древнем и средневековом Востоке, на второй форме собственности базируется **рабство**, получившее широкое развитие в древней Греции и Риме, на третьей — **крепостничество**, характерное для средневековой Европы.

На первый взгляд, третья форма внеэкономического принуждения представляется самой тяжелой, наиболее сковывающей самостоятельность непосредственного производителя, его стимулы к труду: ведь собственность господствующего класса на землю дополняется собственностью на личность трудящегося индивида. Но дело обстоит как раз наоборот. И вот почему.

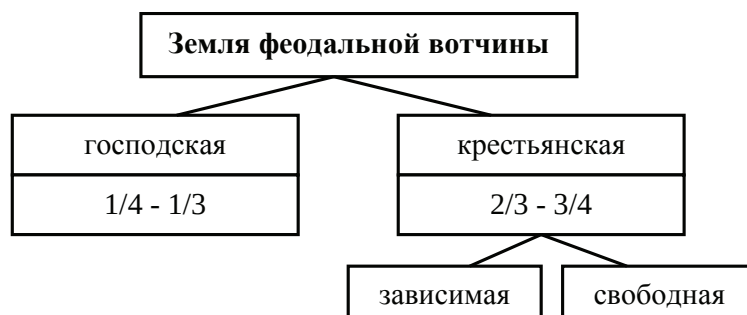

Рис. 8-1. Структура пахотной земли феодальной вотчины в условиях барщинной системы в Западной Европе

В эпоху феодализма, для которой наиболее характерна эта форма внеэкономического принуждения, уровень развития производительных сил выше, чем в предшествующих способах производства. Непосредственный производитель — крепостной крестьянин — в состоянии уже независимо от общины прокормить себя и свою семью на своем земельном наделе (см. рис. 8-1). К тому же характер земледельческого процесса не требует совместной деятельности по созданию необходимого поля труда.

Если на Востоке, особенно в засушливых районах, основу внеэкономического принуждения к труду составляет монополия господствующего класса даже не на землю, а на воду, ибо без последней земля не имеет самостоятельной ценности и не способна прокормить земледельца, то в Европе именно увеличение хозяйственной самостоятельности непосредственного производителя при относительном избытке пригодной для обработки земли и толкает феодала на установление дополнительной монополии — собственности на личность непосредственного производителя. Действительно, если бы феодал не имел прямой и непосредственной власти над личностью зависимого крестьянина, то он не был бы в состоянии заставить работать на себя человека, ведущего свое самостоятельное хозяйство. Именно неполное отделение производителя от средств производства требовало внеэкономического принуждения.

Отличие феодальной эксплуатации от эксплуатации капиталистической ярче заметно, если рассмотреть те экономические функции, которые призван обеспе-

чить земельный надел. Он играет двоякую роль. Для непосредственного производителя он служит средством для производства необходимого и даже (в период ренты продуктами или денежной ренты) прибавочного продукта. Для земельного собственника надел служит средством присвоения прибавочного труда (барщина) или продукта (оброк).

Земельный надел, таким образом, является той сферой, где крестьянин осуществляет воспроизводство потребленных в процессе труда средств производства, где он создает необходимый и даже прибавочный продукт.

Поэтому необходимый продукт феодально-зависимого крестьянина включал средства, обеспечивавшие воспроизводство, во-первых, самого работника, во-вторых, его семьи и, наконец, в-третьих, его личного хозяйства.

Поскольку в реальном процессе труда непосредственные производители (мелкие крестьяне и независимые ремесленники) были соединены со средствами производства, они, несмотря на эксплуатацию, сохраняли элементы собственности на условия существования. Даже крепостные были собственниками своих небольших наделов и совладельцами общинных земель.

Хозяйство непосредственного производителя самостоятельно воспроизводится и в реальном процессе труда не зависит от эксплуататора, его контроля, управления и т.п. Наоборот, эксплуататор зависит от труда эксплуатируемого. Действительно, процесс труда, воспроизводство его условий остается за пределами отношений зависимости. Они не воспроизводятся сами собой, тогда как в условиях капитализма воспроизводство средств производства и рабочей силы означает и воспроизводство отношений эксплуатации. В условиях феодализма это два разных процесса. Крестьянин сам воспроизводит необходимый, а при оброке и прибавочный продукт; для воспроизводства отношений зависимости нужны какие-то дополнительные, внеэкономические меры. Это особенно наглядно видно из анализа форм феодальной ренты.

Основные формы и виды феодальной ренты

Экономическая сущность феодализма — *производство феодальной ренты путем внеэкономического принуждения к труду лично и поземельно зависимых от феодала крестьян. Феодальная рента существовала в виде отработочной ренты, ренты продуктами и денежной ренты.* В условиях развитого феодализма эксплуатация феодально-зависимых крестьян осуществлялась в рамках феодальной вотчины (манора, сеньории, поместья — в широком смысле слова), представлявшей собой организацию для присвоения феодалом прибавочного труда зависимых крестьян. Основу вотчины составляла, как правило, крестьянская община, но не свободная, а зависимая, крепостная. Основные формы феодального производства — барщинное и оброчное хозяйства.

При барщинном хозяйстве земля делилась на две части: господскую (или домен) и крестьянскую. Площадь крестьянской пахотной, земли в большинстве европейских стран примерно в 2–3 раза превышала площадь господской. Крестьянские наделы служили своеобразной натуральной заработной платой. Наряду с зависимым крестьянством, владевшим тягловыми наделами, в ряде стран сохранялось и свободное крестьянство, имевшее наделы, свободные от уплаты ренты. Чересполосный характер расположения господских и крестьянских пахотных земель обуславливал принудительный севооборот

(с выпасом скота по пару и по жнивью после сбора урожая), который вынуждены были соблюдать и крестьяне, и феодал. Господскую землю обрабатывали в основном крестьяне с помощью своего инвентаря и скота и в гораздо меньшей степени — дворовые феодала.

Феодальные повинности определялись обычно характером крестьянского надела — свободный, полусвободный или рабский. Феодальная собственность сеньора была полной лишь по отношению к его домену. По отношению к крестьянину она представляла собой сумму прав на получение феодальной ренты. Крестьяне в условиях феодализма сохраняли некоторые права на землю. Барщинному хозяйству соответствовала отработочная рента, при которой необходимый и прибавочный труд были отделены друг от друга во времени и в пространстве. Если труд на помещика в период барщинных дней составлял постоянную величину (в его совершенствовании крестьянин не был заинтересован), то труд крестьянина на себя — величину переменную. В этом была заложена возможность определенного экономического развития и перехода от барщинного хозяйства к оброчному, от отработочной ренты к ренте продуктами (натуральному оброку).

Предпосылкой **отработочной ренты**, типичной для барщинного хозяйства, является естественная производительность труда. Однако эта возможность превращается в действительность лишь благодаря принуждению, которому подвергаются непосредственные производители. Низкий уровень развития производительных сил, с одной стороны, и неразвитость потребностей господствующего класса — с другой, ставят определенные границы для внеэкономического принуждения, а следовательно, и для роста степени эксплуатации крепостных крестьян. При этом примитивном и неразвитом состоянии, которое характерно для системы барщинного хозяйства, традиция играет решающую роль, спасая непосредственных производителей от произвола феодалов. Поэтому не случайно производительность прибавочного труда при отработочной ренте остается величиной постоянной, тогда как производительность необходимого труда растет, т. е. является величиной переменной. Это создает предпосылки для замены отработочной ренты рентой продуктами, для перехода от барщинного хозяйства к оброчному.

При оброчном хозяйстве вся пахотная земля находится во владении феодально-зависимых крестьян. Эта система предполагает более высокую культуру производства и непосредственного производителя. Необходимый и прибавочный труд не отделяются во времени и пространстве и выполняются крестьянами без непосредственного принуждения. Однако при уплате ренты прибавочный продукт осязаемо отделяется от необходимого. Поэтому рента продуктами — это по существу превращенная форма отработочной ренты. Рента продуктами, как и отработочная рента, предполагает господство натурального хозяйства; она представляет собой результат соединенного земледельческо-промышленного труда. По сравнению с отработочной рентой она дает больший простор для развития производства и усиливает расслоение крестьянства.

Если для раннего феодализма характерна эпизодическая форма феодальной ренты (например, полюдь в Киевской Руси), то в условиях развитого феодализма феодальная рента собиралась более регулярно. Феодальная рента могла носить либо определенный, фиксированный (по душам или по земле) характер, либо прогрессивный характер, если она собиралась из доли урожая (например, десятина, пятина, испольщина) или дохода (см. рис. 8-2).

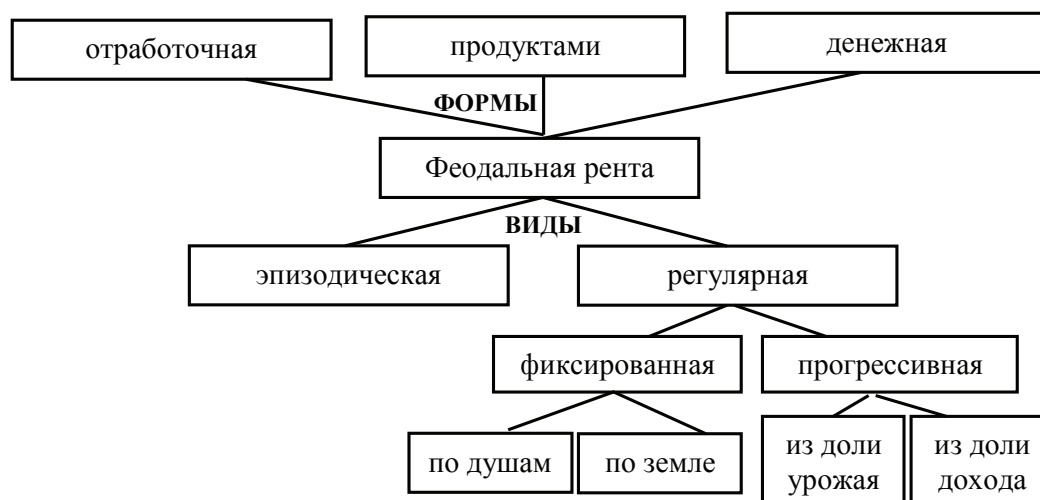

Рис. 8-2. Формы и виды феодальной ренты

Если для раннего феодализма характерна эпизодическая форма феодальной ренты (например, полюдь в Киевской Руси), то в условиях развитого феодализма феодальная рента собиралась более регулярно. Феодальная рента могла носить либо определенный, фиксированный (по душам или по земле) характер, либо прогрессивный характер, если она собиралась из доли урожая (например, десятина, пятина, испольщина) или дохода (см. рис. 8-2).

Под влиянием развития городов и товарно-денежных отношений происходит коммутация, т.е. превращение ренты продуктами в денежную ренту (денежный оброк). Крестьянское хозяйство и феодальная вотчина утрачивают при этом свой замкнутый, самодовлеющий характер. Часть продукции сельского хозяйства приобретает товарную форму, производится крестьянами как товар. Крестьянин в этом случае должен не только произвести прибавочный продукт в своем хозяйстве, но и самостоятельно реализовать его на рынке, чтобы уплатить денежную ренту. Постепенная раздача доменiallyной земли крестьянам и коммутация ренты сопровождались в Западной Европе почти повсеместной отменой личной зависимости, необходимость в которой с ликвидацией барщины отпала. Так называемое освобождение крестьян феодалы стремились использовать для резкого увеличения денежной ренты, усиления долговой зависимости крестьян. Однако этот процесс был приостановлен в ходе массовых крестьянских восстаний XIV в.: Дольчино в Италии (1304–1307 гг.), Жакерия во Франции (1358 г.), Уота Тайлера в Англии (1381 г.) и др. В результате классовой борьбы западноевропейскому крестьянству удалось укрепить свою хозяйственную самостоятельность, добиться личной свободы и фиксации феодальных повинностей в денежной форме. С этого времени отношения между крестьянином и феодалом в странах Западной Европы принимают форму договорных.

8.4. Становление отношений вещной зависимости. Особенности рыночной экономики при феодализме

В процессе развития докапиталистических обществ происходит вытеснение личных отношений вещными. Они развиваются в той мере, в какой происходит вытеснение натурального производства товарным.

Средневековый город

В период развитого феодализма определенный прогресс был достигнут во всех отраслях материального производства. В сельском хозяйстве в этот период расширяются посевные площади за счет внутренней и внешней колонизации. Постепенно повышается качество ее обработки. Интенсификация производства при этом достигается не столько путем усовершенствования инвентаря, сколько путем повторения той же самой операции. Распространяется практика трехкратной, а позднее (начиная с XIV в.) и четырехкратной пахоты. Шире применяется плуг, лошадь становится одним из основных тягловых животных, развивается и совершенствуется трехполье. Урожайность зерновых повышается почти вдвое по сравнению с ранним Средневековьем. Развитие техники и навыков ремесленного труда способствует дифференциации общественного производства. Рост общественного разделения труда, углубление специализации и повышение производительной силы труда в земледелии и ремесле создали предпосылки для развития товарного производства, отделения ремесла от земледелия, города от деревни (см. рис. 8-3).

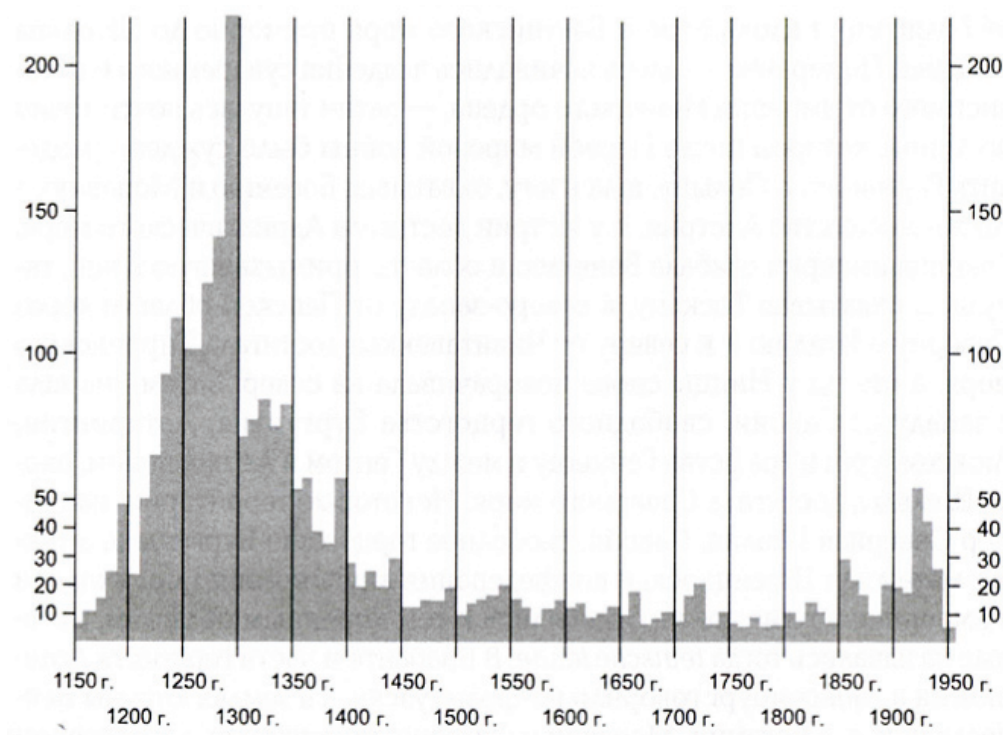

Рис. 8-3. Возникновение городов в Центральной Европе*

*Источник: Abel W. *Geschichte der deutschen Landwirtschaft von fruhen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert* Stuttgart, 1962. S. 46.

В XI–XIII вв. заметно оживляется хозяйственная жизнь многих старых городов, оставшихся от рабовладельческого способа производства (Рим, Милан, Флоренция, Париж, Лион, Лондон, Йорк, Кельн, Майнц, Страсбург, Вена и др.). Появляются новые города — центры ремесла и торговли. Конечно, и в условиях раннего феодализма, «товарообмен отнюдь не отсутствовал, но был в

высшей степени нерегулярным»⁸. Теперь ситуация кардинальным образом меняется. Новые города возникают там, где были благоприятные условия для сбыта готовой ремесленной продукции или получения сырья, на перекрестках торговых путей и т.д. По мере роста городов их жители начинают борьбу с феодалами за городское самоуправление («коммунальное движение»). В ходе этой борьбы городским коммунам удается добиться отмены крепостной зависимости и наиболее тяжелых форм феодального гнета (барщины, натурального оброка и т.п.), а некоторым городам — получить торговые привилегии и иммунитетные права.

Цеховой строй

Почти одновременно с появлением новых городов начинает возникать цеховой строй — специфическая форма феодальной организации городского ремесла. **Цехи** возникают как **объединения городских ремесленников одного или нескольких близких ремесел в борьбе с феодалами и служат защите производства цеховых ремесленников от внешней (от выходцев из деревни, ремесленников из других городов) и внутренней (между ремесленниками — членами данной цеховой организации) конкуренции**. Целью деятельности цеха является создание в пределах местного (локального) рынка монопольных условий производства и реализации своей продукции (см. рис. 8-4).

Полноправным членом цеха мог быть только цеховой мастер, владелец мастерской. Цеховой мастер работал обычно вместе с одним-двумя подмастерьями и двумя-тремя учениками, которые по истечении ряда лет могли стать самостоятельными мастерами. Более высокое положение цехового мастера основывалось не только на его собственности на средства производства, но и на его профессиональном мастерстве, умении в совершенстве владеть инструментом.

Рис. 8-4. Основные функции средневекового цеха

Особую форму внеэкономического принуждения составляет эксплуатация цеховыми мастерами учеников и подмастерьев. Во многом эта форма похожа на раннекапиталистическое предпринимательство, хотя при ближайшем рассмотрении существенно отличается от него.

Обе формы производства — и мастерская цехового мастера, и капиталистическое предприятие (на начальном этапе своего развития) — базировались на одном и том же технологическом базисе — на ремесле, на умении

⁸ Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С.73

непосредственного производителя виртуозно владеть ручным орудием труда. Оба предпринимателя (и цеховой мастер, и капиталист) являются собственниками ресурсов. Однако уже на этом уровне видны существенные различия. Мастер прежде всего сам ремесленник, он обладает определенными профессиональными знаниями и опытом, которыми он делится со своими учениками. Капиталист такими знаниями и опытом, как правило, не обладает. Отношение мастера к подмастерьям не есть лишь отношение эксплуатации как таковое, а является в то же время и отношением учителя к ученику. Более высокое положение цехового мастера покоится на его собственном мастерстве. Капитал цехового мастера — это связанный капитал, так как он может превратить его в самовозрастающую стоимость только в той сфере ремесла, которой он профессионально обладал.

Методы труда, которые применяются в ремесленной мастерской, основаны не только на опыте, но и на цеховых правилах, которые диктуют определенную цель производства, предметы и средства труда, характер трудовых операций, качество и количество выпускаемой продукции. Мастер выступает как член ремесленного цеха — определенной корпорации, имевшей политические права и т.д. *«Соответствующее его сословному положению существование, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое, выступает здесь целью и результатом эксплуатации чужого труда»*⁹. В отпадении всех этих ограничений заключается превращение ремесленного предприятия в капиталистическое, которое отражается в изменении отношений господства и подчинения.

Цеховая организация охватывала почти все стороны социально-экономической жизни городского ремесленника. Цех строго регламентировал размеры, технологию и организацию его производства, качество и количество выпускаемой продукции, цены и т.д. Нередко цех брал на себя снабжение мастеров сырьем и материалами для производства, организовывал общие склады для готовой продукции, создавал кассы взаимопомощи.

Цеховой строй имел в первый период своего существования прогрессивное значение, способствовал росту производительных сил, развитию и унификации ремесла, распространению профессиональных навыков, повышению качества работы. Цеховой строй сыграл важную роль в борьбе городов против власти феодалов, а в дальнейшем в борьбе с городским патрициатом за демократизацию городского самоуправления. Однако с течением времени (в Западной Европе начиная с XIV–XV вв.) цеховая регламентация превратилась в существенное препятствие на пути технического и социального прогресса. Она ограничивала действие закона стоимости, тормозила дальнейшее развитие товарного хозяйства, распространение новых орудий труда, передовых методов производства. В конце XIV в. начался процесс затяжного кризиса цеховой системы, усилилось так называемое **«закрывание» цехов — ограничение и запрещение доступа в них учеников и подмастерьев**. Резко увеличивается срок ученичества (до 7–12 лет), усиливается эксплуатация учеников и подмастерьев, рабочий день которых достигает 14–18 часов. Для защиты своих интересов и оказания взаимопомощи ученики и подмастерья создают организации эксплуатируемых (братства, компаньонажи и др.), которые объединяют и направляют их борьбу против цеховых мастеров, купцов, городской олигархии.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 48. С. 8.

Купеческий и ростовщический капитал

В условиях феодализма получили развитие купеческий и ростовщический капитал. Если в период раннего феодализма ведущую роль играла внешняя транзитная торговля, то по мере развития городов и товарного производства все большее значение приобретает внутренняя торговля.

В целях самозащиты и охраны собственности, ограждения от конкуренции и создания монопольных условий торговли отдельными товарами, а также для упорядочения системы мер и весов возникают купеческие гильдии (рис. 8-5), различные торговые компании, союзы торгующих городов.

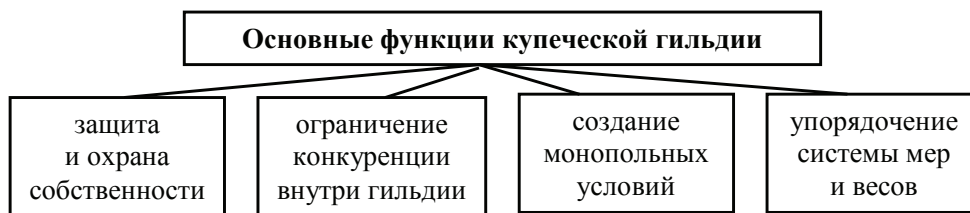

Рис. 8-5. Основные функции купеческой гильдии

Источником торговой прибыли служил неэквивалентный обмен, т.е. покупка товаров ниже стоимости и продажа их выше стоимости. Такая торговля была возможна лишь в условиях неразвитости товарного обращения, когда цены на одном рынке заметно отличались от цен на другом (см. рис. 8-6). Допустим, что цена на одном рынке установилась на уровне P_1 , а на другом P_2 . Это создает возможность для получения посреднической прибыли, путем продажи на втором рынке по более высокой цене, купленных на первом рынке дешевых товаров. Такая торговля приведет к тому, что на первом рынке цена поднимется до P_1^* , а на втором опустится до P_2^* . Полному выравниванию цен на уровне P_E будут мешать издержки связанные с куплей-продажей и транспортировкой товаров.

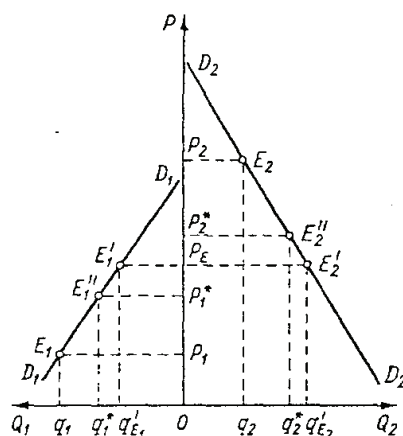

Рис. 8-6. Посредничество и выравнивание цены

$$0 q_1 + 0 q_2 = 0 q'_{E1} + 0 q'_{E2}$$

С учетом транспортных затрат P_1^* и P_2^* (в расчете на единицу товара):

$$0 q_1 + 0 q_2 = 0 q_1^* + 0 q_2^*$$

Сохранение различных цен на одни и те же товары было возможно лишь при местной экономической обособленности местных и региональных рынков друг от друга, при сохранении феодальных монополий. Поэтому купеческий капитал не был заинтересован в полной ликвидации феодальных монополий. Наоборот, он стремился использовать их. Различные торговые компании не жалели средств на подкуп феодальных монархов с целью получения для себя монопольных прав на торговлю с какими-либо странами или какими-либо товарами внутри страны.

Норма торговой прибыли была в условиях феодализма достаточно высока, так как прибыль купцов начислялась с учетом медленного характера оборота купеческого капитала и включала в себя высокую страховую премию, а в отдельные периоды — и монопольную прибыль.

В условиях феодализма существовали **две основные формы ростовщического капитала:**

1) предоставление денежных ссуд феодальной знати и 2) предоставление денежных ссуд мелким самостоятельным производителям: ремесленникам и особенно крестьянам. Обе эти формы способствовали обострению противоречия между городом и деревней, разложению феодализма и образованию крупных денежных капиталов. Используя неразвитость сферы обращения, ростовщический капитал взвинчивает норму процента. Поэтому по мере укрепления городов и городского строя в недрах феодализма начинается развитие кредитного дела как прямая реакция против ростовщичества.

Разложение феодализма связано с возникновением и становлением капиталистического уклада. Это предполагает не только замену натурального производства товарным, но и перерастание товарного хозяйства в капиталистическое.

Разложению феодализма и концентрации денежного богатства способствовала также деятельность купеческого и ростовщического капитала. Однако с течением времени те скромные революционные потенции, которыми обладали допотопные формы капитала, оказались исчерпанными. Дело в то, что они функционировали, главным образом, в сфере обращения и сами по себе не могли разрушить тот способ производства, в рамках которого возникли и на котором паразитировали. Внутренне противоречивой была и их деятельность в сфере обращения. Условием их существования, как мы уже отмечали выше, была неразвитость товарного обращения, отсутствие свободной торговли и свободной конкуренции. К тому же цеховой строй, купеческий и ростовщический капитал не только сами выросли в борьбе с феодальными монополиями, но и в своем развитии воспроизводили и укрепляли их.

Разрушить феодальную систему хозяйства через сферу обращения оказалось невозможным. Нужна была коренная революция в сфере производства и, прежде всего, в той сфере, в которой была занята основная масса непосредственных производителей, т.е. в сельском хозяйстве.

Университеты

Учеба в средние века считалась занятием глубоко религиозным и университеты возникали как церковные учреждения. В своей структуре Оксфорд и Кембридж сохранили эту типичную для феодализма черту, пожалуй, даже лучше, чем университеты континентальной Европы. Само название «Университет»

произошло от лат. *Universitas* («объединение, общность») и означает союз преподавателей и студентов. Университеты состояли из факультетов. Это слово также имеет латинские корни. Оно произошло от лат. *Facultas* — «готовность, быть способным к чему-либо» и означало в то время, что выпускники этих подразделений университетов способны («готовы») преподавать соответствующую дисциплину. Даже название руководителя факультета — декан (от лат. *Decanus*, произошедшего от *Decem* — «десятник») — также заимствовано из церковной структуры. Кстати и многие другие названия имеют латинские корни: студент (от лат. *Students* — трудолюбивый, способный) — занимающийся, обучающийся; каникулы (от лат. названия звезды — «*Caniculus*» — означает созвездие «Малого пса», Римский Сенат объявлял день отдыха в самые жаркие дни лета именно тогда, когда звезда появлялась на небе) и эта традиция сохранилась в Средние века.

С укреплением централизованных государств возникает потребность в хорошо подготовленных государственных служащих и университеты начинают уделять большее внимание изучению права. Таким образом, постепенно расширяется сфера, более открытая для светской жизни.

Новое богатство и новая бедность. Нищенствующие ордена

Богатство, возникшее в средневековых городах, было новым богатством. Оно уже опиралось не на земельную собственность, а на собственность, возникшую в результате труда. Ценность этого богатства выражалась, прежде всего, в деньгах, в монетах, реальных или счетных. Богатство бюргеров, купцов и ростовщиков создавало предпосылки для развития системы банков и других денежно-кредитных учреждений нового времени. Банковское дело современного типа развилось в результате деятельности менял. Сам термин «банк» происходит от «*banco*» (итал. — скамья менялы, денежный стол). Менялы не только осуществляли обмен одних монет на другие и хранение ценностей, но и способствовали появлению в XIV–XV вв. денежного (вексельного) оборота¹⁰.

Этому новому богатству стала противостоять в городах и новая бедность. Если в раннее Средневековье монастыри возникали вдали от мирской жизни, то теперь они активнее вовлекаются в общественную жизнь. Наряду с традиционным — «черным» монашеством возникает «белое» монашество. Однако развитие городов отодвинуло на второй план и старое, и новое монашество, сделало анахронизмом отшельническое движение, тесно связанное с аграрным феодальным обществом.

Новые монастыри возникают в самой гуще средневекового общества — в городах. В XII–XIII вв. происходит становление и стремительное развитие нищенствующих орденов доминиканцев и францисканцев, проповедь которых обращена прежде всего и главным образом к горожанам¹¹. Появляется воинство священни-

¹⁰ Однако, как это было замечено многими медиевистами, большинство средневековых банков не сумели избежать банкротства. Подробнее см.: *Ле Гофф Ж. Средневековые деньги: очерк исторической антропологии.* СПб. ЕВРАЗИЯ. 2010. С. 128–152, 189–196.

¹¹ «Возникнув в пригородах любого мало-мальски значительного города, общины серого, черного или белого монашества (францисканцев, доминиканцев, августинцев, кармелитов) возводили просторные церкви, как правило, разделенные на два нефа, один из которых предназначался братии, а другой — мирянам... Они символизировали отречение от мирских благ, путь бедности,

ков и ученых, основным делом которых становится образование. Представители этих орденов занимают ведущие кафедры в наиболее известных университетах Европы.

Новые нищенствующие ордена оказались в состоянии обратить внимание новых богачей на бедняков. Уже в XIII в. в городах возникает массовое движение основания и развития приютов. Как справедливо отмечает Ж. Ле Гофф, «сформировалась двойная сеть: с одной стороны — ночлежек (*hospices*), где кормили и принимали на ночлег бедняков и паломников, с другой — богаделен (*hotels-Dieu*), куда принимали больных, беременных женщин, сирот и брошенных детей»¹². Следует особо подчеркнуть, что новая бедность представляла определенный образ мыслей и действий и не носила узко экономического характера, органично войдя в социальную целостность феодального общества, основу которой составляло милосердие.

8.5. Ментальность и экономические предрассудки эпохи феодализма

Характерные черты средневековой ментальности

Мышление средневекового человека носило телеологический характер. Ведущую роль в Европе играла христианская церковь. Это предопределило двойственность — своеобразный дуализм феодальной культуры. Латынь стала универсальным языком образованной части западноевропейского общества, сохранившим, хотя и в трансформированном и переосмысленном виде, наследие античного мира. Однако наряду с латынью, знание которой было уделом лишь немногих, развиваются национальные языки, пробивающие себе дорогу среди обилия диалектов и наречий. Это предопределило постоянную двойственность и даже борьбу — между стремлением к христианскому единству и национальному обособлению.

«...Лингвистический раскол сводился в конечном итоге к противопоставлению двух человеческих групп. С одной стороны, огромное большинство неграмотных, замурованных каждый в своем региональном диалекте и владевших в качестве литературного багажа несколькими мирскими поэмами... На другом берегу горсточка просвещенных людей, которые, беспрестанно переходя с повседневного местного говора на ученый универсальный язык, были, собственно, двуязычными. Для них и писались сочинения по теологии и истории, сплошь по латыни, они понимали литургию, понимали деловые документы. Латинский был не только языком — носителем образования, он был единственным языком, которому обучали. Короче, умение читать означало умение читать по латыни»¹³. Неудивительно поэтому, что исторические источники, которыми мы располагаем, дают нередко одностороннюю и далеко не полную картину феодального общества. Та же картина, которая складывается, «нарисована»

избранный этими орденами. Снаружи отсутствовали аркбутаны, все было совершенно голо, четко выстроенная форма строго соответствовала предназначению храма и поэтому была прекрасна. Те же простота и единство были характерны для внутреннего пространства. Если нефов было много, все они имели одну высоту, так как миряне и духовенство равны перед Богом. Друг от друга их отделяли лишь редкие тонкие колонны — следовало собрать воедино народ и любящей его братии монахов» Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество 980–1420 годов. М.: Ладомир. 2002. С. 253.

¹²Ле Гофф Ж. Средневековые деньги: очерк исторической антропологии. СПб. ЕВРАЗИЯ. 2010. С. 104.

¹³Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С. 82.

почти исключительно духовными лицами, которые стояли во главе имперских и королевских канцелярий и были выразителями мыслей царствующих особ и хранителями политических традиций.

«...Вкус к точности с его вернейшей опорой, уважением к числу, был глубоко чужд людям того времени. Даже высокопоставленным»¹⁴. Раннесредневековая культура носила в основном устный характер. Записи фиксировали текущие события, делались «для памяти». Не следует забывать и о синкретизме средневековой духовной культуры, из которой экономическая мысль еще не вычленилась в самостоятельную область знания. То, что может быть отнесено к экономической мысли, проникнуто духом «практицизма». Средневековые трактаты переполнены конкретными хозяйственными советами, различного рода практическими рекомендациями, в них мало места занимают теоретические обобщения или попытки осмысления социально-экономических процессов. Занятый войнами, охотой, любовными похождениями и личным самоутверждением, средневековый рыцарь, как и класс светских феодалов в целом, мало интересовался экономическими проблемами, управлением своей вотчиной или поместьем. Он был представителем тех, кто потребляет богатство. Сеньоры тратили, не считая.

Аграрный характер феодальной экономики, господство натурального хозяйства, неразвитость ремесла и торговли в эпоху раннего Средневековья (V–XI вв.) остро ставил перед светскими феодалами лишь одну экономическую проблему — проблему получения денег для покупки поступающих с Востока экзотических предметов роскоши и для ведения безбедного и беззаботного образа жизни. Денежный голод испытывали не только отдельные представители господствующего класса, но и само феодальное государство, периодически занимавшееся порчей монеты. Попытки оправдания этой практики мы находим в сочинениях средневековых юристов, стремившихся обосновать номиналистическую теорию денег. Однако их объяснения были так же далеки от науки, как и «теории» средневековых европейских алхимиков, занятых поисками философского камня, с помощью которого можно было бы превратить любой металл в золото. Богатство, награбленное в ходе войн и набегов, ценилось в среде феодалов выше накопленного путем сбережения, рационального хозяйствования, методичной эксплуатации крестьян. Богатство, раздаренное подданным, растратившееся в целях престижного потребления, поднимало социальный статус выше, чем богатство, использованное в производственных целях. Неудивительно поэтому, что не только раннее, но даже развитое западноевропейское Средневековье (XI–XV вв.) не оставило для нас сколько-нибудь серьезных теоретических сочинений по экономике, написанных представителями светских феодалов. Разработка экономических вопросов с позиций господствующего класса стала уделом священнослужителей — церковных феодалов.

Духовенство было самым организованным сословием феодального общества. Обладая строгой иерархией, оно входило и в светскую систему вассалитета. Это было открытое сословие феодального общества, включавшее в себя не только феодалов, но и наиболее одаренных представителей других классов. Общественные науки являлись в этот период простыми отраслями богословия и трактовались с позиций Священного писания. Поэтому цитаты из Библии выступали как основные аргументы в споре, а компиляции из древ-

¹⁴ Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С. 80.

них текстов — как способ выражения собственных взглядов. При этом авторов нисколько не смущало, что прошлое описывалось в категориях современности, а древним мыслителям приписывались средневековые экономические представления, феодальная система ценностей. Библейские тексты широко использовались, например, для осуждения ростовщичества как противоестественного средства обогащения, как явления, губящего человеческую душу. Христианское вероучение стало важным «теоретическим подспорьем» и для преодоления характерного для античности презрительного отношения к труду. Труд в эпоху Средневековья все больше рассматривается не только как наказание за грехи, но и как путь к спасению человечества.

Вопросы управления вотчинным хозяйством получили определенное развитие в произведениях монахов. Монастыри выступали как организаторы крупного, нередко хорошо налаженного производства, что нашло отражение, например, в Сен-Жерменском полиптике, Фульдском полиптике, других произведениях этой эпохи.

Нарастающее социальное неравенство, бесправное положение народных масс, правовые аспекты крепостничества фиксируют юридические памятники Средневековья («Салическая правда», «Византийский земледельческий закон», «Русская правда», «Саксонское зеркало» и др.), которые являются также важными источниками экономической мысли.

Экономические воззрения народных масс дошли до нас в религиозной оболочке. Крестьяне (да и не только они) считали себя слишком слабыми и невежественными, чтобы спастись в одиночку. Обществу нуждалось в ритуалах, чтобы отогнать страх и установить прямую связь со сверхъестественными силами. Считалось, что в этом им помогали ангелы — бдительные и усердные покровители честных людей, непрерывно наблюдавшие за их повседневной деятельностью. Каждый человек имел своего небесного спутника, и подчас даже не одного, а двух, так как к миру ангелов прибавлялся еще и мир демонов¹⁵. Не случайно в Средние века был так популярен миф о колесе Фортуны. Человек, возвышенный сегодня, может быть унижен завтра и наоборот.

«Не осознавая ясно того, сколь одержимы были люди Средневековья жаждой спасения и страхом перед адом, совершенно невозможно понять их ментальности, — писал Ж. Ле Гофф, — а без этого неразрешимой загадкой остается поразительная нехватка у них жажды жизни, энергии и стремления к богатству, что вызывало чрезвычайную мобильность состояний, ибо даже наиболее алчные до земных благ в конце концов, хотя бы и на смертном одре, выражали презрение к миру, а такой умственный настрой, мешавший накоплению богатства, отнюдь не приближал средневековых людей в психологическом и материальном отношении к капитализму»¹⁶.

Христианство освящало господствующий строй, поэтому нападки на феодальную эксплуатацию не могли не иметь форму богословской ереси. Однако в отличие от господствующего класса представители народных масс

¹⁵ «Мифы, построенные на противопоставлении тьмы и света, смерти и жизни, тела и души, изображали вселенную как поле боя, поединок добра и зла, Бога и восставших воинств, отрицавших и потрясавших установленный Им порядок. Они помогали распознать в бедствиях, в нарушении обычного ритма жизни поражение сил добра и победу Сатаны...» Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество 980–1420 годов. М.: Ладомир. 2002. С. 86.

¹⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс. Прогресс-Академия. 1992. С. 176.

апеллировали не к современному им, а к первоначальному христианству, идеи которого донесли до них тексты Священного писания. Опираясь на них, Дольчино в Италии, Ян Гус в Чехии не только использовали идеи равенства, проповедуемые ранним христианством, но и придали им антифеодальную направленность. Антифеодальную направленность носят и экономические требования, сформулированные в ходе крестьянских войн под руководством Уота Тайлера, Дьердя Дожи, Степана Разина и др.

В X–XIII вв. складывается особый социальный слой феодального общества — горожане. Будучи закономерным порождением феодального строя, бюргерская культура заметно отличалась от культуры других сословий феодального общества. В сравнении с церковной и рыцарской культурой она носила более скромный характер, обусловленный как экономическими, так и социальными причинами. Богатство этого сословия зависело уже не от земельной собственности, а прежде всего от его трудовых усилий. Это предопределило аналитический склад ума и рациональную рассудительность горожанина. По сравнению с культурой крестьянских масс городская культура отличалась более высоким уровнем. Цивилизованность горожанина проявляется и в более широком использовании рыночных принципов ведения хозяйства, и в большем динамизме ее развития, в ее более светском характере, и в повышении роли грамотности и письменной культуры в целом, и в пробуждении познавательного интереса к окружающему миру. Возникает такое явление, которое А. Мюррей удачно назвал «пробуждением арифметической ментальности»¹⁷. Горожанин более критично относится к себе и к другим сословиям феодального общества, любит посмеяться над слабостями и недостатками других классов и социальных групп.

Экономические представления средневековых бюргеров нашли отражение в цеховых уставах и городском праве. Цеховой строй был своеобразной феодальной организацией городского ремесла. Цеховые уставы осуществляют мелочную регламентацию производства каждого из членов корпорации. Это способствует унификации ремесла, распространению профессиональных навыков работы, стабилизации рынка, однако в то же время ограничивает капиталистические потенции цехового строя. Поэтому в дальнейшем цеховые уставы стали препятствовать экономическому развитию.

Цехи стремились к установлению монопольных условий производства и реализации своей продукции на местном рынке. К созданию монопольных условий торговли стремились и купеческие гильдии. Укрепление городского строя, с одной стороны, и постепенный переход крестьян с барщины на натуральный, а позднее и денежный оброк — с другой, обострили противоречие между городом и деревней. «Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, — пишет К. Маркс в «Капитале», — то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически» своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»¹⁸. Соотношение цен между городскими ремесленными и деревенскими сельскохозяйственными товарами отражало столкновение сословных интересов. Поэтому стала актуальной разработка учения о «справедливой цене», т.е. такой цене, которая, по мнению средневековых

¹⁷ Murray A. Reason and Society in the Middle Ages. Oxford University Press. 1978.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 365.

ученых (Фома Аквинский и др.), не только бы возмещала издержки производства и обращения, но и обеспечивала соответствующее каждому сословию существование.

Схоласты

Наивысшем достижением теоретической мысли феодализма стала доктрина схоластов. Основными источниками их учения были античная философия (главным образом произведения Платона и Аристотеля, а также Сенеки, Цицерона и др.), патристические сочинения (труды Святого Августина, Дионисия Ареопагита и др.) и римское законодательство. Как реакция на начавшуюся в конце XI в. рецепцию римского права в каноническом праве разрабатывается ряд вопросов, и прежде всего учение о справедливой цене и осуждение процента.

**Фома Аквинский
(1225–1274)**

Для того чтобы понять истинное значение вклада схоластов в историю экономического анализа, необходимо хотя бы кратко указать на характерные черты их учения в целом. Это тем более необходимо, так как позволяет понять схоластическое теоретизирование как таковое, его достоинства и недостатки.

Важнейшей характерной чертой средневековой схоластики было преобладание заимствования, подчинение авторитету. В роли авторитета оказалось не только Священное писание, но и творения отцов церкви, труды Платона и Аристотеля. Преданность великим учителям, сочинения которых считались «подлинными», проявлялась прежде всего в том, что ссылки на них — цитаты — являлись главным аргументом в споре. Конечно, подчинение авторитетам не было слепым и рабским. Однако даже там, где схоласты вынуждены полемизировать с авторитетами, они с трудом освобождаются от их огромного влияния.

В учении схоластов большую роль играла традиция. Традиционные основы занимают в экономических системах гораздо большее место, чем нетрадиционные, разработанные тем или иным автором. Даже крупные ученые-схоласты отличаются друг от друга главным образом способом синтеза традиционного материала, а не созданием принципиально различных систем.

Новое рождается как синтез параллельных или родственных традиционных течений. Отсюда не только преемственность, но и удивительное единообразие схоластических сочинений. В этих условиях много творческих сил уходит на изучение традиции, главным становится не создание новых концепций, а кропотливая разработка деталей старых. Схоластическое исследование направлено не на изучение и обобщение практики, а на накопление суммы объективных «вечных» истин. Поэтому становится понятной следующая характерная черта схоластической науки — ее школьный характер.

В средневековую эпоху, когда индивид поглощается корпорацией, а личность заслоняется обществом, школа приобретает огромное значение. Само слово «схоластика» обязано своим происхождением школе. Первоначально оно означало учителя и ученика семи свободных искусств, а позднее — уже каждого занимающегося школьной наукой.

Однородность схоластического учения достигалась благодаря тождественности авторитетов, методов исследования и основных воззрений. Первоначально школьный элемент не был выражен сильно, однако позднее, с ростом университетов и образованием средневековых орденов (францисканцев, доминиканцев, августинцев и т.д.) корпоративный элемент нарастает. Возникают замкнутые школы последователей Фомы Аквинского (1225 или 1226–1274), Иоанна Дунса Скота (ок. 1266–1308), а позднее Уильяма Оккама (около 1300–1349 или 1350). Собрания преподавателей университетов решают, чему следует и чему не следует учить. Принадлежность к школе определяет темы исследований, их идейную направленность и метод доказательств.

Большое значение в этих условиях приобретают создание гибкой терминологии, развитие определений понятий, способов их разделения и соединения. Из средневековой схоластики в наш обиход проникли такие термины, как объективное и субъективное, *a priori* и *a posteriori*, и многие другие.

Значительное развитие получает формальная логика. Доказательство приобретает форму разнообразных силлогизмов, которые, конечно, не годятся для вывода новых знаний, но вполне подходят для систематизации уже накопленного школьной наукой багажа.

Средневековые схоласты больше всего заботятся о логичности содержания, что постепенно отражается и на стиле их произведений, написанных однообразной и скучной прозой. Сухие формулы вытесняют образный и метафоричный язык, характерный для сочинений раннего Средневековья. Конкретное заслоняется абстрактным, эмоциональное — рассудочным, личное — общим. Такая форма вполне отвечает как безличному характеру схоластической литературы, так и ее дидактическому настрою. Не случайно, что в противовес схоластике развивается мистика.

В период становления и расцвета схоластики преобладает стремление к гармонии. Ученые пытаются согласовать истины, освященные авторитетом церкви, собственными представлениями, найти аргументы в подтверждение этих истин. Это особенно наглядно отражается в своеобразных средневековых хрестоматиях — «Суммах», которые писали преподаватели университетов для своих студентов. Эти сборники-конспекты содержали обычно не только выдержки из важнейших книг, но и комментарии составителя.

Необходимость согласования изречений различных авторитетов («сентенций») и противоречивых рассуждений о самих предметах рождает стремление представить абсолютные противоположности как относительные путем логической обработки понятий. Первый опыт такого согласования мы встречаем у П. Абеляра (1079–1142). В дальнейшем вырабатывается определенная схоластическая схема. Классическое выражение она получает у Фомы Аквинского. В «Сумме теологии» проблема формулируется обычно в форме вопроса, после чего приводятся возражения и аргументы в его поддержку. Опровержение состоит из трех частей. В качестве главного аргумента обычно приводится цитата из Священного писания или сочинений отцов церкви, далее следует изложение собственного мнения автора и причин, его породивших, и, наконец, опровержение доводов, выдвинутых в первоначальном возражении.

Конечно, подчинение схоластов римско-католической церкви не было абсолютным. Однако не следует забывать, какое место было отведено их доктрине в общей системе средневекового мировоззрения. В это время знание было поставлено на службу вере, являлось дополнительным аргументом в поддержку

Священного писания. Средневековая схоластика стремится разрешить прежде всего богословские задачи, показать земной миропорядок как следствие неземного. Главным в этих условиях становится не исследование внешней природы или человеческой жизни в ее историческом развитии, а познание бога как первопричины и цели развития общества. Средневековое мышление носит трансцендентальный, умозрительный характер. Широкий полет метафизики не сдерживается ничем. Рассуждения ведутся, как правило, в отрыве от конкретных эмпирических исследований: как в области естественных, так и гуманитарных наук.

Средневековому мировоззрению чуждо подлинно историческое понимание фактов. Оно некритично, оно любит мерить все понятия абсолютными мерками, не замечая, что на них лежит отпечаток современной ученым эпохи. «Это беспокойное желание найти в глубине веков новый мир, — писал Ж. Ле Гофф, — не допускало поиска действительного обновления. Золотой век у средневековых людей лежал у истоков прошлого. Их будущее было давно прошедшим. И они продвигались вперед с обращенным назад взором»¹⁹.

Это не значит, что ученые ничего не писали о прошлом и будущем, однако такой подход не имел ничего общего с историческим рассмотрением развития предмета. «Именно уважение к прошлому, — как справедливо писал М. Блок, — парадоксально заставляло реконструировать его таким, каким оно должно быть»²⁰. Прошлое получалось посредством обратной проекции из настоящего, а будущее выводилось путем логического дедуцирования. Главную роль при этом играла формальная логика. Она являлась не методом исследования реальных проблем реальной экономики, а лишь способом синтеза понятий.

В этой связи большое значение приобретает дедуктивный метод. Он позволяет создавать все новые и новые понятия, с помощью которых создаются хитроумные логические системы, напоминающие готические храмы. Безудержный рост понятий, конечно, способствует накоплению книжной премудрости, усложнению школьных программ. Однако игра в понятия все более и более входит в противоречие с потребностями реальной жизни.

Это касается и канонического права, с помощью которого пытались регулировать экономические процессы. Дело в том, что экономическая доктрина канонистов была скорее сводом правил поведения индивидов в соответствии с принципами всеобщей справедливости, чем обобщением реальных фактов экономической жизни. Экономические проблемы рассматривались с позиций морали, моральной справедливости, с позиций общего блага как конечного критерия деятельности людей.

Учение о справедливой цене

Понимание справедливости как пропорциональности (эквивалентности) восходит как к Аристотелю (Никомахова этика, V, 1133b), так и к первоначальному христианству («Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам» — Мк., 4:24; Мф., 7:2; Л к., 6:38). Эти этические нормы поведения и были перенесены канонистами в сферу экономики, что нашло отражение в учении о «справедливой цене». Понятие «справедливой цены» было выработано в противовес римско-

¹⁹Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс. Прогресс-Академия. 1992. С. 183.

²⁰Блок М. Феодалное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. С. 97.

му праву. Согласно последнему цена определялась в результате свободного договора. Каноническое право понимает под «справедливой ценой» типичную рыночную цену, складывающуюся при нормальных условиях производства. Это означало, что «справедливая цена» не зависит от случайного волеизъявления участвующих в торговой сделке контрагентов — покупателя и продавца. Впервые такая идея встречается уже у Святого Августина в трактате «О троице» (*De Trinitate*, 13, 3). Дальнейшее обоснование идея «справедливой цены» получила в трудах канонистов. В «Сумме теологии» Фомы Аквинского «справедливая цена» рассматривается как частный случай проявления справедливости вообще. Исходя из того что справедливость определяется как «постоянное твердое желание давать каждому то, на что он имеет право», Фома Аквинский осуждает попытки продажи вещей дороже их стоимости. Опираясь на Евангелие, он прямо полемизирует с римским правом (*Summa Theologica, Secunda Secundae, quaestio LXXVII, articulus I*). Однако он допускает исключение, предполагающее продажу вещи по цене выше ее стоимости. Цена будет справедливой, считает он, и в том случае, когда покупатель вещи в ней остро нуждается, а продавец пострадает, уступив ее. Более высокая цена в данном случае компенсирует ущерб, понесенный бывшим владельцем вещи.

Такой подход к «справедливой цене» усиливает субъективный аспект ее понимания. Развитие этой идеи приводит к тому, что «справедливой ценой» считают не только такую цену, которая отражает издержки производства и транспортировки продукта, но и обеспечивает соответствующее каждому сословию существование. Поэтому оформившееся к концу XV в. каноническое право подразумевает под «справедливой ценой» не только типичную рыночную цену, но такую цену, которая была назначена при участии облеченных доверием людей, определивших ее в соответствии с принципом всеобщей справедливости. Очевидно, что от такого определения «справедливой цены» до оправдания процента лишь один шаг.

Эволюция взглядов на ростовщичество

Учение о проценте, как известно, еще более тесно, чем учение о «справедливой цене», связано со Священным писанием. «Взаймы давайте, — говорится в Евангелии от Луки, — не ожидая ничего» (Лк., 6:35). Сначала, правда, это правило касалось лишь духовенства, однако позднее (со времен Карла Великого) оно было распространено на все население.

Рецепция римского права показала, однако, что оно находится с ним в вопиющем противоречии. Так, в Кодексе Юстиниана, который интенсивно начали изучать в XII в. в средневековой Европе, были установлены определенные нормы процента для различных ссуд: 12% — под корабельные грузы, 8% — для торговых операций и 4–6% — для прочих (*Codex. IV. XXXII. 26. § 2*). В этих условиях канонисты, формально опираясь на римское право, пытаются обосновать положения, которые ему прямо противоречат. Их «доказательства» основаны на различении потребляемых (хлеб, пиво, вино) и непотребляемых (дом) вещей. Деньги они относят к первому типу благ. Поэтому, заключают канонисты, требование процента равносильно продаже вещи и требованию платы за ее пользование, т.е. по существу означает двойную продажу, что противоречит римскому праву. Рассматривая ссуду как продажу в кредит, они не принимали во внимание аргумент о том, что при этом необходима плата за потерю времени. Время,

рассуждали они, — божье достояние, которым нельзя торговать. Характерно, что этот аргумент использовал и Фома Аквинский (*Summa Theologica, Secunda Secundae, quaestio LXXVIII, artic. 2*). Однако эти метафизические построения были далеки от практики хозяйствования. Господство натурального хозяйства в средневековой Европе имело своей оборотной стороной развитие ростовщичества. Поэтому не удивительно, что с течением времени в рамках схоластического учения нашлось место для оправдания процента.

С этой целью средневековые схоласты различали в сделках два вида ущерба от неисполнения в срок ссудных обязательств: понесение убытка (*damnum emergens, положительный ущерб*) и неполучение прибыли (*lucrum cessans, упущенная выгода*). Первый случай рассматривался как вполне законное основание для взимания процента. Так считал, например, и Фома Аквинский, хотя формально не называл эту сделку ростовщичеством (*Summa Theologica, Secunda Secundae, quaestio LXXVIII, artic. 2*). Однако уже этот случай открывал широкие «законные» основания для получения процента. Достаточно было установить «бесплатную» ссуду на очень короткий срок (например, 3 месяца), чтобы по истечении его получать очень высокие проценты. В Западной Европе они достигали в XII–XIV вв. $43 \frac{1}{3}$ и даже 60%.

Позднейшая каноническая теория фактически рассматривала процент как часть промышленной или торговой прибыли, т.е. объективно носила уже буржуазный характер²¹. Начав с запрещения ростовщичества, католическая церковь постепенно сдавала одну позицию за другой и закончила тем, что к концу Средневековья фактически легализовала его. Об этом свидетельствует и учение о ренте, маскировавшее ростовщичество покупкой ренты; и учение о праве товарищества (когда получение прибыли обосновывалось риском совместной торговой операции); и ипотека судна (договор бодмереи); и тройной договор; и оправдание государственных займов; и обоснование учеными ордена францисканцев «справедливости» выдачи под небольшой процент ссуд фондами для благотворительных нужд. Наконец, об этом наглядно свидетельствует определение ростовщичества, данное Латеранским собором: «Под именем ростовщичества следует понимать тот случай, когда заимодавец желает извлечь барыш из пользования такою вещью, которая сама по себе не приносит плода (в противоположность таким вещам, как стадо, поле), не неся притом ни труда, ни расходов и не подвергаясь риску»²².

Данное определение ростовщичества предоставляет массу лазеек нарождающейся буржуазии. Достаточно было представить процент как результат «труда», «расходов», «риска» или облечь в форму «товарищества», чтобы избежать осуждения церкви. Такое определение не только составляло шаг вперед по сравнению с ранней схоластической доктриной, но и фактически означало легализацию ростовщичества, осуждался уже не процент как таковой, а лишь его высокая ставка.

Каноническое учение сыграло важную роль в истории нашей науки. Благодаря усилиям схоластов удалось не только сохранить значительную часть античного наследия, но и разработать достаточно стройную и в извест-

²¹ Несомненно, такая теория должна была найти положительный отклик и в сердце И. Шумпетера, который сам рассматривал процент как своеобразную плату за технический прогресс. Подробнее см.: *Шумпетер И. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры)*, М.: Прогресс, 1982, Гл. 5,

²² Цит. по: *Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией*. М., 1897. С. 755.

ном смысле непротиворечивую теорию. В учении канонистов мы встречаемся не с простой фиксацией отдельных экономических понятий, а с попыткой создания логической системы категорий; системы, правда, сильно оторванной от реальной жизни. Этот первый опыт схоластического теоретизирования оказался не только полезным, но и порой весьма заманчивым для последующих поколений.

8.6. Ступени роста эффективности докапиталистического производства

Задача настоящего раздела — показать воздействие экономических отношений на развитие производительных сил, показать их как активную форму, способствующую или препятствующую прогрессу. В этой связи большое значение приобретает анализ социально-экономической эффективности труда. Важно также обратить внимание на то, в какой мере внеэкономическое принуждение к труду способствовало или препятствовало росту эффективности производства.

Понятие эффективности производства

Изучение эффективности общественного производства на разных этапах развития человеческого общества — одна из наиболее актуальных проблем экономической науки. Теоретическая разработка этой проблемы имеет большое значение для развития новой политической экономии, а также для конкретно-экономических и исторически-экономических исследований.

Трудности такого анализа объясняются по крайней мере двумя обстоятельствами: с одной стороны, недостаточной разработанностью общей теории эффективности общественного производства (о чем свидетельствуют многочисленные дискуссии по проблемам эффективности), а с другой — ограниченностью, а нередко и несопоставимостью статистического и фактического материала по вопросам ведения хозяйства в докапиталистическую эпоху и особенно его эффективности. Поэтому прежде чем проанализировать эффективность каждого из докапиталистических форм производства, кратко остановимся на понятии эффективности и на критериях периодизации ее развития.

Процесс производства рассматривается в экономической науке как единство процесса труда и исторически определенной его общественной формы, т.е., с одной стороны, как технико-экономическая, а с другой — как социально-экономическая эффективность.

Технико-экономическая эффективность — это соотношение эффекта и затрат; она может быть выражена показателями производительности труда, фондоотдачи и материалоотдачи. Для анализа эффективности производства в докапиталистических обществах большое значение имеет прежде всего производительность труда как важнейший показатель технического прогресса, выражающий действие закона экономии времени.

Социально-экономическая эффективность — это соотношение цели производства и средств ее достижения. Социально-экономическая эффективность показывает, с одной стороны, степень устойчивости данной социальной системы, возможность воспроизводства ее на собственной основе, а с другой — ее способность к дальнейшему развитию, движению за ее пределы.

Технико-экономическая и социально-экономическая эффективность тесно связаны между собой, образуют диалектическое единство, соотносятся друг с другом как содержание и форма. Это означает, что между ними существует не только тождество, но и различие, и противоположность, и противоречие. Остановимся на этом подробнее.

Эффективность хозяйствования в условиях феодализма

Экономическая сущность феодализма состояла в производстве и присвоении прибавочного продукта в форме феодальной ренты путем внеэкономического принуждения к труду лично и поземельно зависимых от феодала крестьян. Основными формами феодального производства были, как известно, барщинное и оброчное хозяйство.

При барщинной системе на господской земле путем эксплуатации крестьян, использовавших принадлежащие им средства труда, производился лишь прибавочный продукт. При оброчной системе паразитический характер феодализма проявлялся в еще более яркой и наглядной форме, так как феодал освобождал себя в этом случае и от забот по производству прибавочного продукта. И необходимый, и прибавочный продукт производились в хозяйстве непосредственного производителя.

Функции феодала при оброчной системе были ограничены лишь задачами присвоения уже произведенного в крестьянском хозяйстве прибавочного продукта. Поэтому правильнее говорить **не об эффективности феодального производства, а об эффективности феодального хозяйствования** и притом с известной долей условности.

Во-первых, потому что феодал не выступал как организатор производства всего продукта. Его функции ограничивались либо организацией производства части продукта, а именно прибавочного продукта (в условиях барщины), либо лишь присвоением уже произведенного прибавочного продукта (в условиях оброчной системы).

Во-вторых, потому что феодал не нес никаких материальных затрат по воспроизводству рабочей силы и средств производства. Хозяйство феодала выступало как своеобразная надстройка над крестьянским хозяйством.

В-третьих, потому что феодальная вотчина (манор, сеньория) была не столько формой крупного производства, сколько формой организации присвоения производимой крестьянами феодальной ренты. Даже в условиях барщинной системы в Западной Европе не сложилось крупное феодальное производство, так как пахотная земля феодала была расположена чересполосно с крестьянской.

Эффект хозяйствования и размеры богатства феодалов зависели от числа крепостных крестьян, от эффективности их хозяйства. Поэтому эффективность хозяйствования при феодализме может быть выражена через следующий показатель:

$$\Xi_{\Phi} = \frac{\text{Феодальная рента}}{\text{Число крепостных}}$$

В условиях господства натурального хозяйства масштабы феодальной ренты ограничивались размерами личного потребления феодала и его челяди. Поэтому большинство советских исследователей феодализма считают, что для Средневековья

характерна относительная стабильность размеров феодальной ренты и степени эксплуатации непосредственных производителей. Лишь по мере втягивания феодального поместья в товарно-денежные отношения намечается стремление феодалов увеличить размеры ренты. Однако этот процесс был приостановлен в Западной Европе в ходе больших крестьянских восстаний XIV в. В результате классовой борьбы западноевропейскому крестьянству удалось укрепить свою хозяйственную самостоятельность — добиться личной свободы и фиксации феодальных повинностей в денежной форме. Это способствовало сокращению сферы внеэкономического принуждения, росту производительности труда и повышению эффективности крестьянского хозяйства.

Иными путями происходил процесс эволюции феодального поместья в Восточной Европе. Развитие товарно-денежных отношений, вовлечение восточноевропейских стран в мировой рынок дают импульс к расширению барщины и усилению крепостничества. Повышение эффективности феодального хозяйствования было достигнуто путем истощения производственной основы феодализма — крестьянского хозяйства. Это предопределило наиболее острые и болезненные формы кризиса феодализма в ряде восточноевропейских стран и особенно в России.

Рост производительных сил за счет социальных факторов

Феодализм создал принципиально новую, более высокую систему производительных сил. И это, как ни странно, отчасти связано с тем, что он возник в условиях, для которых типичны более бедные естественные производительные силы. Кстати сказать, это привело к тому, что переход к классовому обществу стал возможен лишь при наличии железных орудий труда.

Таблица 8-1

Расширение земельной площади и рост урожайности при различных системах земледелия*

Хозяйства	% засеянной пашни	Во сколько раз возрос сбор хлебов		
		за счет увеличения посевов	за счет роста урожайности	за счет обоих факторов
Огневое **	5-8	1	1	1
Переложное	15-25	3	0,8	2-3
Трехпольное	66	8-13	0,7	6-9
Улучшенное переложное	66	8-13	1,0-1,3	8-17
Улучшенное трехпольное	66	8-13	1,3-2,0	10-26
Улучшенное травопольное	80-100	10-20	2,0-2,5	20-50
Плодосменное	100	12-20	2,5-4,0	30-80
Вольное	100	12-20	4-5	48-100

* Составлено по: Урланис Б.Ц. *Рост населения в Европе. М., 1941. С. 376.*

** Огневое хозяйство принято за 1.

В условиях Европы существовали гораздо менее благоприятные предпосылки для развития земледелия: более суровый климат не позволял собирать два урожая в год (вегетационный период продолжался лишь в течение 4–5 месяцев), более низкое плодородие почвы, недостаточная эффективность искусственного

орошения, неравномерность в распределении осадков способствовали тому, что доминировали малоурожайные, хотя и менее трудоемкие, культуры. При относительном избытке земли и недостатке труда главной задачей господствующего класса становится стремление привязать труд к земле, а главной формой богатства — количество душ крестьян. В связи с тем, что трудоинтенсивный тип хозяйства был связан с относительно благоприятным климатом и искусственным орошением, территория его распространения была весьма ограничена и за последнюю тысячу лет существенно не изменилась. Наоборот, зона экстенсивного европейского типа заметно увеличилась, притом не только количественно, но и качественно, пройдя путь от подсечного земледелия к трехполью и более сложным системам (см. табл. 8-1). В условиях относительного перенаселения на Востоке отсутствовали предпосылки для экономии живого труда, замены ручного труда машинным. Наоборот, на Западе именно недостаток трудовых ресурсов стал важным стимулом к изобретению машин и механизмов, внедрению их в производство.

Качественные изменения произошли с субъективной формой производительных сил. Частное парцеллярное хозяйство франкского крестьянства открывало гораздо более широкие возможности для развития производительных сил, чем владение азиатского подданного и даже пекулий античного раба. Более высокой (по сравнению с азиатской земледельческой общиной и античным полисом) производительной силой стала и община-марка. И уж совсем качественно новый этап в развитии производительных сил наступил с возникновением городских коммун и цехового строя, давших значительный (по сравнению с восточными корпорациями и профессиональными организациями полусвободных граждан античного мира) простор для развития ремесла.

Переход от раннего феодализма к развитому в Западной Европе в значительной мере связан с заменой волов лошадьми. Такая замена способствовала повышению эффективности производства, а также расширению посевов зерновых культур. Дело в том, что в отличие от вола, кормом которого служили естественная растительность, а также вторичные продукты земледелия (солома, ботва и т.п.), лошади, особенно в период страды, требовалось зерно, которое было основным продуктом питания земледельца и его семьи. Таким образом, замена волов лошадьми расширяла ту часть совокупного общественного продукта, которая оставалась в руках непосредственного производителя. Это способствовало укреплению экономической самостоятельности западноевропейского крестьянства, что явилось, как мы увидим позднее, также важным фактором повышения производительности труда.

Если рассматривать развитие производительных сил в их исторической перспективе, как переход от естественных производительных сил к общественным, то становится ясно, что повышение продуктивности природы, совершенствование «природной машины», хотя и способствует росту производительной силы труда, тем не менее, препятствует преодолению зависимости человеческого общества от природы. Наоборот, совершенствование искусственных, созданных человеком орудий труда, безусловно, способствует преодолению зависимости человека от природы, создает предпосылки для перехода от естественных производительных сил к общественным. Развитие системы орудий труда, техники позволяет человеку увеличить меру власти над внешней природой. Техника выступает как «вторая природа», как природа, преобразованная человеком и подчиненная достижению его целей.

Прогресс развития техники выражается как в лучшем использовании материалов (расширении их ассортимента, открытии их новых свойств, создании новых материалов и т. д.), так и во введении в оборот более глубоких, более мощных источников энергии (постепенное вытеснение человека в качестве единственной и главной энергетической силы мускульной силой животных, энергией движущейся воды, ветра, взрыва и т. д.). Первые водяные мельницы появились еще в Китае и Индии. Однако широкое распространение они получают лишь в Европе, начиная с X в. В конце X – начале XI вв. сначала во Франции, а позднее в Голландии начинают распространяться ветряные мельницы. С середины XIV в. их уже используют в металлообрабатывающей промышленности.

Таблица 8-2

Численность населения в Европе, 400 г. до н. э. – 1900 г. :

Годы	Млн человек
400 г. до н.э.	23
1 г. н.э.	37
200	67
700	27
1000	42
1150	50
1250	69
1400	45
1500	69
1650	100
1750	140
1900	401

Источник: Slicher van Bath B.H. *The Agrarian History of Western Europe A.D. 500-1850*. London, 1963. P. 77–78.

Появление, а главное широкое распространение, новых источников энергии позволило механизировать многие трудоемкие процессы, вело к значительной экономии живого труда, способствовало росту общественных производительных сил. Только благодаря повсеместному распространению водяных и ветряных мельниц в Западной Европе XVII в. было высвобождено от тяжелой работы по производству муки, по расчетам Г.Ф.Ильина, от 2,5 до 10 млн человек.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

- X в. — Начало распространения в средней Европе тяжелого римского (обитого железом) плуга
- X в. — Распространение в Европе водяных мельниц
- к. X — н. XI вв. — Ветряные мельницы
- н. XII в. — Начало распространения алкоголя в Европе
- XII в. — Изобретение обитого войлоком хомута - замена волов лошадьми
- к. XIII в. — Изобретение механических часов
- XIV в. — Привод ветряной мельницы к мехам плавильных горнов
- XIV в. — Токарный и шлифовальный станки
- XV в. — Каравелла
- XVII в. — Появление телескопа, микроскопа

Благодаря новым источникам энергии произошли глубокие изменения в горнодобывающей промышленности и металлообработке. Важную роль при этом сыграли гидродвигатели, с помощью которых приводились в движение рудодробилки, воздуходувки, маслобойки (с XI в.), механические молоты (с XII в.), лесопилки, воздушные насосы, насосы для откачки воды в шахтах (с XIII в.) и т.д. Это сделало возможным переход к разработке пород, ранее недоступных. Так, уже в XII в. в Европе начинается подземная добыча каменного угля. Использование механических воздуходувок в черной металлургии привело к возникновению доменного процесса, позволившего получать чугун, а после его обработки — и высококачественную сталь. Использование механических методов позволило наладить в широких масштабах производство коксового и листового металла. В XIV в. появляются не только проволочные станы, но и токарные, шлифовальные станки. Качественные изменения происходят и в судоходстве, где в XV в. на смену парусно-гребному судну (галере) приходит трехмачтовый корабль с парусами (каравелла), открываются возможности для трансокеанских рейсов.

В ходе развития техники происходят изменения ее элементов, структуры и функций. Углубляется разделение труда, развивается его специализация (предметная и функциональная), кооперация и комбинирование. Тем самым создаются предпосылки для ослабления зависимости не только от внешней природы, но и от ограниченных биологических возможностей самого человека (его физической силы, скорости движений, зрения, слуха и т. д.). Совершенствование орудий труда способствует ускорению темпов развития человеческого общества и прежде всего темпов роста населения в Европе (см. табл.8-2 и рис. 8-7).

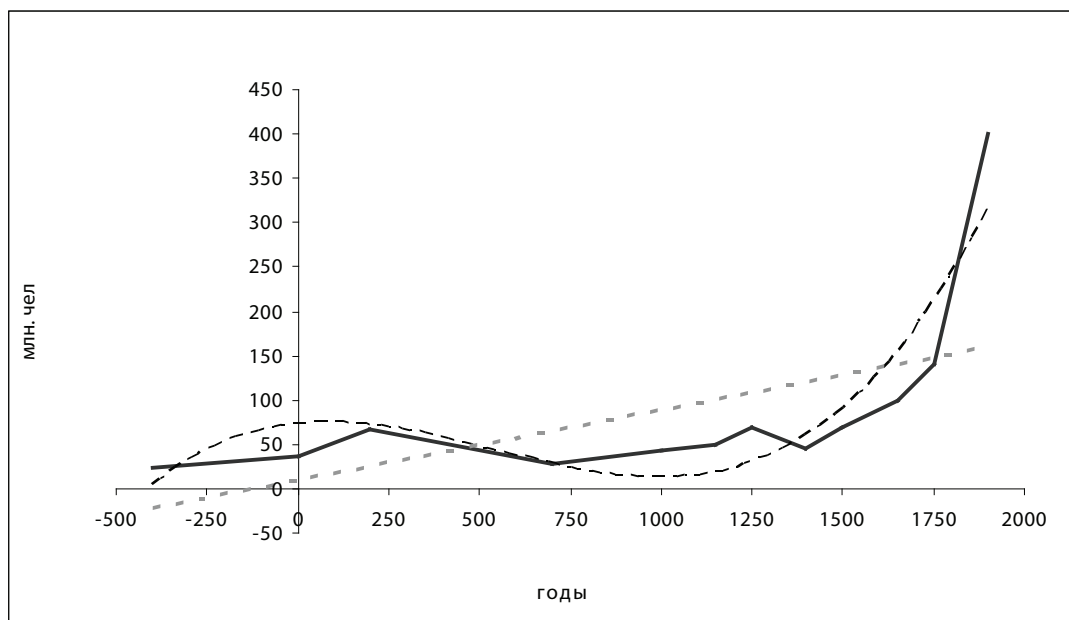

Рис. 8-7. Рост населения в Европе, 400 г. до н. э. — 1900 г.;
линейный и кубический тренды

Развитие техники в Западной Европе в эпоху феодализма не только значительно повысило роль и значение общественной составляющей в совокупной

производительной силе докапиталистического общества, но и создало необходимые предпосылки для промышленной революции, которая знаменует смену естественных производительных сил общественными в качестве ведущего и определяющего типа.

Значение и ограниченность эффективности общественного производства в докапиталистических обществах

Подводя итоги, кратко остановимся на общих закономерностях развития эффективности общественного производства в докапиталистических формациях, выявим достоинства и недостатки форм хозяйствования, предшествовавших капитализму.

Несомненным представляется тот факт, что рост эффективности является законом развития общественного производства. Но это общее положение нуждается в конкретизации с качественной и количественной стороны.

Сравнение эффективности производства различных социальных возможно путем сопоставления показателей технико-экономической эффективности (в частности, с помощью такого важнейшего из них, каким является производительность труда различных докапиталистических формаций) еще недостаточно развито. В распоряжении исследователей имеются, как правило, разрозненные и не всегда надежные данные об урожайности зерновых культур — весьма относительном показателе развития производительных сил в земледелии. Правда, важность этого косвенного показателя несомненна, так как сельское хозяйство было ведущей отраслью материального производства в докапиталистическую эпоху. Однако использование этих данных в теоретическом анализе еще сопряжено с известными трудностями.

Урожайность зерновых в древнем Египте II–I тысячелетия до н.э. составляла сам-12 — сам-20, в античной Италии периода расцвета Рима (II–I вв. до н.э.) — сам-5 — сам-10 (т.е. 7,5 — 15 ц/га), в средневековой Франции — сам-2 (в X в.) и сам-3 — сам-4 (в начале XV в.) и в условиях современного капитализма (например, в Нормандии) сам-20.

Значение такого сопоставления, конечно, весьма относительно, так как этот показатель отражает не только трудовые затраты, но и природные условия хозяйствования на земле. О чем свидетельствуют эти данные? Прежде всего, о разной продуктивности «природной машины», а значит, о более весомом вкладе ее и естественных производительных сил вообще в совокупную производительную силу в условиях азиатского способа производства, более скромном — в условиях рабовладения, и, наконец, наименьшем при феодализме. Поэтому сравнение областей с разными климатическими условиями и типами земледелия (орошаемое в древнем Египте и богарное в Италии и Франции), естественно, искажает реальную картину развития общественных производительных сил. Лишь разработка более современной методики учета трудовых затрат в разных климатических зонах и при разных системах земледелия позволит воспользоваться данными об урожайности различных культур с тем, чтобы реконструировать процесс развития общественных производительных сил с необходимой последовательностью и полнотой.

Сравнение докапиталистических систем производства по урожайности зерновых культур имеет и иной аспект, оно указывает на определенное един-

ство докапиталистической техники, индивидуальный характер средств производства, господство ручного труда. Означает ли это, что между эффективностью общественного производства различных докапиталистических формаций нет принципиальных различий? Думается, что качественные различия существуют. Развитие производительных сил характеризуется как переход от естественных производительных сил к общественным и от них к всеобщим производительным силам. Каждая форма производительных сил развивается в недрах старой, подготавливая ее отрицание. **Производительные силы, обусловленные природой, или естественные производительные силы, могут быть сведены к двум основным формам: 1) субъективной, т.е. природы самого человека, его расе, форме естественно возникшей общности (Gemeinwesen) и т.п., и 2) объективной, т.е. естественному богатству средствами жизни и труда.** Дальнейшее развитие производительных сил предполагает преодоление субъективной и объективной форм естественных производительных сил в качестве господствующих, подчинение и преобразование их на базе развившихся общественных производительных сил. Поэтому наша задача по существу сводится к исследованию основных этапов и форм этого процесса.

Изучение производительных сил основывается на анализе результатов деятельности людей, энергия которых предопределена достигнутым уровнем развития как производительных сил, так и производственных отношений. Поэтому исследование становления общественных производительных сил в докапиталистических антагонистических формах производства предполагает комплексный анализ производительных сил и производственных отношений и включает изучение трех взаимосвязанных процессов: во-первых, процесса преодоления субъективной формы естественных производительных сил, т.е. развития общественной природы самого человека, преобразования естественно сложившейся общности в социальную общность и т.д.; во-вторых, процесса преодоления объективной формы естественных производительных сил, т.е. развития системы орудий труда, созданных человеком, повышения их роли в процессе производства и т.д., и, в-третьих, процессов влияния разных форм производственных отношений на развитие производительных сил, выявление экономических причин, способствующих или препятствующих отмиранию ведущей роли естественных производительных сил и развитию общественных производительных сил. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Анализ форм, предшествующих капиталистическому производству, позволяет выделить три этапа преодоления естественно сложившейся общности: азиатскую, античную и германскую общины. Критерием их выделения являются не национальные или географические особенности, а та мера, в какой они преодолевают первобытный коллективизм и развивают частный труд и частную собственность.

При рассмотрении становления системы искусственных (т.е. созданных человеком) орудий труда особое место принадлежит анализу докапиталистической промышленности, исследованию форм связи ремесла и земледелия, изучению этапов развития противоречия между городом и деревней.

Характеризуя азиатскую форму собственности, подчеркнем включенность ремесла в систему внутриобщинного разделения труда, его кастовую организацию, нерасчлененность города и деревни, зависимость развития древневосточ-

ной промышленности от потребностей и возможностей сельскохозяйственного производства.

В отличие от азиатской, при античной форме собственности начинается процесс отделения ремесла от земледелия, города от деревни. Это, естественно, способствует подъему ремесла и расцвету домашней промышленности. Однако ремесленники в античном мире занимают еще подчиненное, неполноправное положение, а города классической древности являются прежде всего центрами земельных собственников, образуют базис общины земледельцев. Лишь в эпоху Средневековья в Западной Европе завершается процесс отделения ремесла от земледелия, возникают города как центры ремесла и торговли, развивается дифференциация и специализация ремесла, создаются корпорации ремесленников-собственников своих условий производства и существования, начинается экономическая эксплуатация деревни феодальным городом.

Разную роль сыграли в становлении общественных производительных сил и различные системы докапиталистических отношений. Дело в том, что в антагонистических формациях интерес господствующего класса стал важным движущим фактором производства, так как не ограничивался задачей поддержания существования угнетенных. Поэтому наличие или отсутствие экономического интереса класса эксплуататоров в совершенствовании производства, повышении его эффективности было важной причиной технического прогресса или застоя докапиталистических антагонистических обществ.

В условиях восточного деспотизма в развитии общественных производительных сил были заинтересованы лишь трудящиеся массы, но у них не было для этого необходимых средств. Хозяйство непосредственного производителя в рамках этой специальной системы наиболее беспомощно, наименее самостоятельно. Оно зависело от результатов коллективного труда других производителей (ирригация, террасирование склонов и т.д.), от итогов совместной деятельности, которая происходила под контролем эксплуататоров разного рода (разбогатевшей общинной верхушки, местной или центральной администрации, государственных чиновников). Регулирование водоснабжения, установление контроля за распределением и использованием водных ресурсов создавало материальные предпосылки для увеличения зависимости отдельных общинников от государственной бюрократии или местных землевладельцев, в руках которых находилась ирригационная система. Рост огромного числа посредников (чиновников и ростовщиков), вклинивавшихся между непосредственным производителем и верховным собственником земли и присваивавших значительную часть прибавочного продукта, также стимулировал рост эффективности общественного производства, но лишь увеличивал тяжесть эксплуатации, способствовал обнищанию крестьян и ремесленников.

Фактором, препятствующим прогрессу земледелия, являлось и «поголовное рабство» — всеобщая зависимость индивидов от ассоциации эксплуататоров, сплотившихся в государство. Верховное право собственности на землю, рента-налог, общественные работы, фискальные интересы государства препятствовали развитию частной собственности, частной заинтересованности и инициативы в развитии техники и повышении эффективности производства.

Несомненный прогресс производственных сил мы наблюдаем при переходе от древневосточных обществ к классической Греции и Риму.

Движение вперед выразилось не только в замене менее совершенных средств производства более совершенными, но в большей индивидуализации и независимости частного производства, создавшими благоприятные условия для подъема его эффективности. Характерно, что прогресс общественных производительных сил связан в античном мире с подъемом ремесленного производства и упадком парцеллярной земледельческой культуры, с развитием товарного хозяйства в ущерб натуральному, частной собственности за счет государственной.

Заслугой европейского Средневековья является процесс реабилитации человеческого труда. Поэтому безусловен факт повышения экономической заинтересованности крепостного крестьянина по сравнению с античным рабом и даже независимым производителем эпохи классического рабовладения, в которой труд рассматривался как рабское, недостойное свободное занятие. Если при рабстве внеэкономическое принуждение к труду охватывало производство как необходимого, так и прибавочного продукта, то в условиях барщинной системы хозяйства оно ограничивается лишь сферой производства прибавочного продукта, а в условиях оброчной системы уже весь продукт производился непосредственным производителем самостоятельно. Внеэкономическое принуждение ограничивается лишь присвоением ренты — уже произведенного прибавочного продукта. По мере развития хозяйственной самостоятельности крестьян увеличивается их заинтересованность в результатах своего труда, повышается эффективность их производства. Новый материальный интерес стал могучим фактором роста производительности труда особенно после падения барщины в Западной Европе. Именно он породил коммунальную революцию, подъем цехового ремесла и тем самым способствовал созданию материальных предпосылок промышленной революции.

Таким образом, становление общественных производительных сил в докапиталистическую эпоху связано прежде всего с развитием трудящихся — главной производительной силы общества. Прогрессивный характер этого развития в условиях господства ручного труда выражался, с одной стороны, в уменьшении зависимости хозяйства непосредственных производителей от естественных производительных сил, развития созданных человеком орудий труда, отделении ремесла от земледелия, города от деревни и, с другой — в сокращении сферы внеэкономического принуждения, повышении экономической заинтересованности трудящихся в качестве, количестве и результатах труда, росте производительности их хозяйства.

Повышение эффективности производства в докапиталистическую эпоху связано с ростом эффективности хозяйства непосредственных производителей. Эксплуататоры выступали прежде всего как потребители прибавочного продукта, оторванные от производства, его хозяйственных потребностей и нужд. Поэтому для докапиталистических форм хозяйствования характерен акцент на эффект, на результат. Издержки производства в условиях азиатского, рабовладельческого и феодального способов производства почти не интересовали господствующий класс, и он стремился переложить их на плечи непосредственных производителей — крестьян и ремесленников.

Подведем итоги. Для докапиталистических формаций характерен особый тип взаимодействия производительных сил и производственных отношений. Его компонентами являются естественные производительные силы, натураль-

ное хозяйство, личная зависимость и внеэкономическое принуждение. Анализ их выявил особенности взаимодействия производительных сил и производственных отношений в условиях первобытнообщинного, азиатского, античного и феодального производства. Он послужил основой для принципиального вывода о том, что в условиях докапиталистических обществ существовала особая форма прогресса, которая отразилась в особых критериях эффективности. **Главным направлением прогресса стало вытеснение старого качества новым: естественных производительных сил — общественными, натурального хозяйства — товарным, личной зависимости — вещной, внеэкономического принуждения к труду — экономическим.**

Учебно-методические материалы

Занятие 8. Феодальное общество

Предпосылки, содержание и формы генезиса феодализма. Аграрный переворот — становление феодальных отношений. Формы личной зависимости при феодализме. Родственные связи и феодальный строй. Германская община. Общинный характер феодальных корпораций. Становление сословной структуры общества.

Классический феодализм: единство собственности и труда. Монополия господствующего класса на землю и личность непосредственного производителя. Формы и виды феодальной ренты.

Средневековый город и его обитатели. Формы феодальных монополий. Значение и ограниченность цехового строя. Купеческий и ростовщический капитал.

Ментальность эпохи феодализма. «Картина мира» средневекового человека. Экономическая культура безмолвствующего большинства. Право и обычаи. Свобода и несвобода. Между язычеством и христианством. Средневековые представления о богатстве и труде. Рыцарь и его система ценностей.

Роль университетов как научных центров. Схоластика. Институциональное измерение культуры Средневековья.

Эффективность хозяйствования в условиях феодализма. Переворот в труде и его социально-экономических формах. Промышленный труд и культура Возрождения. Предпосылки становления новой психологии. Автономизация личности.

Доиндустриальный рост стран Запада и Востока: темпы, факторы и межцивилизационные сопоставления.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2003. Кн. 2. С. 64–124
2. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии. Спб.: ЕВРАЗИЯ. 2010.

3. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. Ч. 2.
4. *Нуреев Р.М.* Экономический строй докапиталистических формаций. (Диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе, 1989. Ч. 45–54, 63–77, 133–152.

Дополнительная

1. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Люди и вещи. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. Ч. 2.2. Гл. 3 (разд. 1, 2, 4, 5).
2. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. СПб.: Александрия, 2007
3. *Дюби Ж.* Время соборов: искусство и общество 980–1420 годов. М.: Ладомир, 2002.
4. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 225–295.
5. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство. 1990. Ч. I. С. 15–64.
6. История средних веков. Т. 1, 2 / Под ред. С.П. Карпова. М., 2001.
7. *Сказкин С.Д.* Избранные труды по истории. М., 1973. С. 34– 38, 105– 113.
8. *Эшли У.Дж.* Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897.
9. *Greif A.* Institutions and the Path to the Modern Economy: Cambridge University Press, 2006.
10. *Greif A.* Lessons from Medieval Trade«On the History of the Institutional Foundations of Impersonal Exchange: From Communal to Individual Responsibility in Pre-modern Europe» Stanford. 2001.

Web-ресурсы

1. *Munro J.* «Wage-Stickiness, Monetary Changes, and Real Incomes in Late-Medieval England and the Low Countries, 1300–1450: Did Money Really Matter?» // <http://repec.economics.utoronto.ca/files/UT-ECIPA-MUNRO-00-03.pdf>.
2. *Rost K., Inauen E., Osterloh M. and Frey B.* The Corporate Governance of Benedictine Abbeys: What can Stock Corporations Learn from Monasteries? // <http://www.iew.uzh.ch/wp/iewwp374.pdf>.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Перечислите общие черты и характерные особенности производительных сил феодального способа производства.
2. Почему производительность труда в земледелии в докапиталистическую эпоху была выше производительности труда в ремесле? В каком из добуржуазных способов производства этот разрыв был максимальным, а в каком — минимальным? Объясните почему.
3. Проведите сравнительный анализ различных систем земледелия. Какие из них типичны для феодализма, а какие нет?

4. Можно ли говорить о прогрессе производительных сил в докапиталистическую эпоху или нет? Если да, то в чем он выражался? Если нет, то почему?
5. В чем заключается дуализм земледельческой общины? Каковы особенности его разрешения в условиях феодального способа производства,
6. В чем единство и различие кастовой и сословной форм личной зависимости?
7. Каковы особенности товарно-денежных отношений в условиях феодального способа производства? Какую роль играл купеческий и ростовщический капитал?
8. Причины возникновения монопольных условий производства в докапиталистическую эпоху и их влияние на развитие товарно-денежных отношений.
9. Охарактеризуйте натурально-хозяйственные элементы цехового строя. Перечислите основные функции средневекового цеха и купеческой гильдии. В чем единство и в чем различие?
10. Можно ли считать средневековую городскую экономику элементом феодальной системы хозяйства или она является инородным для него элементом? Что общего и каковы различия между средневековым ремеслом и буржуазным промышленным производством? Между средневековым ростовщичеством и буржуазным банковским бизнесом?
11. Как вы понимаете единство собственности и труда в докапиталистической экономике?
12. Что такое внеэкономическое принуждение к труду? В чем его отличие от экономического? Каковы условия освобождения труда? Назовите основные формы внеэкономического принуждения к труду. В чем их единство и в чем различие?
13. Перечислите основные формы и виды феодальной ренты. Приведите примеры, иллюстрирующие их.
14. Можно ли говорить о прогрессе применительно к различным системам принуждения к труду в докапиталистических формациях или нет? Если да, то в чем он выражался? Если нет, то почему?
15. Охарактеризуйте критерий, показатели и границы роста эффективности феодального производства. Сравните эффективность хозяйствования в условиях азиатского, античного и феодального способов производства. В чем значение и ограниченность эффективности общественного производства в докапиталистических формациях?

ТЕСТЫ

1. Верны ли следующие утверждения?

1. Согласно схоластической концепции «справедливой цены», если к продавцу приходят два покупателя разного социального статуса, то продавец должен уступить товар представителю высшего сословия по более низкой цене, а представителю низшего сословия — по более высокой.

Да

Нет

2. По среднедушевым показателям производства страны Западной Европы начали обгонять страны Востока уже в эпоху крестовых походов (XI–XIII вв.).

Да Нет

3. Земледельческая община внутренне присуща только феодализму.

Да Нет

4. В произведениях средневековых схоластов экономическая теория рассматривалась в рамках учения о справедливости.

Да Нет

5. Цеховая организация городского ремесла при феодализме имела своей целью монопольную организацию производства и реализации.

Да Нет

6. Цеховая организация городского ремесла при феодализме имела целью организацию торговой экспансии на рынки других городов.

Да Нет

7. Согласно концепции «справедливой цены» средневековых схоластов, рыночная цена не должна зависеть от случайного волеизъявления участвующих в сделке сторон.

Да Нет

8. В концепции «справедливой цены» Фома Аквинский, изучая, каким должно быть вознаграждение за использование взятой в кредит суммы денег, утверждал, что она не должна превышать средней нормы прибыли.

Да Нет

9. В эпоху классического Средневековья гарантом соблюдения норм торгового права выступало государство.

Да Нет

10. Переход к феодальному способу производства сопровождается оформлением института частной собственности на землю.

Да Нет

11. В доиндустриальных обществах существовали национальные модели экономики.

Да

Нет

2. Выберите правильный ответ

1. Какого из ниже перечисленных видов ренты не существовало?

- а) отработочная;
- б) продуктовая;
- в) эпизодическая;
- г) високосная.

2. Какой из перечисленных источников денежных доходов не мог использоваться средневековыми феодалами?

- а) выкуп за взятых в плен врагов;
- б) плата от короля за военную службу;
- в) денежный оброк с феодально-зависимых крестьян;
- г) плата с купцов за проезд по его территории.

3. Концепция «справедливой цены» была выработана в противовес

- а) традиционному праву;
- б) римскому праву;
- в) нормам христианской этики;
- г) этике буржуазного предпринимательства.

4. Процесс феодализации шел быстрее в странах

- а) с господством христианства;
- б) с преобладанием античного населения;
- в) с преобладанием протофеодальных элементов разлагающегося первобытнообщинного строя;
- г) уравновешенного синтеза.

5. Освобождение основной массы крестьян от личной зависимости произошло в период:

- а) крестовых походов (XI–XIII вв.);
- б) крупных крестьянских восстаний (XIV в.);
- в) расцвета абсолютизма (XVI–XVII вв.);
- г) буржуазных революций (XVII–XIX вв.).

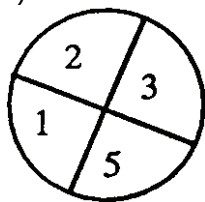
6. Какая абстрактная схема правильно показывает структуру феодального поместья при оброчной системе? В схемах:

- 1 - неразделенный общинный фонд пахотной земли;
- 2 - зависимые крестьянские земельные наделы;
- 3 - неразделенные общинные угодья (лес, луга);

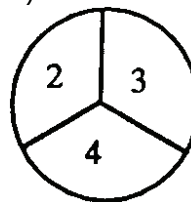
4 - господский домен;

5 - свободные крестьянские наделы.

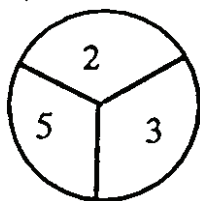
а)

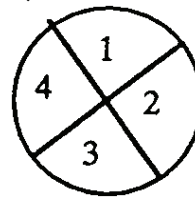
б)

в)

г)

7. Чтобы замаскировать ростовщические операции, в западноевропейских средневековых обществах:

- а) продавали право на вечное получение ренты с какого-либо имущества;
- б) проводили ростовщические операции без документального оформления;
- в) давали беспроцентные ссуды на очень короткий срок, а затем брали с заемщика штраф за нарушение срока уплаты долга;
- г) верно и а), и в).

8. Важнейшая для прекария черта:

- а) переход крестьянина под «сильную руку» господина;
- б) отказ от личной свободы при сохранении хозяйственной самостоятельности;
- в) отказ крестьянина от земли в пользу господина;
- г) выполнение крестьянином определенных повинностей в пользу феодала.

9. Зависимость ростовщического процента от общего развития товарно-денежных отношений является:

- а) прямо пропорциональной;
- б) обратно пропорциональной;
- в) обратной;
- г) нейтральной.

10. Становление общественных производительных сил в докапиталистическую эпоху не связано с:

- а) уменьшением зависимости хозяйства непосредственных производителей от сил природы;
- б) отделением ремесла от земледелия;
- в) отделением города от деревни;
- г) совершенствованием системы внеэкономического принуждения.

11. Концепция «справедливой цены» была выработана в противовес:

- а) традиционному праву;
- б) римскому праву;
- в) нормам христианской этики;
- г) этике буржуазного предпринимательства.

ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

3. Решите задачи и ответьте на вопросы повышенной сложности.

12. Существует «парадокс урожайности»: в некоторых обществах древнего Востока продуктивность земледелия была заметно выше, чем в более высокоразвитых обществах античной и средневековой Европы. Так, в древнем Египте II–I вв. до н.э. урожайность зерновых составляла сам-12 — сам-20, в античной Италии II–I вв. до н.э. — сам-5 — сам-10, а в средневековой Франции XV в. — сам-3 — сам-4²³. Не опровергает ли «парадокс урожайности» теорию определяющего влияния уровня производительных сил на уровень производственных отношений?

Ответ: Согласно концепции Р. М. Нуреева, на развитие производственных отношений влияет рост общественных и всеобщих производительных сил, в то время как уровень естественных производительных сил (урожайность отражает во многом именно этот фактор) определяется в основном природными условиями и не оказывает принципиального воздействия на уровень общественного развития. Следовательно, сильное сокращение естественных производительных сил (плодородия почвы) при одновременном подъеме общественных производительных сил (совершенствовании земледельческих орудий труда и форм организации сельскохозяйственного производства) может создавать предпосылки для более высокого уровня производственных отношений, хотя ряд показателей эффективности (в т. ч. и урожайность) будет снижаться.

13. Кратко перечислите основные функции цеховой организации городского ремесла и купеческой гильдии при феодализме, проранжируйте эти функции по значимости.

14. Охарактеризуйте экономическую теорию канонического права.

- а) Какова связь между справедливостью и пропорциональностью в этой доктрине и кто первый выдвинул такое понимание?
- б) Объясните черты сходства и отличия в понимании справедливой цены в римском и каноническом праве.
- в) Перечислите субъективные и объективные элементы справедливой цены.
- г) Какова связь канонической концепции ростовщического процента с учением о справедливой цене?

15. В средневековой Флоренции по данным на 1427 г. 1% наиболее богатых домохозяйств владел 1/4 всего богатства граждан города, верхние 10% — примерно 2/3, низшая 1/2 населения — только 3%. Рассчитайте примерную величину имущественной дифференциации граждан Флорентийской республики (коэффициент Джини).

²³ Нуреев Р. М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства. Основные закономерности развития. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 75

16. Охарактеризуйте особенности теневой экономической деятельности при до-индустриальных способах производства.

а) Сформулируйте наиболее общее определение понятия «теневая экономическая деятельность». При каких условиях она возникает?

б) Какие виды теневой экономической деятельности можно считать универсальными для любых цивилизованных обществ?

в) Есть ли такие виды теневой экономической деятельности, которые характерны только для отдельных добуржуазных способов производства?

г) Есть ли такие виды экономической деятельности, которые считались «теневыми» хотя бы в некоторых добуржуазных экономических системах, а в современном обществе таковыми не считаются? Есть ли обратные примеры?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ (сказка для интеллектуалов)

Дж. Мэйнстринг (1878–1918)

Дж. Мэйнстринг, один из основоположников американского институционализма, любил сочинять иносказания, интерпретация которых уже много лет подкармливает их полупрофессиональных толкователей. В публикуемом ниже опусе Мэйнстринга «Сказка для интеллектуалов» его метафорические способности достигли вершины.

На русском языке публикуется впервые.

Жила-была одна, весьма **ЮНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ**, чья изящная формулировка смущала взоры немалой группы **ПОЖИЛЫХ ЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ**, известных как **ВСЕОБЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ**.

Впрочем, судя по их прошлым, малорациональным предпочтениям, они точно знавали толк в **ПРЕЛЕСТНЫХ МЛАДЫХ ДЕФИНИЦИЯХ**, — увы, в классической теории всегда оказывавшихся **ПОДНАДОЕВШИМИ И НЕСНОСНЫМИ КАННОТАЦИЯМИ**.

Однако **МЕЛКИЕ ДЕРИВАТИВЫ** (напичканные, согласно «закону Коперника-Грешэма», всякими финансовыми отходами), ужасно завидовавшие не обращавшим на них никакого внимания **АРИСТОКРАТИЧЕСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЗАКОНАМ**, раздули костёр острейшего **ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**, опрокинувшего все хорошо пристроившиеся **КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ** и разогнавшего толпу **ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ**, изображавших из себя в период преждевременного бума **ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОЗИТИВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ**.

Досталось и нашей **ЮНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ** — её изящная формулировка ужасно пострадала от **ДЕПРЕССИВНОГО ТРЕНДА**, обнажив сквозь возникшие прорехи такие **ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОВАЛЫ**, которые можно было бы принять за **ПРОИЗВОДНЫЕ ФОРМЫ**, если бы девическая застенчивость прелестницы не препятствовала их тактильному тестированию.

И вот, пока **ЮНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ** штопала свою треснувшую формулировку, к ней подкралась старая сводня, известная как **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ**, надеявшаяся завлечь **НЕВИННУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КАТЕГОРИЮ** в тенета своей **НЕНАБЛЮДАЕМОЙ ЭКОНОМИКИ**.

К счастью для **ЮНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ**, рядом размахивал нанотехнологичной дубинкой **МОЛОДОЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ**. Он-то и заехал, не задумываясь, по безмерному заду **ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА**, от чего последний буквально вплющился в осточертевший всем своим безмерным половодьем **МЭЙНСТРИМ**.

Тот так и полетел кубарем...

Немедленно посветлело. **ЮНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ** с трудом впи-
нулась в **КЛАССИЧЕСКИЙ КОМПЕНДИУМ**, обзавелась **ЛИБЕРАЛЬНЫМ ДИСКУРСОМ**
и скоро, пренебрегая ухаживанием со стороны **ЭВОЛЮЦИОННОГО ИНСТИТУЦИО-
НАЛИЗМА**, вышла замуж за **ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ** — самого желанного героя
ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ.

Свадьба была знатной: все **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ** были официально
признаны интеллигибельными, а двум подружкам — **КОРРУПЦИИ** и **ОЛИГАР-
ХИИ** — принудительно демонстрировали агитационные фильмы о важности
борьбы с ними...

«EDITORIAL»

Mamedov O.Y. The state and economy	5
---	---

«CONTEMPORARY ECONOMIC THEORY»

Grachev G.A. Assessment of the effectiveness of structural expenditure side of public budgets	10
Shvetsov D.V. Market, fair, store, shop: the genesis of forms of retail.....	21

«HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT»

Schmoller G. Zur Methodologie der Staats- und Sozial-Wissenschaften	31
---	----

«ECONOMIC HISTORY»

Popov G.G., Suchovsky A.M. Wars and missed chances of modernizing Russia in the first half of the XIX century	50
Mamedov O.Y. Why did the Germans voted for Hitler (from the history of economic crimes of the state).....	66

«REVIVING THE WHOLENESS OF SOCIAL SCIENCE»

Alfyorov A.A. A few words about what is «modernity».....	78
Kravtsov N.A. Interaction between state and art of ancient Egypt	84

«ACTUAL PROBLEMS OF MODERN LAW»

Tsyganenko S.S. Between nominalism and realism of the psychological foundations of the law methodology	88
--	----

«THE OPEN AUDIENCE»

Nureev R.M. Feudal society as the supreme and final stage of the traditional economy. Christian type of culture.....	95
--	----

«HE IS THE ONE»

Meynstring J. Adventures of ECONOMIC CATEGORY	141
--	-----

Научно-аналитическое издание

TERRA ECONOMICUS

**Экономический вестник
Ростовского государственного университета**

2011

Том 9

Номер 3

Сдано в набор 20.08.2011. Подписано в печать 29.08.2011.
Формат 60х84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура AficinaSerif.
Печать офсетная. Усл. п. л. 18.60. Уч.-изд. л. 12,74.
Тираж 558 экз. Заказ № 54. С. 144.

Издательство «Наука-Спектр».
344010, г. Ростов-на-Дону, ул. Лермонтовская, 90, к. 8.
Т. 8(863)269-09-71.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии.